

ЛЕДОВОЕ
ПОБОИЩЕ
1242 г.

Annotation

Сборник состоит из статей участников комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища.

В сборник входят работы, освещающие вопросы археологии, геологии, гидрогеологии и топонимики предполагаемого места битвы и прилегающего к нему района. Кроме того, в сборник включены статьи, подробно анализирующие русские и ливонские письменные источники о Ледовом побоище.

Книга в целом дает широкую картину Ледового побоища 1242 г. и исторической обстановки, сложившейся в этом районе.

Издание представляет большой интерес для историков, археологов, преподавателей общественно-исторических дисциплин, военных историков и для широкого круга читателей.

-
- [Ледовое побоище 1242 г.](#)
 - [Введение](#)
 - [Г.Н. Караев. К вопросу о месте Ледового побоища 1242 г](#)
 - [П.А. Раппопорт, Я.В. Станкевич, И.К. Годунова. Археологическое обследование восточного побережья Чудского озера](#)
 - [Г.Н. Караев. Результаты подводного археологического обследования северной части Теплого озера](#)
 - [А.С. Потресов, Е.В. Шолохова. Древние водные пути новгородцев](#)
 - [А.Э. Кустин. Некоторые данные о заселении западного побережья Теплого озера \(X–XIII вв.\)](#)
 - [Т.Ю. Тюлина. К вопросу о природных условиях в XIII в. в северной части Теплого озера](#)

- [В.С. Кузнецова. Геологические условия района Чудского озера](#)
- [Г.Н. Скляревская. Микротопонимика района работ экспедиции](#)
- [Г.Н. Караев. Ледовое побоище и его трактовка на основе работ экспедиции](#)
- [Приложения](#)
 - [Ю.К. Бегунов, И.Э. Клейненберг и И.П. Шаскольский. Письменные источники о Ледовом побоище\[100\]](#)
 - [Русские источники](#)
 - [Западные источники](#)
 - [1. Старшая ливонская Рифмованная хроника](#)
 - [2. «Хроника Ливонии» Германа фон Вартберге](#)
 - [3. Хроника Тевтонского ордена](#)
 - [4. «История Ливонии» Иогана Реннера](#)
 - [5. «Хроника Ливонии» Бальтазара Руссова](#)
 - [Заключение геолого-археологической комиссии](#)
 - [Список сокращений](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)

- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)

- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)

- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)

- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)

- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)

- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)

- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)

- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)

- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)

- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)

- [409](#)
 - [410](#)
 - [411](#)
 - [412](#)
 - [413](#)
 - [414](#)
 - [415](#)
 - [416](#)
 - [417](#)
 - [418](#)
 - [419](#)
 - [420](#)
 - [421](#)
 - [422](#)
 - [423](#)
 - [424](#)
 - [425](#)
 - [426](#)
 - [427](#)
 - [428](#)
 - [429](#)
 - [430](#)
 - [431](#)
-

**Ледовое побоище 1242 г.
*Труды комплексной
экспедиции по уточнению
места Ледового побоища***

Введение

В конце первой половины XIII в. русский народ пережил одно из самых больших испытаний, какие только когда-либо возникали на пути его исторического развития. Монголо-татарское нашествие захватило всю южную и среднюю Русь, с такими крупными ее городами, как Чернигов, Киев, Владимир, Суздаль, являвшимися рассадниками русской культуры. Они лежали в развалинах, сожженные и разграбленные. От этого повального разрушения уцелели лишь Новгород и Псков с их владениями в Прибалтике и на севере у Студеного моря. Крестовый поход против этих сохранивших самостоятельность русских городов объединил шведов, датчан, немецких рыцарей-меченосцев — всех тех, кто стремился использовать тяжелое положение Руси для захвата ее земель. Создалась смертельная угроза для русской культуры, для свободы и независимости русского народа.

Победа шведов на Неве в 1240 г. и победа немецких рыцарей на Чудском озере в 1242 г. означали бы падение Новгородского княжества, закабаление населения северо-западной Руси шведскими и немецкими феодалами, — иными словами, уничтожение оставшихся еще свободными от монголо-татарского нашествия русских княжеств.

Сказанным определяется значение исторических побед, одержанных русским народом над вторгшимися в его землю шведами в 1240 г. и особенно над немецкими рыцарями-меченосцами в 1242 г.

Победа, одержанная 5 апреля 1242 г., спасла от ужасов повального разграбления население новгородских и псковских земель. Она спасла от

уничтожения громадные культурные ценности русского народа, созданные им и накопленные в Новгороде, Пскове и других русских городах на севере и северо-западе. Этим, однако, не исчерпывается историческое значение этой победы. Ее влияние не ограничилось Прибалтикой. Она приобрела большое значение в судьбах всего русского народа. Это становится особенно ясным, если допустить, что новгородско-псковское войско понесло бы в 1242 г. поражение и, как следствие, Новгород и Псков оказались бы захваченными немецкими рыцарями. Это означало бы, по сути дела, раздел тогдашней феодальной Руси между завоевателями, пришедшими с востока (монголо-татары) и с запада (немецкие рыцари и их союзники). Над русским народом нависла бы величайшая угроза уничтожения его национальной самобытности. И уже во всяком случае это сильнейшим образом затормозило бы консолидацию его сил, необходимую для того, чтобы сбросить затем чужеземное господство и обрести вновь свою национальную независимость.

Таким образом, победа в битве на Чудском озере, получившая название Ледового побоища, одержанная русским народом в дни тягчайшего испытания, способствовала сохранению живых сил великого народа, призванного в дальнейшем сыграть виднейшую роль в судьбах человечества. В этом несомненная прогрессивная роль победы, одержанной над немцами на льду древней Узмени в 1242 г.

Между тем известно, что с легкой руки германского публициста Пауля Рорбаха фашистская историография не только замалчивала Ледовое побоище и понесенное в нем немецкими рыцарями тяжелое поражение, но нагло утверждала, что этой битвы вообще не было и что русский летописец внес в летопись ее описание лишь в угоду своему князю. В качестве доказательства указывалось на то обстоятельство, что советские

историки так и не могут определить место, на котором произошла битва. Материалы сборника начисто опровергают все старания фальсифицировать историю.

Авторы этих лживых утверждений забыли при этом лишь такую «подробность», как описание Ледового побоища, сделанное не кем другим, как хронистом Ливонского рыцарского ордена в «Рифмованной хронике». В этом описании, совпадающем в основном с описанием русского летописца, признается не только самый факт битвы, но и разгрома, понесенного рыцарским войском (см. приложение).

Лишь в условиях советского строя и порожденного им общего подъема науки и техники в нашей стране стало впервые возможным организовать обеспеченную научными кадрами и оснащенную всем необходимым для наземных и подводных изысканий экспедицию в район предполагаемого места Ледового побоища. Экспедиция была предпринята по решению Президиума АН СССР в 1958 г. и привела к успешному решению стоявших перед ее участниками задач.

В настоящем сборнике публикуются материалы экспедиции, связанные с комплексом предпринятых ею исследований. Из них видно, что в ходе экспедиционных изысканий выяснилась необходимость решения значительно более широкой задачи, чем предполагалось первоначально. С целью изучения истории района, где произошло сражение, было проведено археологическое обследование восточного побережья Чудского и Теплового озер, исследование бассейнов рр. Луги, Плюссы, Желчи и отчасти Шелони и сложившейся здесь исстари сети местных озерно-речных путей и волоков, произведено геологическое и гидрологическое изучение озер и т. д. Были заново критически пересмотрены письменные источники. Все эти данные позволяют в настоящее время со значительно большей полнотой и достоверностью, чем прежде, восстановить общую

картину Ледового побоища 1242 г., а следовательно, определить место, где оно произошло.

Достигнуть этого оказалось возможным благодаря широкому содействию экспедиции со стороны псковских партийных, советских и общественных организаций и той помощи, которую оказало в ходе работ экспедиции местное население, в первую очередь колхозники колхоза им. Александра Невского, с гордостью называющие себя потомками тех, кто одержал славную победу в Ледовом побоище. Успешное завершение работ экспедиции, продолжавшихся более пяти лет, было достигнуто, кроме того, в результате дружной работы всего экспедиционного коллектива, объединенного патриотическим желанием исследовать остававшийся до этого недостаточно изученным ратный подвиг наших предков, свершенный ими при защите священных рубежей Родины.

Г.Н. Караев. К вопросу о месте Ледового побоища 1242 г

Историография

Вопрос о месте Ледового побоища 1242 г. поднимался в нашей исторической литературе не раз, но до последнего времени так и не получил достаточно полного и научно-обоснованного решения. Это обусловлено прежде всего тем, что хотя летописное определение места битвы было для своего времени очень точным: «на Чудском озере, на Узмени, у Воронья камня»,^[1] но за истекшие после нее семь столетий такие названия, как Узмень, Вороний Камень и некоторые другие, упоминаемые в летописном тексте при описании битвы, оказались утраченными. Кроме того, определение места битвы очень осложнялось тем обстоятельством, что она произошла на ледяной поверхности замерзшего озера и не оставила после себя на суше никаких следов, по которым можно было бы установить ее место.

Это послужило, по-видимому, причиной того, что автор «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин, описывая Ледовое побоище, вообще уклонился от какого-либо уточнения места, где оно произошло, и пренебрег даже теми указаниями в этом отношении, которые содержатся в летописном тексте. «Александр, — пишет он, — оказал искусство благоразумного военачальника: зная силу немцев, отступил назад, искал выгодного места и стал на Чудском озере»^[2].

Более поздние историки при описании Ледового побоища хотя и повторяли летописное определение

места, где оно произошло, но не только не делали попыток установить, где это место находится, а затемняли вопрос собственными, иногда совершенно произвольными дополнениями.

Так, например, Н.И. Костомаров (рис. 1), говоря о месте, где произошло Ледовое побоище, писал: «Александр установил свое войско в боевой порядок на озере, у скалы Вороний Камень, на Узмени, при повороте из Псковского озера в Чудское»^[3].

Рис. 1. Места Ледового побоища, которые указывались различными авторами в 1868-1947 гг. 1 — Н.И. Костомаров; 2 — И.И. Василев; 3 —

Не внес ясности в этот вопрос и статистическо-географический словарь И.И. Василева,^[4] произвольно связывающий место исторической битвы с островом на Псковском озере. Он сообщает: «Матиков (Воронье, Вороний Камень) — остров небольшой при западных берегах Псковского озера, не заселенный» и далее указывает, что это и есть место Ледового побоища.

Первым весьма обстоятельно подошел к этому вопросу Ю. Трусман, высказавший мнение о том, что место битвы находится в 7 верстах к северу от устья р. Омовжи (современная р. Эмайыги), у того места берега Чудского озера, где находится дер. Воронья (Варнья)^[5].

Мнение, высказанное Ю. Трусманом, было, по сути дела, первой попыткой найти топографическое определение места Ледового побоища. Трусман исходил при этом из вероятного местонахождения древней Соболицы. По этому поводу он писал:

«Это название мы встречаем в древних лифляндских актах, изданных д-ром Бунге. Нет возможности вполне точно указать положение Соболицы (*Soboliz*), но достоверно, что она принадлежала к Дерптской епископии. При перечислении местностей в актах *Soboliz* помещается то между *Ugenois*, *Ughenoys* (так называлась, вероятно, страна к югу от среднего течения Омовжи) и *Waigele*, *W'augelle* (у русских Клинь, страна к северу от Омовжи, вероятно, угол, образуемый северным берегом этой реки и западным Чудского озера), то между *Waigel* и *Saccalla*, *Sackele*. Сакала обнимала приблизительно нынешний Феллинский уезд. Отсюда можно сделать по крайней мере тот вывод, что

Соболицкая область граничила с Угаунией, Сакалой и Вайгелой».

Исследование Ю. Трусмана, как мы увидим ниже, привлекло к себе внимание ряда историков. Однако им была допущена крупная ошибка: увлекшись определением местонахождения Соболицкой области, он упустил из виду, что в летописи идет речь не о ней, а о «Соболицком берегу». Между тем известно, что исстари установившиеся среди населения названия (в данном случае название берега) территориально нередко не совпадают с возникшими позднее на их основе административными делениями, которые тем не менее получили преемственно эти названия.

Принципиально другое мнение высказал в конце прошлого века А.И. Бунин, выступивший по этому вопросу на X археологическом конгрессе в Риге. Широко используя имевшиеся к тому времени наиболее точные карты, он сумел восстановить по ним с большой убедительностью предшествовавшие Ледовому побоищу действия новгородско-псковского войска и высказал при этом мнение о том, что под летописным словом «мост» следует понимать название населенного пункта Хаммаст, которое подписывается на картах различно: Хаммаст, Гаммаст, Хаммаст и происходит, вероятно, от Аммаст — по русски «зуб»^[6].

На основе оценки обстановки, сложившейся перед Ледовым побоищем, А.И. Бунин дал совпадающее с сохранившимися среди местного населения преданиями определение места, где находится указанный летописцем Вороний Камень. Он писал по этому поводу:

«Вороний же Камень существует и в настоящее время под названием Воронья острова и находится в южной части собственно Чудского озера, в 400 сажень к северу от Гдовского берега, в 5.5 верстах к северо-западу от погоста Кобыльево городища и в 7 верстах от западного (Суболицкого) берега Чудского озера. Остров

этот, пространством в 2 десятины 1920 кв. сажень, лет сто тому назад (при генеральном межевании) был покрыт дровяным лесом, по коему производились сенные покосы».

Это было топографически точное определение местонахождения Вороньего Камня на основе анализа действий войска Александра Невского и изучения района, где эти действия происходили. Однако автор этого определения на местность не выезжал, и научно доказать правильность своих выводов, кроме высказанных им соображений, ничем не смог.

Более позднее изучение Псковского уезда и его истории в конце прошлого столетия и в начале нынешнего В.Н. Глазовым, А.А. Спицыным, П.П. Покрышкиным, К.Д. Трофимовым и др. не коснулось определения места Ледового побоища 1242 г.

* * *

Начало советской историографии вопроса о месте Ледового побоища 1242 г. относится, по сути дела, к концу 30-х — началу 40-х годов, когда с описаниями этой исторической битвы выступили один за другим Н.Е. Подорожный,^[7] С. Глязер,^[8] А.Я. Лурье,^[9] Е.А. Разин,^[10] М.Н. Тихомиров,^[11] В.В. Мавродин^[12] и В.И. Пичета^[13].

Н.Е. Подорожный при описании битвы не дает определения места Ледового побоища, однако, судя по тому, что он пишет: «...на рассвете передовые части новгородцев заметили на льду Чудского озера движение немцев», можно заключить, что он относит это место к восточному берегу озера. Не вносит ясности в этот вопрос и С. Глязер, когда пишет: «Морозная апрельская ночь опустилась над Чудским озером. Уже с ночи Александр выстроил свои полки возле урочища Узмень — небольшой речушки у отвесного берега Чудского

озера, где самая большая скала носила название "Вороний Камень"». Не говоря уже о фантастичности выстраивания русских полков «с ночи», Глязер не дает в тексте никакого указания, где же находятся упоминаемые им «урочище Узмень» и «Вороний Камень». Лишь судя по схеме на стр. 27 можно считать, что он присоединяется к мнению Н.И. Костомарова.

Повторив в основном определение Н.И. Костомарова о том, что Александр «отвел его (свое войско, — Г.К.) назад к Чудскому озеру, к Узмени, у Вороньего Камня (при повороте из Чудского озера в Псковское)», А.Я. Лурье тем не менее высказывает в сноске свое мнение о месте битвы. Он пишет: «Неизвестно, где находился этот Вороний Камень. Одни историки думают, что это скала у устья реки Эмбаха (ныне р. Эмайыги, — Г.К.), что бой происходил у западного берега Чудского озера, близ селения Исмень. Другие считают, что бой происходил у восточного берега Псковского озера — у Вороньего острова. Первое предположение вероятнее, т. к. немцы бежали по льду до Суболичского берега; это западный берег Чудского озера, начинающийся к северу от устья реки Эмбаха».

Таким образом, А.Я. Лурье присоединился к мнению уже упомянутого выше Ю. Трусмана, который впервые сделал попытку определить местонахождение Соболицкого берега на основе древних эстонских актов. В 1941 г. с Трусманом и Лурье солидаризировался и М.Н. Тихомиров, который полагал, что «после поражения "у моста" русское войско возвратилось на озеро, где выстроилось на Узмени, у "Воронья Камня"». Русское войско наступало по направлению к Юрьеву (Дорпату). Следовательно, путь отступления вдоль реки Эмбах вел непосредственно к берегам Чудского озера. Сравнивая мнения Трусмана и Бунина, Тихомиров указывает, что «первое мнение (т. е. Трусмана — Г.К.) несомненно заслуживает большего внимания».

К «западному варианту» примкнул в 1942 г. и В.И. Пичета. Приведя летописное определение места Ледового побоища, он писал: «Александр... отступил к Чудскому озеру и расставил свои войска на Узмени, у Воронья Камня». Далее, на той же странице, он указывает, что Александр Ярославич расположил свои войска по западному берегу Чудского озера. Никакого более точного определения места битвы Пичета не приводит.

В пользу мнения Ю. Трусмана в 1947 г. высказался и Н.Г. Порфиридов, Возражая А.И. Бунину, он писал, что правдоподобнее думать, будто это сражение произошло у западного, эстонского берега, около сел. «Исмени» (Узмень) и недалеко от устья р. Эмбаха.

Особняком в определении места Ледового побоища стоит мнение, высказанное в 1940 г. Е.А. Разиным. Вопреки приведенным выше взглядам, он высказался за отнесение места Ледового побоища к восточному берегу Чудского озера. Указав в тексте, что Александр Невский «остановился на Чудском озере около урочища Узмени, у Воронья Камени», он на схеме, посвященной Ледовому побоищу, показал это урочище на юго-восточном берегу Чудского озера, в районе современных деревень Усадище, Замогилье, Сторожинец.

В Атласе карт и схем по русской военной истории Л.Г. Бескровного приведены рядом две схемы с указанием двух разных предполагаемых мест Ледового побоища^[14]. На одной из них это место приближается к указанному А.И. Буниным, на другой оно отнесено значительно южнее и помещено посередине Теплового озера, между его восточным и западным берегами, несколько ближе к западному берегу.

Из сказанного видно, что к концу 40-х годов в литературе о Ледовом побоище отсутствовало единство мнений о месте, где произошла эта битва. При этом определилось два основных направления: М.Н.

Тихомиров, А.Я. Лурье и Н.Г. Порфиридов высказывались за район устья р. Эмайыги, как наиболее вероятного места битвы, а в противоположность им Е.А. Разин отнес его в юго-восточную часть Чудского озера. Остальные авторы, как правило, лишь повторяли летописное определение, не делая попыток к его топографическому уточнению, или ограничивались общими фразами. При этом Н.Е. Подорожный и заимствовавший у него схему А.Я. Лурье ограничились лишь общим показом походов Александра Невского. Ни один из авторов, примкнувших к мнению Ю. Трусмана, вообще не выразил графически своего мнения. Это сделали только Е.А. Разин и Л.Г. Бескровный.

* * *

Перелом в обсуждении вопроса о месте Ледового побоища 1242 г. наступил лишь в 1950–1951 гг., когда появились в печати труды М.Н. Тихомирова, Н.И. Беляева и Э.К. Паклар.

Впервые за много лет, на протяжении которых, начиная с Н.М. Карамзина, печатались описания Ледового побоища, историки предприняли выезды в район тех мест, где, как предполагали, оно произошло. Это были М.Н. Тихомиров и Э.К. Паклар. Благотворное влияние произведенных ими полевых изысканий не замедлило сказаться.

М.Н. Тихомиров в своей статье, опубликованной в 1950 г.,^[15] отказался от своего первоначального мнения, что битва произошла в районе устья р. Эмайыги. Этим был нанесен первый серьезный удар продолжавшему еще до этого бытовать мнению Ю. Трусмана — после опубликования статьи Тихомирова оно больше не находило себе сторонников.

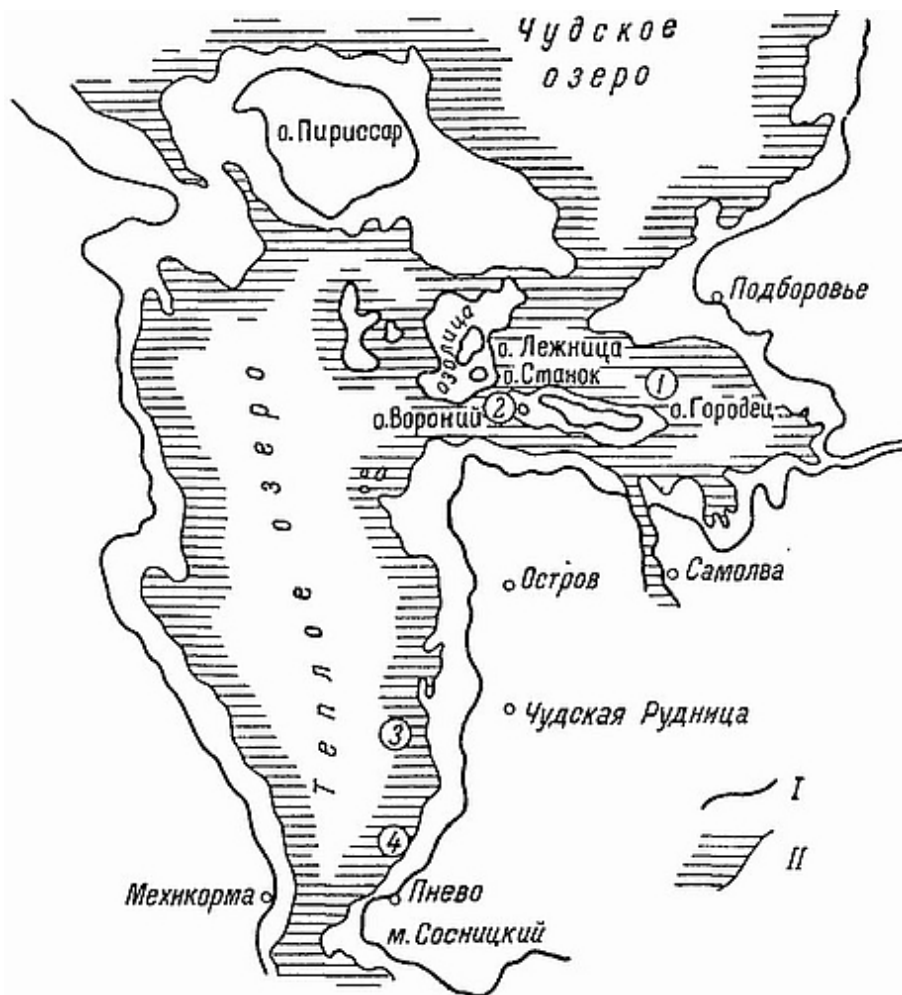

Рис. 2. Места Ледового побоища, которые указывались различными авторами в 1950-1960 гг. 1 — Э.К. Паклар; 2 — Н.И. Беляев; 3 — М.Н. Тихомиров; 4 — М.С. Ангарский. I — современная береговая линия; II — предполагаемая береговая линия в XIII в.

Произведя весьма обстоятельное изучение событий, предшествовавших Ледовому побоищу, М.Н. Тихомиров (рис. 2) присоединился к мнению А. Бунина, что летописное слово «мост» не следует понимать в буквальном смысле, т. е. как мост через р. Эмайыгу. Не соглашаясь, однако, с ним, что бой отряда Домаша произошел в районе дер. Хаммаст, он высказал мнение,

что под словом «мост» следует понимать название старинной, существующей и в настоящее время, дер. Мосте или Моосте, расположенной несколько южнее. Он сделал при этом вывод, что битва произошла (если судить по помещенной в статье Тихомирова схеме) примерно в километре от восточного берега Теплого озера, на юго-запад от дер. Чудская Рудница.

Это свое мнение М.Н. Тихомиров обосновал тем, что в древнерусском языке слово «узмень» имело специфическое понятие узкого места, пролива или залива^[16]. Когда, после поражения отряда Домаша и Кербета, Александр Ярославич отступил на озеро, он, полагает М.Н. Тихомиров, «остановился на "узмени", в самом узком месте Теплого озера, загородив, таким образом, путь по льду к Псковскому озеру, как наиболее удобную дорогу во время начинающегося весеннего бездорожья».

Не проверив лично полученные в Пскове сведения о том, что «в нескольких километрах к югу от Чудской Рудницы на берегу Теплого озера имеется большой валун, который рыбаки называют "Вороньим Камнем"», М.Н. Тихомиров писал в своей статье:

«Селение Чудская Рудница находится на правом берегу озера, в 3-4 километрах севернее "узмени". Не является ли Вороний Камень, находящийся у Чудской Рудницы, летописным "Вороньим камнем", около которого произошла памятная битва 1242 года?». «Все сказанное выше, — добавляет он в конце статьи, — позволяет думать, что место Ледового побоища надо искать в самом узком месте Теплого озера, поблизости от современного села Изменка, — где-то в этом районе».

Почти одновременно с М.Н. Тихомировым в район южной части Чудского озера выезжал Э.К. Паклар. Он также высказался в опубликованной в 1951 г. статье^[17] о дер. Моосте как о месте поражения отряда Домаша. Паклар указывает при этом, что Александр Невский

отступил «на восточный берег Узмени, чтобы прикрыть дорогу немцам на Новгород, в конце переправы через озеро под Подборовской кручей, близ устья реки Желчи, на территории русского урочища Желачко, в непосредственном соседстве с испытанным опорным пунктом в виде форта или засеки на острове Городищенском или у Воронья Камня».

Непосредственно место битвы он определяет так: «...это было у Вороньего Камня, находящегося в 12-14 км от эстонского берега, в 9 км от острова Пийришар, в 2.2 км от нынешней деревни Подборовье и в 3.3 км от Кобыльского Городища».

Заслуживает быть отмеченной та трактовка, которую дает Э.К. Паклар названию «Соболицкий берег». Ссылаясь на труд д-ра Бунге, на который опирался и Ю. Трусман, он правильно указывает, что «это прибрежная часть эстонской земли» и что «этимология имени Соболицы ведет к Теплому озеру, а не к Чудскому. Это местное название рыбы "соболек", "сущик", которая водится в изобилии в водах Узмени и служит предметом ловли рыбаков Пневы, Самолвы, Кобыльского Городища».

Мы имеем, таким образом, в лице М.Н. Тихомирова и Э.К. Паклара первых историков, которые не ограничились кабинетным рассмотрением вопроса о месте Ледового побоища, а дополнили его выездом в район тех мест, где произошла битва. Высказанные ими соображения о том, что место Ледового побоища не следует искать в районе устья р. Эмайыги, похоронили мнение Ю. Трусмана, как не отвечающее ни географическим, ни военно-историческим условиям, в которых, согласно летописному тексту, протекала битва.

В том же 1951 г. с описанием Ледового побоища выступил Н.И. Беляев. Касаясь вопроса о месте, где произошла битва, он пишет:

«До сих пор вопрос о месте Ледового побоища остается спорным. На этот счет имеется несколько точек зрения. Наиболее приемлемой является та... что Ледовое побоище произошло у Вороньего острова, расположенного в южной, узкой части собственно Чудского озера. Название "Вороний" остров получил потому, что на нем всегда было множество ворон, которые, сидя на прибрежных камнях, ожидали, когда волны выбросят им на берег рыбу».

«Само расположение острова очень выгодно с военной точки зрения. Он прикрывает направление от Дерпта и на Новгород, и на Псков. Первое проходит от Дерпта через Вороний остров, а затем по реке Желче и ряду связанных с ней рек ведет к Новгороду. Второе направление идет от Дерпта на юг, берегом Чудского озера, затем по Теплому озеру и далее Псковским озером выводит к Пскову. Таким образом, куда бы ни решили ливонцы двинуться — на Псков или на Новгород, они прежде всего сталкивались с необходимостью преодолеть сопротивление русских войск у Вороньего острова»^[18].

Из сказанного очевидно, что Н.И. Беляев по вопросу о месте Ледового побоища высказал ту же точку зрения, которой придерживался А.И. Бунин.

В вышедшем через несколько лет своем труде по истории военного искусства А.А. Строков^[19] оговаривается, что «о месте сражения в нашей литературе до самого последнего времени существовал ряд различных предположений», но не высказывает своего взгляда по этому вопросу. Только по схеме 48-й можно, видимо, полагать, что он приближается к мнению Э.К. Паклара и считает, что битва произошла у Подборовского мыса.

В 1956 г. в труде, посвященном борьбе русского народа за независимость в XIII в., выступил с описанием Ледового побоища В.Т. Пашуто^[20].

Определяя место битвы, он пишет: «...князь Александр поставил полк у крутого восточного берега Чудского озера, у Вороньего Камня, против устья реки Желчи» и в сноске сразу ссылается и на М.Н. Тихомирова, и на Э.К. Паклара, несмотря на наличие у них, как мы видели выше, различных взглядов на этот вопрос. А на приведенной на стр. 187 схеме место битвы показано у о. Вороньего, т. е. в соответствии с мнением, высказанным Н.И. Беляевым. Таким образом, не имея, по видимому, своего собственного мнения по этому вопросу, В.Т. Пашуто солидаризировался со всеми тремя. К сожалению, в своем новом труде, вышедшем в 1960 г., он не внес в этом отношении никаких поправок, если не считать отсутствия ссылки на работу М.Н. Тихомирова и Э.К. Паклара^[21].

Летом 1961 г. сохранившиеся до наших дней остатки Вороньего Камня были обследованы инженером-геологом В.С. Кузнецовой, подтвердившей в качестве специалиста-геолога результаты экспедиционных изысканий, что имело важное значение для конечных выводов о Вороньем Камне.

Из более значительных археологических изысканий, произведенных экспедицией, следует упомянуть вскрытие кургана у дер. Чудская Рудница под руководством археолога И.К. Голуновой. Произведенные при этом раскопки на склонах кургана и прилегающей к нему ближайшей территории обнаружили наличие большого количества разновременных индивидуальных захоронений, датируемых периодом от XII-XIV вв. до конца XVII в.

Летом 1960 г. в Военно-историческом журнале выступил со статьей М.С. Ангарский,^[22] который выдвинул новую точку зрения по вопросу о месте, где произошло Ледовое побоище 1242 г. В основу своего предположения Ангарский положил соображение о том, что по карте 1781 г. на месте современной дер. Пнево

стояла деревня, носившая название Киеви. По-эстонски слово «киви» означает «камень». Из этого Ангарский делает вывод, «что в далеком прошлом в районе деревни Пнево и мыса Сосница находилось урочище, называвшееся Вороньим Камнем».

Не помогает М.С. Ангарскому и то, что в летописи под 1463 г. упоминается вновь Вороний Камень. Излагая текст, он не останавливается перед искажением смысла, заключенного в летописи.

Так, например, говоря о решении псковских воевод преследовать врага, он не приводит слова летописи, указывающие, что за Вороньим Камнем находилась покрытая льдом поверхность озера: «...и поидоша к Воронью Камени, и выеха вся псковская сила на озеро».

Толкуя в нужном ему смысле слова летописи о встреченном псковским войском «доброхоте из зарубежья чюдине», М.С. Ангарский голословно утверждает, что это сообщение «несомненно получено где-то недалеко от Колпино». Он прибегает при этом вновь к искажению летописного текста, оставляя без внимания указание на то, что, получив сообщение «чюдина», «псковичи в'звратившеся на тую же ночь и поидоша на Колпиное», т. е. для того, чтобы двинуться в южном направлении, им пришлось возвращаться назад. Совершенно очевидно, что если бы псковское войско перед этим двигалось в сторону Колпина, т. е. на юг, ему следовало бы не возвращаться, а лишь продолжать движение в прежнем направлении, и т. п.

Таким образом, статья М.С. Ангарского не способствовала решению вопроса о месте, где произошло Ледовое побоище.

Из сказанного видно, что к середине 50-х годов наиболее обоснованными были мнения М.Н. Тихомирова, Э.К. Паклара и Н.И. Беляева.

Таким образом, в отличие от разнобоя, который существовал, как мы видим, в 40-х годах, период 1950-

1956 годов характерен возросшей консолидацией мнений о районе, где произошло Ледовое побоище. К этому времени взгляды как М.Н. Тихомирова, так и Э.К. Паклара и Н.И. Беляева сходились на том, что Ледовое побоище произошло не у западного, а у восточного берега Чудского озера. Все трое полагали, что местом битвы была «узмень», т. е. узкий пролив, соединяющий Чудское озеро с Псковским, получивший позднее название Теплого озера. Все трое считали, кроме того, что это место находится в северной половине Теплого озера, примерно между деревнями Подборовье и Пнево. Таким образом, район вероятного нахождения места битвы значительно сузился и не превышал в меридианальном направлении 15–16 км.

Организация экспедиционных работ

Именно в это время, т. е. зимой 1955–1956 гг., у группы членов Военно-исторической секции Ленинградского дома ученых АН СССР возникла мысль об организации полевого выезда в район предполагаемого места Ледового побоища.

Перед выездом группы в район южной части Чудского озера член секции Л.Н. Пунин сделал на заседании сектора Славянско-русской археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР доклад о тех разногласиях, которые существуют по вопросу о месте Ледового побоища.

В июле 1956 г. группа в составе Н.С. Харламповича, Г.Н. Караева и О.Г. Караева отправилась в район предполагаемого места Ледового побоища. Нам удалось побывать на Теплом озере и непосредственно ознакомиться с этим районом, осмотреть сохранившиеся древние курганы и городища, услышать бытующие среди местного населения предания.

Важнейшие результаты этой поездки были следующие:

а) посетив лично эти места, мы убедились прежде всего в том, что та часть Теплого озера, которая находится к западу от современного о. Вороньего, очень близко подходит к топографическим данным, которыми определено место Ледового побоища в летописном тексте;

б) личный осмотр прилегающей местности выяснил ее лесисто-болотистый характер и невозможность, следовательно, движения в условиях зимы и глубокого снежного покрова сколько-нибудь значительного войска с обозом по бездорожью;

в) в беседах с местными рыбаками нам удалось обнаружить наличие на Теплом озере так называемой «сиговицы», или «сеговицы», т. е. участка озера, отличающегося зимой более тонким льдом, что до этого не было отмечено в печати; однако фактические границы и природа этого явления остались невыясненными;

г) в тех же беседах подтвердились данные, сообщаемые Э.К. Пакларом о «Соболичьском берегу» как западном берегу Теплого озера в его северной части, у которого весной ловится в большом количестве рыбка «собаль», или «соболек».

На основе полученных данных стало совершенно ясным, что для продолжения изысканий необходимо предпринять обследование южной оконечности Чудского и прилегающей к ней части Теплого озера для выяснения того, что представлял собой этот район в XIII в. и в каких, следовательно, условиях (очертания берегов, зимние пути сообщения, места нахождения населенных пунктов, и т. д.) пришлось войску Александра Невского вступать в бой с немецкими рыцарями.

Определение основных существовавших в этом районе к середине XIII в. зимних путей, соединявших между собой такие крупные торговые центры тогдашней Прибалтики, как Новгород, Псков, Юрьев (ныне Тарту) и Ригу, было тогда же произведено членом секции Н.С. Харламповичем.

Согласно его заключению, зимний путь от Новгорода проходил по оз. Ильмень и рр. Шелони и Черехе до Пскова, от него по Псковскому озеру и южной части Чудского до устья р. Омовжи (ныне Эмайыги). Далее путь шел вверх по этой реке до г. Юрьева и в дальнейшем достигал г. Риги.

На участке от Новгорода до Чудского озера имелся, по-видимому, вспомогательный путь, который состоял из системы местных путей сообщения, соединявших между собой бассейны рр. Желчи, Плюссы, Луги и Шелони^[23]. Он соединялся в южной части Чудского озера с основным торговым путем, проходившим, как сказано выше, через Псков и Юрьев. Выяснение этих озерно-речных путей должно было стать предметом специального исследования.

На основе результатов полевого выезда летом 1956 г., их обсуждения на заседаниях Военно-исторической секции и секции Истории и археологии Ленинградского дома ученых АН СССР и на заседании Историко-географической комиссии Географического общества мной была написана в начале 1957 г. статья для Института русской литературы АН СССР,^[24] в которой я изложил свое мнение о вероятном месте Ледового побоища.

В порядке подготовки к экспедиции весной 1957 г. была произведена аэрофотосъемка района предполагаемого места битвы. С этой целью мной был осуществлен двукратный вылет в район Теплого озера 6 апреля и 11 мая, т. е. первоначально в то же примерно предвесеннее время, которое было и тогда, когда

произошла битва, и вторично непосредственно после освобождения поверхности озера от льда.

Особенно важны были результаты первого вылета, полностью подтвердившие существование «сиговицы». Правда, вследствие исключительно теплой зимы 1956/57 гг. ее границы оказались значительно более обширными, чем обычно. Тем не менее хорошо видное распространение этих границ в северном направлении, т. е. по течению, как бы подтверждало наличие донных выходов теплых вод в районе мыса Сиговец и западнее его.

Основной базой экспедиции стала дер. Самолва, располагавшая почтовым отделением, пристанью у рыбо-сушильного завода, клубным помещением, средствами необходимого медицинского обслуживания (поликлиника, больница) и достаточными жилищными возможностями (школьное помещение и пр.).

Работы были организованы и проводились комплексно, т. е. параллельно по трем основным направлениям: а) гидрологическому, б) подводному и наземному археологическому исследованию и в) по сбору преданий и всякого рода свидетельств, сохранившихся среди местного населения.

В изысканиях приняли участие: группа студентов-гидрологов во главе со студенткой 5-го курса Т.Ю. Тюлиной, предоставленная в наше распоряжение водолазная станция в составе 5 человек во главе с мичманом Г.Н. Буряком, а в качестве плавучей базы служил катер «ГК-201» с командой из 4 человек во главе с капитаном И.А. Кривенко, выделенный Псковским облисполкомом. В качестве фотокорреспондента с нами отправился О.Г. Караев.

В результате проведенных изыскательских работ выяснилось:

А. Никакого выдающегося по своим размерам валуна, о котором упоминал М.Н. Тихомиров, на участке берега

от Подборовского мыса до Пнево включительно нет. Исключение составляет большой валун на дне Теплового озера к северу от о. Городец, отмеченный Э.К. Пакларом и взорванный еще в 20-х годах для улучшения судоходства. Обследование, проведенное с помощью водолазов, показало, что, хотя его размеры и составляли примерно 6х9 м, но он не был высок и, находясь в прошлом на берегу среди кустарника или тем более на опушке леса, совсем не годился в качестве ориентира для определения места битвы.

Б. Хотя и подтвердилась возможность того, что Ледовое побоище произошло на той части озера, которая находится к западу от о. Вороний, но было необходимо продолжить гидрологические работы, чтобы уточнить границы Узмени в XIII в. и выяснить природу сиговиц.

В. Оказалось возможным предположить, что устья рр. Желчи и Самолвы были не там, где они находятся в настоящее время, а несколько западнее. Их русла можно еще проследить на дне прилегающей к ним части Теплового озера.

Г.О. Городец и примыкающий к нему о. Вороний составляли в прошлом один обширный остров. Его остатки в виде небольших островков и зарослей тростника можно видеть в разных местах к востоку и юго-востоку от о. Городец. Об этом же говорит и предание о том, что на острове были в прошлом обширные сенокосы, на которые выходило до 500 косцов.

Д. О-ва Станок и Лежница представляли собой в прошлом одно целое, и их площадь была значительно больше, чем в настоящее время. Это был значительной величины о. Озолица, на северном берегу которого находилось небольшое селение Корняки, а о. Пириссар^[25] отделялся от западного берега Чудского озера узким проливом;

Е. Основные массы воды, идущей из Псковского озера, направлялись в Чудское озеро через Большие Ворота, между западной оконечностью о. Городец — Вороний и Озолицей (так до сих пор называет местное население о-ва Станок и Лежницу). Рельеф дна Теплового озера в этих местах очень наглядно позволяет проследить древнее русло Узмени, от устья которого произошло, вероятно, это название (рис. 3).

Полученные результаты, хотя и далеко не полные, но позволявшие рассчитывать, что в дальнейшем место Ледового побоища будет определено, обратили на себя внимание нашей советской научной общественности, и в мае 1958 г. решением Президиума Академии наук СССР была организована большая комплексная экспедиция, которая проработала три года.

Наличие вертолетов и катеров, в сочетании с водолазами, гидрологами и аквалангистами, создавало широкие возможности, повышая подвижность участников экспедиции, позволяя еще теснее связать в едином комплексе наземные и подводные изыскания.

Несмотря на то что еще летом 1957 г. была выяснена ошибочность приведенных в статье академика М.Н. Тихомирова сведений о наличии валуна больших размеров в районе дер. Чудская Рудница, не только берег, но и дно озера в этом районе были подвергнуты повторному обследованию. На основе проведенных работ было выяснено, что такого «камня» в этих местах нет и что, следовательно, предположение, высказанное Тихомировым, не оправдалось.

Вместе с тем все яснее становилось, что и мнение Э.К. Паклара также не выдерживает критики. В результате гидрологических изысканий оказалось, что даже если бы указанный им валун принять за разыскиваемый Вороний Камень, то получается явное противоречие с летописным описанием заключительного этапа битвы. В летописи сказано, что преследование

разбитого врага происходило «по льду» на 7 верст до Соболицкого берега — этому в данном случае препятствовал в западном направлении о. Озолица и та вытянутая в юго-восточном направлении часть о. Пириссар, которая в прошлом почти примыкала с севера к Озолице. Преследование же в обход о. Пириссар с севера во много раз превышало указанные в летописи 7 верст, да и вообще вряд ли было осуществимо в данных условиях. Таким образом, Паклар, как и ряд других историков, впал в ошибку, приняв современные очертания Теплого озера за те, которые были у Узмени в XIII в.

Рис. 3. Самое узкое место Теплого озера. На переднем плане дер. Пнево, на противоположном берегу — дер. Мехикорма

Все это побуждало нас возможно подробнее обследовать Большие Ворота Теплого озера, т. е. пролив между о-вами Городецкий и Вороний, с одной стороны, и о. Станок — с другой, с находящимися, предположительно, там остатками Вороньего Камня.

Это было произведено в первое же лето.

Выяснилось, что находящийся здесь Вороний Камень действительно, как нам тогда казалось, представляет собой единственную в своем роде гигантскую глыбу темно-бурого песчаника и является, по-видимому, частью коренной породы, имеющей выходы на поверхность земли в этих местах. Около тысячи лет тому назад он мог быть очень высок и возвышался над окружающим лесом, образуя большой холм, который был виден издалека.

Можно полагать, что он был поэтому широко известен и именно потому и указан летописцем в качестве ближайшего к месту Ледового побоища ориентира.

Это последнее соображение находило себе убедительное подтверждение в событиях, о которых летописный текст сообщает нам под 1463 г. [\[26\]](#)

21 марта этого года немцы осадили Новый Городок, т. е. укрепление, существовавшее на месте, где в настоящее время находится дер. Кобылье Городище. Когда из Пскова подошла помощь, они отступили, но 27 марта вновь напали и «два исада больших выжегоша, Островцы да Подолешье». После этого «они поидоша через озеро борзо в свою землю», т. е. на запад. Подоспевшее от Пскова дополнительное подкрепление опоздало. Тогда, находясь в Новом Городке, «посадники псковские и псковичи начаша думати, куда пойти за ними, и сдумаша пойти и поидоша к Воронью Камени, и выеха вся псковская сила на озеро». Совершенно очевидно, что у псковичей было два пути, которыми они могли настигнуть врага, — один из них лежал через Подборовский мыс и далее; огибая с севера о. Пириссар, он выводил на след отступившего врага, но догнать немцев при этом было маловероятно; другой лежал на запад, минуя Вороний Камень и мыс Сиговец в направлении нижнего течения р. Омовжи, т. е. наперерез тому пути, по которому скрылся враг.

Псковские посадники правильно оценили обстановку и выбрали второе направление, так как оно позволяло совершить более глубокое обходное движение по отношению к немецким захватчикам. При этом совершенно ясно, что Вороний Камень упомянут в качестве хорошо известного в данной местности ориентира.

После того, как псковское войско, миновав Вороний Камень, выехало на озеро, т. е. на лед, ему повстречался «доброхот из зарубежья чюдин», который сообщил, что немцы готовят нападение на русские поселения, находящиеся на о. Колпино. Узнав об этом, «псковичи възвратившеся на тую же ночь и придоша на Колпиное». Из сказанного видно, что, узнав об угрозе нападения на о. Колпино, псковские военачальники бросили предпринятое ими преследование, повернули назад и направились «на Колпиное». Как известно, о. Колпино находится в северо-западной части Псковского озера, и, следовательно, чтобы направиться к нему, псковичи, действительно, если они перед тем двигались по льду в направлении низовья р. Омовжи, должны были, как сообщает летопись, возвратиться назад к восточному берегу Узмени с тем, чтобы затем двинуться на юг к о. Колпино.

Таким образом, приведенный летописный текст не оставляет сомнения в том, что упомянутый в нем Вороний Камень и был тот высокий холм, состоявший в основном из бурого песчаника, который возвышался еще к этому времени в Больших Воротах на северо-западном мысу о. Вороний. Его упоминание в летописи было в данном случае совершенно закономерно, так как в западном направлении, если смотреть от Нового Городца, это был последний ориентир на восточном берегу Узмени, за которым на горизонте видна лишь тонкая полоска противоположного берега, куда направлялось псковское войско.

К Вороньему Камню примыкают развалины каменного сооружения. При его обследовании выяснилось, что строители использовали Вороний Камень в качестве западной стены этого сооружения, представлявшего собой, вернее всего, древнее укрепление. Попытки сфотографировать под водой хотя бы отдельные фрагменты этих развалин не увенчались успехом, так как вода в озере настолько мутна, что исключает эту возможность даже при сильном подводном освещении. Тогда аквалангисты вооружились кусками фанеры и мягкими карандашами. Находясь под водой, они набрасывали на фанеру то, что видели, а затем вечером переводили свои зарисовки на бумагу. (См. рис. 2 и 3).

Судя по этим зарисовкам, оказалось, что нами обнаружено нечто, напоминающее остатки каменной основы земляных валов. Само собой разумеется, что земля и песок давно уже вымыты и унесены водой. На месте сохранились лишь валуны, плиты известняка и тому подобный местный материал, который складывали или наваливали для повышения прочности вала.

На южном берегу центральной части о. Городец было обнаружено славянское поселение XIII в. с большим количеством керамики, относящейся к этому времени.

Все это подтверждало ранее высказывавшиеся предположения о том, что о. Городец не случайно получил это название и что он был в далеком прошлом не только населен, но и укреплен. Остров же Вороний, после того как он отделился от о. Городец промоем, стал называться «Вороньим», так как на его северо-западной оконечности в то время еще возвышался Вороний Камень.

Археологические изыскания, развернутые под руководством П.А. Раппопорта, Я.В. Станкевич и И.К. Голуновой, убедительно показали, кроме того, что устье р. Желчи и примыкающий к нему район были издревле

заселены гуще, чем остальное побережье Узмени. Являясь пограничными с владениями Ливонского (позднее Тевтонского) рыцарского ордена, находившиеся здесь поселения были приспособлены к обороне, а в труднодоступных местах, на расположенных среди леса и болот возвышенностях, имелись укрепленные городища-убежища.

Очень важными в работах экспедиции явились гидрологические изыскания, которые установили, что берега Узмени, разлившейся к настоящему времени в Теплое озеро, претерпели за истекшие столетия значительные изменения, особенно за счет затопления восточного берега.

Выяснилась при этом принципиальная ошибка изысканий, предпринятых в той или другой форме в прошлом для уточнения места Ледового побоища, — все они исходили из того соображения, что очертания берегов Теплого озера (древней Узмени) были 700 лет тому назад примерно такими же, как и в настоящее время. Это создавало неверное представление о тех гидро-географических условиях, в которых действовало новгородско-псковское войско, а следовательно, затрудняло определение истинного места, где произошла битва.

Вместе с тем оставались, однако, еще неясными вопросы природы сиговиц и степени их постоянства в установленных аэрофотосъемкой 1957 г. и опросами местного населения границах.

Материалы летних изысканий 1958 г. подтверждали правильность определенного нами местоположения Вороньего Камня у о. Вороний. Вместе с тем, однако, становилось совершенно очевидным, что при наличии сиговицы Ледовое побоище непосредственно у этого камня произойти не могло, так как в этом случае поле битвы приходилось бы как раз на участок Узмени с очень слабым ледяным покровом. Единственно возможным

решением в этих условиях было отнесение места битвы за мыс Сиговец, примерно между его оконечностью и дер. Остров, куда не могло распространяться влияние сиговицы.

Рис. 4. Курганы могильника у дер. Островцы (1961 г.)

Указание летописца в этом случае на Вороний Камень, отстоявший от места битвы всего на 1.5–2 км, сделанное им, как известно, со слов участников битвы, могло пониматься лишь как ссылка на названный ему русскими воинами широко известный в тех местах ориентир.

Соображения, вытекавшие из результатов экспедиционных работ 1958 г., были мной опубликованы в «Военно-историческом журнале»^[27]. Совершенно закономерным было, что в своей статье я не остался при моем первом мнении о месте битвы, а изложил те новые соображения, которые являлись следствием произведенных изысканий.

В последующие 1959 и 1960 гг. экспедиционные работы по уточнению места Ледового побоища 1242 г.

продолжались. Их результаты в свою очередь внесли значительные изменения в общую картину состояния Узмени в XIII в., как мы ее представляли себе до этого, и позволили, следовательно, внести дальнейшие уточнения в вопросе о месте Ледового побоища.

Произведенными гидрологическими исследованиями были, насколько это в настоящее время возможно, установлены очертания берегов Узмени, какими они могли быть в XIII в. Так, на основе трехлетних исследований была составлена карта района, где произошла битва, с показом на ней ориентировочных границ акватории Узмени, существовавших 700 лет тому назад на ней островов, и т. д.

Одновременно были проведены дальнейшие изыскания, направленные на определение природы сиговицы. Они выяснили, что сиговица представляет собой явление постоянное, зависящее главным образом от ускорения течения в узких местах Теплого озера, т. е. между деревнями Пнево и Мехикорма, в его средней части и особенно в Больших Воротах у о. Вороний. Этот фактор дополнялся донными выходами подземных вод у современного мыса Сиговец.

В ходе изыскательских работ выяснилась еще одна незначительная на первый взгляд, но весьма важная подробность. Оказалось, что в прибрежной части Теплого озера от мыса Сиговец и южнее вдоль его восточного берега на 400–500 м от него тянется абразионная терраса. Она обуславливает наличие у берега широкой мелководной полосы^[28]. Выяснилось, что в пределах этой полосы зимой вода промерзает до дна, и, таким образом, даже в условиях большого скопления войска была исключена всякая возможность провалиться под лед. Кроме того, это исключало, или во всяком случае сильно ограничивало, влияние сиговицы на состояние льда в той части Узмени, которая прилегала с запада к мысу Сиговец.

Постепенно выяснялась и сложившаяся к середине XIII в. система обороны проходивших вдоль восточного берега Чудского и Теплого озер пограничных новгородско-псковских рубежей и уточнялось то место, которое в ней занимало укрепление на о. Городец. Становилось очевидным, что скрещение путей сообщения в районе северной части Узмени, там, где она переходит в Чудское озеро, делало этот район особенно важным для новгородцев и псковитян. Это и обусловило, видимо, ту упорную борьбу за него, которая в течение ряда столетий происходила между немецкими рыцарями и псковичами. Не случайно Озолица и Желачко были позднее названы летописцем «обидным», т. е. спорным, местом.

В 1959–1962 гг. были проведены обстоятельные изыскания, в задачу которых входило выяснение характера и основных направлений тех местных водных путей, которые через бассейны рр. Желчи, Плюссы, Луги и Шелони связывали южную часть Чудского озера с Новгородом. Эти изыскания, проведенные археологом Е.В. Шолоховой и опытным туристом-краеведом А.С. Потресовым, обнаружили существовавшую в этих местах обширную сеть местных озерно-речных путей сообщения, позволявшую по Желче и Плюссе выходить к Луге и Оредежу или через Курею и Ситню на Шелонь и оз. Ильмень.

Методика проведения полевых изысканий

В тех своеобразных условиях, с которыми нам пришлось встретиться во время изысканий, большое значение для успеха дела имела примененная нами методика экспедиционных работ.

Полевые изыскания в условиях, когда на суше не осталось никаких следов того военно-исторического

события, место которого предстоит найти, а подводные работы сопряжены с преодолением больших трудностей, дело очень сложное.

Необходимо было, положив в основу деятельности всей экспедиции в целом летописные данные о том, как произошло семьсот лет тому назад Ледовое побоище, обеспечить достаточно полное получение историко-географических, гидрологических, археологических (наземных и подводных), геологических и фольклорно-топонимических материалов для их сопоставления и комплексного изучения.

Это требовало последовательного производства изысканий и в конечном счете обеспечения по возможности всестороннего исследования района, где произошла битва, т. е. древней Узмени, с тем, чтобы выяснить, что представлял собой этот район в XIII в., и в каких именно условиях приходилось действовать и принимать решения как русскому, так и немецко-рыцарскому командованию.

Только такой подход к проведению экспедиционных изысканий, когда они осуществлялись для выяснения не той или иной группы признаков, а для сбора и сопоставления всех данных, связанных с определением места исторической битвы, мог обеспечить надлежащую результативность предпринятых полевых работ.

Содержание и организация изысканий на каждом этапе работы экспедиции определялись стоявшими перед нею задачами и имевшимися силами и средствами с последующим, в зависимости от полученных результатов, углублением, расширением или видоизменением целей производимых работ.

Как правило, вечером после возвращения с изысканий, руководителем экспедиции проводилось совещание, посвященное итогам рабочего дня и ближайшим задачам на следующие один-два дня. В этих совещаниях, кроме научного персонала, принимали

участие командиры водолазных станций, старший группы аквалангистов, капитаны катеров, командир звена вертолетов, старшие групп студентов и учеников-старшекласников. Такое совместное обсуждение того, что сделано и предстоит осуществить на следующий день, способствовало уяснению роли, которую каждый выполнял в системе работ экспедиции в целом. Оно способствовало вместе с тем полноте общения между участниками экспедиции и живому между ними обмену мнениями и предложениями.

Чаще других приходилось инструктивные беседы проводить с водолазами, которые проявляли живой интерес к целям экспедиции и старались овладеть методом подводного археологического исследования. Во время таких бесед рождались новые приемы работы с металлоискателем, оригинальные предложения для выработки целесообразного взаимодействия между металлоискателями различной чувствительности, установление соответствующей в данных условиях последовательности в работе при размывке или всасывании грунта с помощью гидромонитора, и т. д.

На одном из подобных совещаний после тщетных попыток сфотографировать под водой хотя бы какие-нибудь небольшие части остатков старинного укрепления в Больших Воротах у о. Вороний у аквалангистов родилась мысль о подводных зарисовках. На таком же заседании, продолжавшемся до поздней ночи, мы выработали некоторые приемы подводной топосъемки.

Большое значение для успешности предпринятых изысканий имело комплексное их проведение в сочетании с маневрированием силами и средствами, имевшимися в нашем распоряжении.

Так, например, после того как определилось, что на участке восточного берега Теплого озера от Чудской Рудницы до Пнево и даже южнее до мыса Сосница нет

никаких признаков того, что Ледовое побоище могло произойти где-то здесь, а также после того как выяснилось, что указанный Э.К. Пакларом валуи не может считаться летописным Вороньим Камнем, мы сосредоточили свои усилия на участке Теплого озера в районе Больших Ворот и о. Вороний. Здесь гидрологические работы сочетались с геологическим и археологическим обследованием о. Городец, с подводными изысканиями у остатков Вороньего Камня, сбором фольклорного и топонимического материала среди окрестного населения.

Первые же подводные исследования показали наличие остатков каменной основы валов у подошвы Вороньего Камня. Одновременное обследование о. Городец выявило, что различные его части сохранили у местного населения свои древние названия (Паствище, Выговец, Городец, Липенец и т. д.), с несомненностью доказывающие его обжитость в далеком прошлом. Подтверждалось предположение Э.К. Паклара о происхождении названия этого острова. Археологическая разведка в 1958 г. обнаружила на нем поселение XIII в., а топонимическое изучение района помогло найти подтверждение того, что возникающие вследствие деятельности озерных вод острова получают названия по тем местным географическим объектам, близ которых они возникли. Так, маленький островок около устья р. Самолвы стал называться Самоловец, а отделившийся от северной оконечности мыса Сиговец остров получил название Сиговец. Эти материалы создавали серьезные основания считать, что и о. Вороний, когда он отделился от о. Городец, получил свое название от высившегося на его мысу Вороньего Камня. О древнем военно-историческом прошлом Вороньего Камня рассказывают и собранные среди местного населения предания. В этом, овеянном народной фантазией, далеком прошлом Вороньего

Камня нетрудно увидеть ту роль, которую могла играть находившаяся около него пограничная застава, т. е. предполагаемый «старый» городец, остатки валов которого, размытые водой и развороченные ледоходами, сохранились под водой до настоящего времени.

Так археологические изыскания, в сочетании с гидрологическими и геологическими исследованиями, во взаимодействии с кропотливо собранными народными преданиями и топонимическими материалами, будучи направлены на комплексное изучение такого важного для нашей экспедиции объекта, каким в данном случае являлся Вороний Камень, взаимно помогали один другому и в конечном счете позволили раскрыть казалось бы давно забытое и не поддающееся уже восстановлению далекое прошлое.

В целях наиболее рационального использования имевшихся в распоряжении экспедиции сил и средств очень важно было своевременно исключать из практики экспедиционных изысканий те из них, которые не могли в данных условиях обеспечить положительных результатов и, наоборот, своевременно вводить такие, необходимость в которых выявилась в ходе производства экспедиционных работ. Производство различных видов изысканий по годам представлено в таблице.

Виды изысканий	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.
Гидрологические	+	-	+	-	—
Геологические	—	—	—	-	+
Археологические:					
обследование	+	+	-	+	+
раскопки	—	+	+	—	+
Гидроархеологические:					
обследования	—	+	-	+	—
работы с металлоискателем . .	—	—	-	-	—
Обследование путей сообщения . .	—	—	—	-	+
Сбор фольклора	+	+	-	-	+
Сбор материалов по топонимике . .	—	—	—	-	+

Примечания. 1. В 1959 г. раскопки не состоялись вследствие внезапной кончины археолога Я.В. Станкевич. 2. Гидроархеологические работы велись силами водолазов и аквалангистов.

Из таблицы видно, например, что после выяснения общих гидрологических свойств Теплого озера центр тяжести в 1959 и 1960 гг. был перенесен на гидрологические изыскания, долженствовавшие раскрыть природу «сиговицы». Работы с металлоискателями производились в 1958 и 1959 гг., но вследствие выяснившейся их бесцельности в данных условиях были прекращены. Если на протяжении всех пяти лет собирались предания, связанные так или иначе с Ледовым побоищем или с Вороньим Камнем, и лишь в незначительной степени собирались топонимические материалы, то, по выяснении важности этих последних, на них было обращено серьезное внимание в 1959 г. и особенно в 1960 г.

В последний год работы экспедиции в целях устранения возможных ложных толкований в отношении

некоторых объектов в районе действий экспедиции (природы небольших высоток, уточнения датировки некоторых могильников и т. п.) была создана авторитетная комиссия в составе инженера-геолога В.С. Кузнецовой и руководителя археологической экспедиции Ленинградского Эрмитажа В.Д. Белецкого с группой его сотрудников. Она произвела обследование и вынесла соответствующее заключение^[29].

Такое маневрирование из года в год силами и средствами, имевшимися в распоряжении экспедиции, позволяло на каждом данном этапе изыскательских работ обеспечивать им надлежащую целеустремленность для достижения общей конечной цели.

Говоря о методике проведения экспедиционных работ, следует особо отметить, что большая часть работ экспедиции протекала при активном содействии студентов и школьников-старшеклассников. В 1957–1958 гг. в экспедиции принимали участие студенты-гидрологи Ленинградского гидрометеорологического института; в 1958 г. — студенты физико-математического, а в 1959–1960 гг. — студенты филологического факультета Ленинградского университета. В 1958–1959 гг. привлекались учащиеся старших классов из Василеостровского дома пионера г. Ленинграда, а в 1959–1960 гг. — учащиеся старших классов 46-й средней школы г. Москвы.

Отряды старшеклассников во главе с опытными педагогами и краеведами-энтузиастами участвовали в первичном археологическом обследовании. Они сообщили о наличии древнего городища у дер. Сторожинец на восточном берегу Чудского озера (1958 г.); под руководством археолога И.К. Голуновой они произвели вскрытие кургана у дер. Чудская Рудница (1960 г.); руководимые археологом Е.В. Шолоховой и опытным краеведом А.С. Потресовым, они совершили

трудные байдарочные походы по бассейнам рр. Луги, Плюссы, Желчи и Шелони и установили наличие в далеком прошлом развитой сети водных путей (1959 и 1960 гг.) по этим рекам.

Следуя до конца экспедиции принятому с самого ее начала комплексному методу проведения экспедиционных изысканий, мы проводили их до тех пор, пока не достигали совпадения на местности всех трех основных компонентов. Этими компонентами были:

а) восстановленная на основе проведенных изысканий историко-географическая характеристика района (очертания берегов, пути сообщения, система обороны, населенные пункты), каким он был примерно семь-восемь веков тому назад;

б) совпадение этой характеристики с указаниями, содержащимися в летописном тексте, как по вопросу о месте, где битва началась, так и о заключительном ее этапе — преследовании разбитого врага до Соболицкого берега;

в) соответствие определенного нами участка Теплового озера в качестве места Ледового побоища требованиям русского военного искусства XIII в., на что обычно не обращали должного внимания.

Достигнутое в результате пятилетних экспедиционных работ определение в качестве места Ледового побоища 1242 г. такого участка озера, который соответствует всем трем указанным компонентам, является наиболее убедительным доказательством правильности сделанных нами конечных обобщающих выводов.

Экспедиция смогла добиться этих результатов лишь на основании широкого комплексного исследования, которое единственно могло в данных исключительно сложных условиях обеспечить, и в конечном счете обеспечило, выполнение стоявшей перед коллективом

задачи: определить подлинное место Ледового побоища
1242 г.

П.А. Раппопорт, Я.В. Станкевич, И.К. Годунова. Археологическое обследование восточного побережья Чудского озера

Археологическое обследование, проведенное в соответствии с планом экспедиции по уточнению места Ледового побоища, ставило своей задачей выяснение общей картины заселения и организации обороны на восточном побережье Чудского озера. Работы были осуществлены не только в районе, непосредственно примыкающем к предполагаемому месту Ледового побоища, но и значительно севернее (вплоть до Гдова) и южнее (вдоль восточного берега Теплого озера до мыса Мтеж). Кроме того, археологическая разведка была проведена также и значительно восточнее — вдоль рек, которые могли служить путями сообщения между районом Чудского озера и внутренними территориями Псковской и Новгородской земель [\[30\]](#).

Обследованию подвергались не только памятники, более или менее синхронные Ледовому побоищу, но и вообще все средневековые памятники данной территории, при этом наиболее детально обследовались памятники, относящиеся к X–XIV вв.

Ниже приводится краткое описание результатов археологических разведок и раскопок, в соответствии с прилагаемой картой (рис. 1).

1. Дер. Городище близ Гдова

Близ деревни на всхолмлении моренного типа расположено городище. Оно имеет неправильно овальную форму, отвечающую естественной форме холма. Размер городища в плане примерно 30×35 м. С юга, юго-востока, а также с северо-востока городище отделено от соседнего повышенного участка небольшим рвом. С этих же сторон по краю площадки проходит невысокий вал. Следы сильно оплывшего вала видны и по (восточному краю площадки. Отсутствует вал лишь с западной стороны площадки, где городище господствует над низиной. С западной и особенно юго-западной сторон городища на склоне заметна горизонтальная терраса — следы древнего эскарпа. Наибольшая высота площадки городища над окружающей низиной — до 10 м.

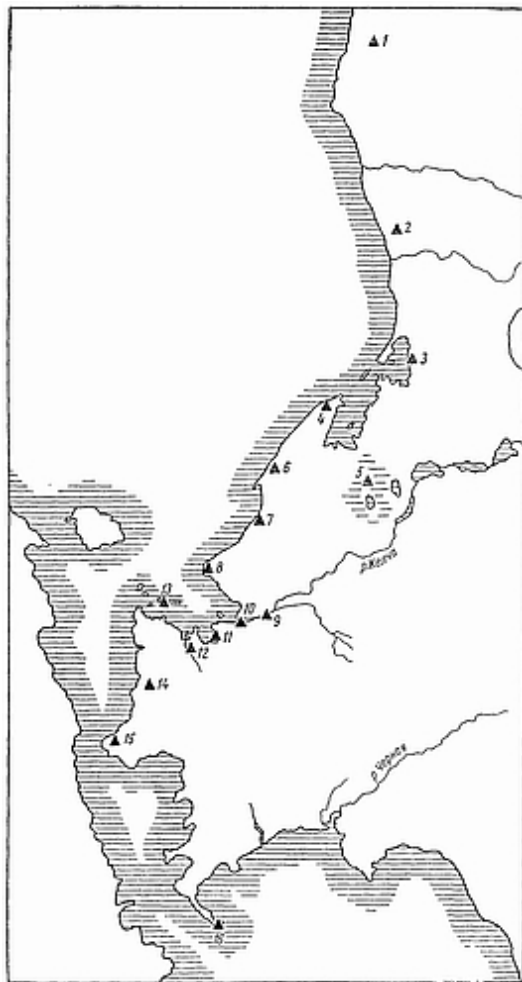

Рис. 1. Глазомерная схема расположения обследованных памятников. Цифры на схеме соответствуют номерам памятников в тексте

Площадка городища неровная. Зачистка ям показала, что под слоем коричневого гумуса (толщина — 0.2 м) лежит черный слой с вкраплениями угля и редкими фрагментами керамики. Толщина этого слоя от 10 до 30 см. Ниже залегает материковый песок.

Керамика, найденная на городище, относится к двум совершенно различным группам. Керамика одной группы — лепная гладкостенная рыжеватого-серого цвета,

с вкраплениями зерен кварца. Один из фрагментов — венчик лепного сосуда, слабо отогнутый и плоско срезанный сверху; в тесте его имеются довольно крупные включения зерен кварца. Керамика эта, по-видимому, относится ко второй половине I тысячелетия н. э. Керамика другой группы, обнаруженная на том же городище, — славянская средневековая, кружальная. Малый размер найденных фрагментов керамики этого типа не позволяет датировать ее более точно.

В 200 м к западу от городища видны следы разрушенного курганного могильника. Целиком сохранился здесь лишь один небольшой курган.

В 2 км к западу от городища (300 м южнее дер. Забрядняжье и в 100 м от берега озера) сохранились следы полностью разрушенного жальничного могильника.

2. Городище близ дер. Сторожиней

Городище занимает мыс, незначительно возвышающийся над Речицким озером^[31]. С трех сторон площадка городища ограничена довольно крутыми склонами, с четвертой, северной стороны она защищена рвом и коротким отрезком довольно широкого вала, имеющего высоту около 2 м. Городище называется местными жителями Памятник, а примыкающая к нему с северной, напольной стороны возвышенность — Глебова Гора. Площадка городища ранее была покрыта лесом, о чем свидетельствуют сохранившиеся пни. Въезд проходит вдоль западного торца вала.

С юга к городищу примыкает очень небольшая по высоте площадка (уступающая высоте площадки городища). Впадина, отделяющая городище от этой возвышенности, имеет следы искусственной подрезки, а

по краю площадки городища здесь проходит небольшое валообразное повышение.

Шурфы, заложенные на площадке городища, показали, что глубина культурного слоя около 0.4 м. Слой темный, почти черный, с включением угольков и немногочисленных фрагментов керамики. Керамика в основном относится к XII–XIII вв., но встречаются также фрагменты лепной славянской керамики (по-видимому, IX–X вв.).

3. Дер. Залахтовье

К югу от деревни — курганный могильник. Раскопки этого могильника производились в 1908 г. К.Д. Трофимовым и в 1911 г. К. Кудряшовым^[32]. Погребения относятся к XI в. (рис. 2).

4. Дер. Раскопель

В 1 км к юго-западу от деревни, на холме Вшивая Горка, обнаружен культурный слой. Фрагменты керамики из этого слоя относятся к XII–XIII вв.

5. Дер. Мда

В 3 км к юго-востоку от деревни находится гора Городище. Гора эта — единственная высокая точка в данном районе (ее высота около 20 м), кругом — труднопроходимое болото. Проход через болото по сухому узкому перешейку ведет к горе с северо-западной стороны.

Рис. 2. Курганный могильник у дер. Залахтовье. Цифры обозначают номера курганов. 7 — нетронутые курганы; 2 — раскопанные курганы

На вершине горы имеется довольно ровная площадка округлой формы [33]. С западной стороны склоны горы крутые, с северо-востока склон менее крутой, и здесь по склону проходит горизонтальная терраса. С юго-востока к горе примыкает вторая площадка, начинающаяся сверху от этой горизонтальной террасы и очень полого опускающаяся вниз в сторону болота. Примерно в 130 м от горы эта

нижняя площадка перерезана поперек (от болота до болота) рвом, имеющим глубину около 3 м.

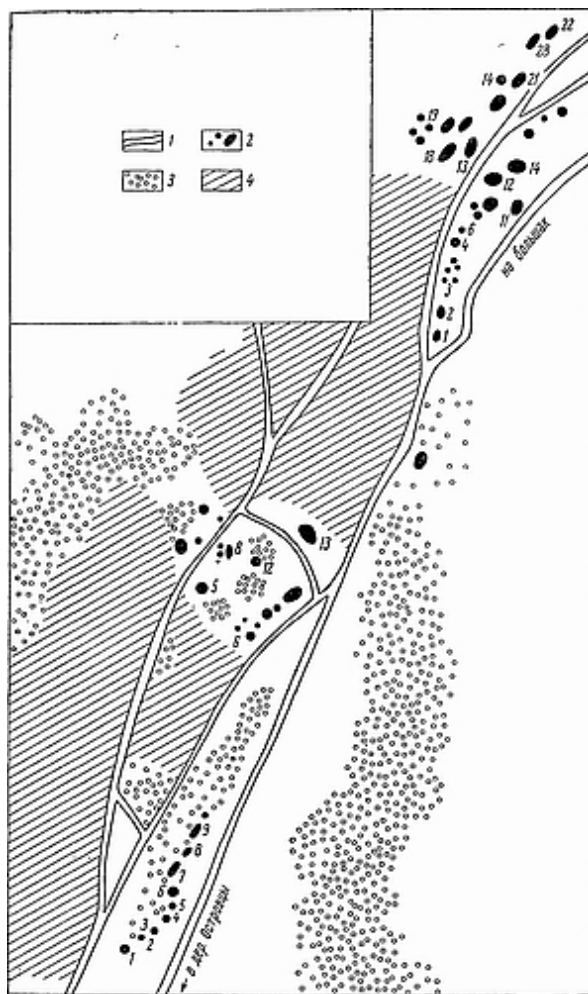

Рис. 3. Курганный могильник у дер. Островцы. Цифры обозначают номера курганов. 1 — дороги; 2 — курганы; 3 — лес; 4 — поля

На площадках городища культурного слоя нет, хотя под дерном встречаются отдельные мелкие угольки. На нижней площадке под дерном найдено несколько фрагментов керамики X-XI вв.

6. Дер. Островцы

На северо-восточной окраине села, напротив здания школы, обнаружен культурный слой с находками фрагментов керамики XII–XIII вв.

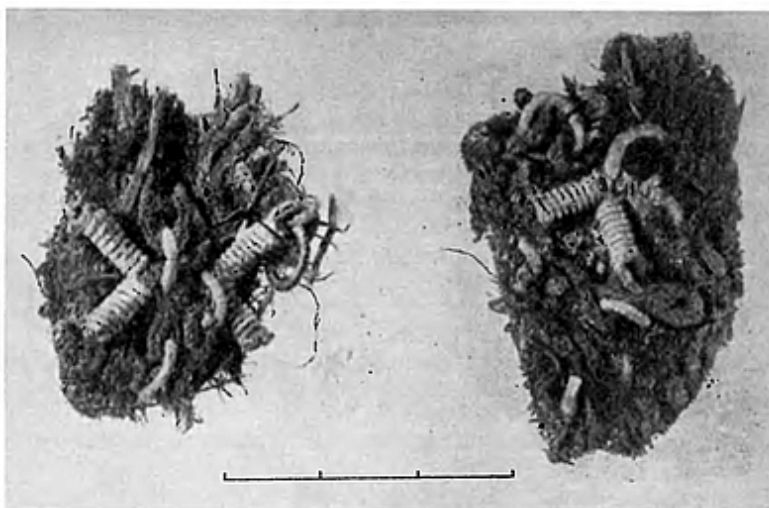

Рис. 4. Остатки ткани из кургана у дер. Островцы

Несколько северо-восточнее деревни расположен курганный могильник, в котором сохранилось более 20 курганов (рис. 3). Курганы небольшие, песчаные, круглые.

В одном разрушенном кургане удалось обнаружить следы захоронения. Здесь были найдены небольшие куски человеческих костей, не имеющие следов пребывания в огне, древесные угли, железное копье, куски разбитого горшка, железный гвоздь и остатки ткани с нашитыми бронзовыми украшениями (рис. 4).

Ткань черного цвета, плохой сохранности, вынута из кургана комком. Внутри комка — укрепленные на ткани плетеными шнурами мелкие колечки и трубочки из

свернутой спиралью медной проволоки. Переплетение ткани — саржа двусторонняя (2/2). Кромки не обнаружены. Плотность основы и утка — по 12 нитей в сантиметре. Пряжа толстая, скрученная вправо. Основа — из двух нитей, скрученных вправо и ссученных влево, уток одинарный. Волокно, судя по внешнему виду, шерстяное. Плетеные шнуры — узкие, шириной 2 мм, сплетены из такой же пряжи. Определение ткани сделано А.А. Гавриловой.

Все эти находки сделаны в песчаной насыпи кургана выше уровня погребенной почвы. Судя по находкам, погребение было совершено по обряду трупоположения и относится к XI или XII в.

7. Дер. Подолешье

В середине деревни имеется песчаный холм естественного происхождения, высотой до 1.5 м, с плоской вершиной. В этом холме, особенно в его краях, имеются погребения. Судя по свидетельствам местных жителей, — погребения без вещей.

8. Дер. Подборовье

Около деревни, на песчаных дюнах, называемых «Развей», встречается керамика XVIII–XIX вв. Кое-где на холмах при зачистке склонов видно, что здесь существовал тонкий культурный слой, почти целиком уже уничтоженный. Здесь же встречаются куски болотной руды, железный шлак и кованые гвозди.

Возможно, что на этом месте существовало и более древнее поселение, так как на одной из дюн найдены фрагменты керамики, относящиеся, по-видимому, к домонгольскому времени.

9. Дер. Кола

В дер. Кола (примерно 1.5 км выше Старых Гривок, на левом берегу р. Желчи) в 50 м от берега находится округлая насыпь диаметром около 40 м и высотой до 2 м. Возможно, что насыпь эта представляет собой древний курган, хотя вероятнее, что она имеет естественное происхождение. На вершине насыпи лежат два валуна, в одном из которых имеется отверстие для установки каменного креста. В расположенной поблизости часовне хранятся два каменных креста, перенесенных (по преданию) с этой насыпи. Насыпь слегка попорчена неглубокими ямами. На северном ее склоне в обресе ямы виден темный слой толщиной 10–15 см, расположенный на глубине около 15 см под поверхностью. В этом слое обнаружены фрагменты керамики XII–XIII вв. и кусочки древесного угля (рис. 5). В обрезах других ям видно, что под тонким верхним слоем песка на насыпи всюду имеется темная гумусная прослойка, хотя керамики больше нигде не обнаружено.

В 100–200 м к юго-западу от насыпи на огородах встречаются мелкие фрагменты древнерусской керамики.

10. Устье р. Желчи

Примерно 0.5 км выше устья, на левом берегу реки, имеются песчаные бугры. Наиболее высокий бугор поднимается на 2–3 м. Место это называется местными жителями Старые Гривки. Центральный бугор раскопан так, что внутри образуется впадина неправильной формы величиной примерно 35×12 м. Все сооружение напоминает сильно деформированное маленькое городище, хотя, по-видимому, в действительности бугор имеет естественное происхождение. Песчаные бугры

большой частью одернованы, хотя кое-где песок обнажен и развеивается ветром. На песке обнаружены фрагменты керамики XII–XIII вв. (рис. 5).

11. Дер. Кобылье Городище

В селе имеется древнее городище — остатки известного по летописи городка Кобылы^[34].

Городище представляет собой ровную площадку на берегу озера, возвышающуюся над окружающей низиной на 1.5–2.0 м. Края площадки достаточно четко определяются почти со всех сторон, хотя кое-где они скрыты при обработке огородов. На городище расположены древняя каменная церковь, жилые дома и огороды^[35].

По форме площадка городища первоначально, видимо, представляла собой трапецию со сторонами 95×130×40×150 м, но в настоящее время западный край городища частично разрушен водами озера. В юго-западном углу городища заметно плохо сохранившееся округлое расширение. Северо-восточный угол городища раскопан, и форма его не прослеживается. С севера и юга от городища можно проследить неглубокие впадины — остатки заплывших рвов.

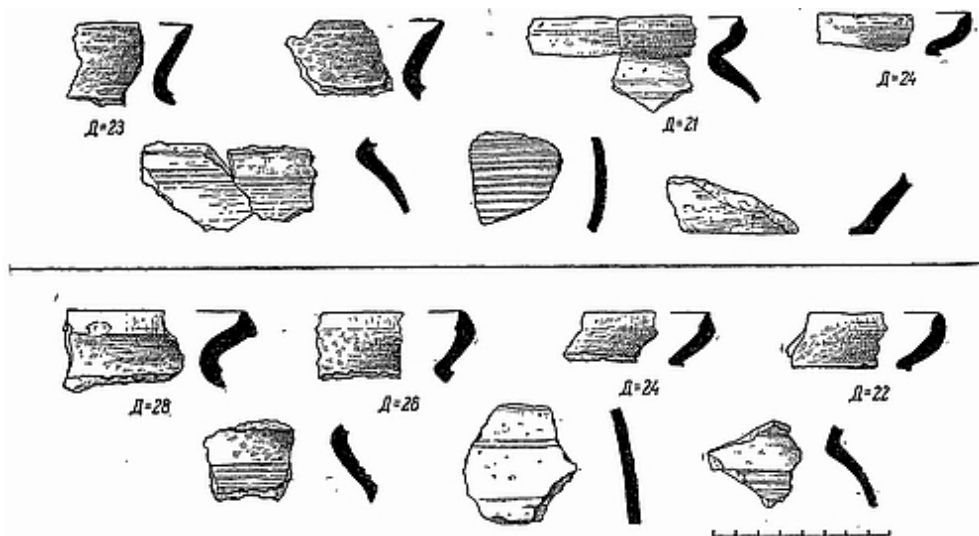

Рис. 5. Фрагменты керамики. Вверху — Старые Гривки; внизу — у дер. Кола. Д — диаметр сосуда (в см)

На площадке городища встречаются фрагменты керамики как XV-XVI вв., так и более поздние. Такая же керамика встречается и на южной окраине дер. Кобылье Городище.

Зачистка обреза ям показала, что по краю городища под слоем дерна лежат остатки сгоревшей деревянной оборонительной стены.

12. Дер. Самолва

На северо-восточной окраине деревни расположен могильник, состоящий из курганов и жальников. До настоящего времени сохранилось 8 могил (5 курганов и 3 жальника). Первоначально могильник несомненно занимал значительно большую площадь, о чем свидетельствуют единичные разрушенные жальничные погребения, расположенные поблизости.

В 1958 г. было раскопано 4 кургана этого могильника, а также одиночный жальник, находящийся в 30 м к юго-западу от основной части могильника.

Курган № 1, в северной части могильника. Уплощенная насыпь диаметром 5 м и высотой 0.7 м. Состав насыпи — песок, В центре кургана на слое погребенной почвы обнаружено двойное захоронение женщины и ребенка (рис. 6).

Женский костяк лежит на спине, головой на запад. Возраст погребенной — возмужалый; череп — мезокранный [36]. Сохранность костей плохая; часть костей полностью истлела.

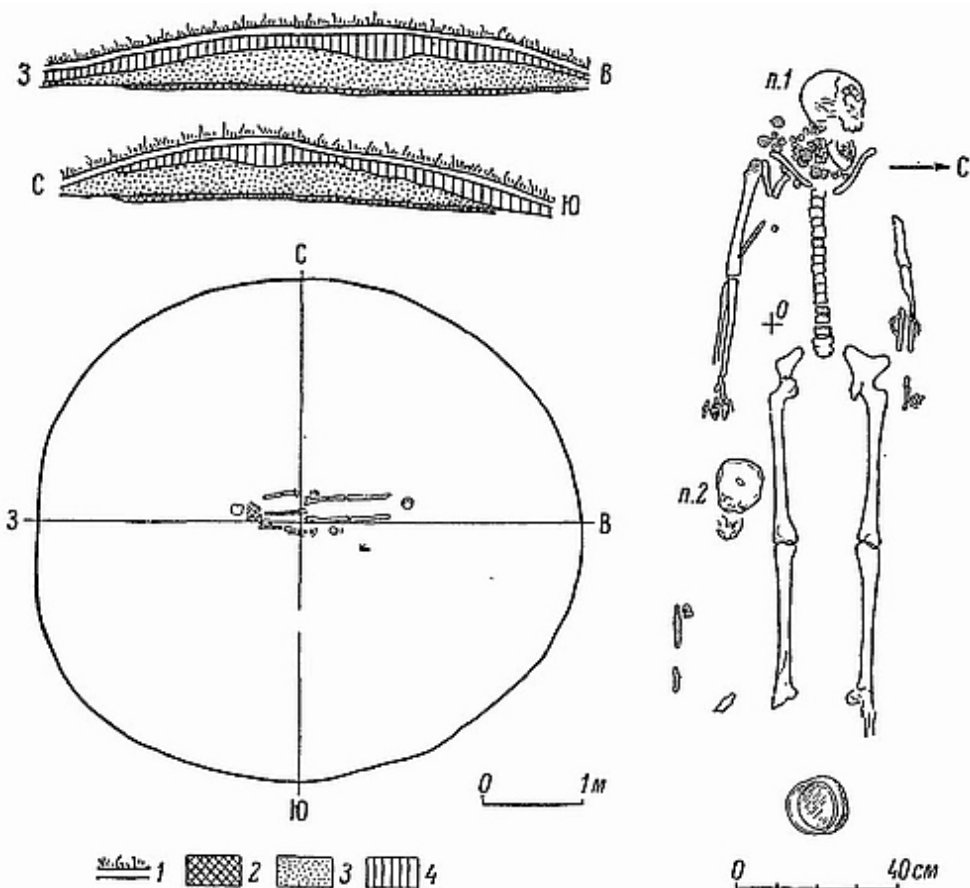

Рис. 6. Самолва. Курган 1. 1 — дерновый слой; 2 — погребенная почва; 3 — песок; 4 — серая супесь

В погребении обнаружены предметы богатого убора. У шеи находилось рассыпавшееся ожерелье из бус, подвесок-монет и двух колец-перстеньков, прикрепленных к ожерелью шерстяной ниткой. Бусы имеются следующих типов: стеклянные с золотой прокладкой (15 цилиндрических, 20 боченовидных, 3 рубчатых), стеклянные с серебряной прокладкой (3 рубчатых), пастовые (преимущественно оранжевого цвета — 4 витых, 5 цилиндрических, 5 боченовидных, 3 глазчатых и 1 четырехгранная) и одна сердоликовая (уплощенная октаэдрическая)^[37].

Из восьми монет, использованных в ожерелье в качестве подвесок, 6 монет арабских куфических и 2 западноевропейских^[38]. Арабские монеты следующие: 1) Саманиды: Наср ибн Ахмед, Хутталь (925/26 или 928/29 гг.); 2) Саманиды: Мансур ибн Нух, Самарканд (968/69 гг.); 3) Эмир ал-Умара Абу-л-Хусейн Баджкам, Мадинат ас-Салам (940/41 гг.); 4) Зияриды: Закир ад-Дауля, Амуль (974/75 гг.); 5) Марваниды: ал-Хасан ибн Марван, Майафарикин? (994/95 гг.); 6) Окайлиды: Хусам ад-Дауля и Джаннах ад-Дауля (997 г.). Западноевропейские монеты: 1) англосаксонская, Этельред II, 978-1016 гг., монетный двор — Линкольн, монетчик *Voiga*;^[39] 2) подражание англосаксонским монетам Этельреда II, XI в. Привешенные к ожерелью перстеньки: 1) бронзовый пластинчато-выпуклый с заходящими концами, поверхность орнаментирована рельефным плетеным узором; 2) бронзовый с расширенным пластинчатым щитком и завязанными концами, орнаментирован рядами треугольников и насечкой.

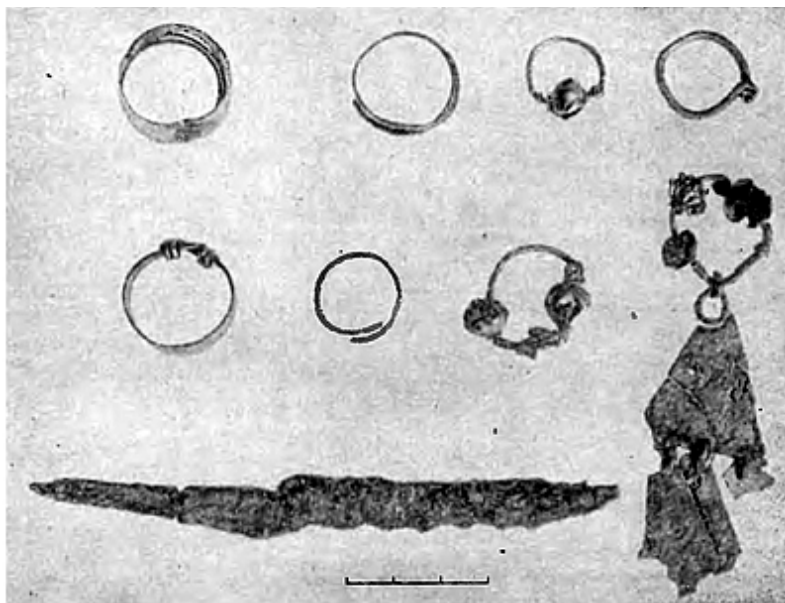

Рис. 7. Самолва. Вещи из кургана № 1

Вблизи черепа найдены также проволочные серебряные серьги (рис. 7). У правой стороны черепа лежали две серьги с замком в виде завернутых концов проволоки. На одной из серег имелась полая шаровидно-ребристая бусина, на другой серьге — три такие же бусины. У левой стороны черепа лежали также две серьги — одна гладкая проволочная, вторая с тремя бусинами, причем две из них полые шаровидные, а третья, средняя — филигранная ажурная. Кроме того, к нижней части этой серьги прикреплена двухъярусная шумящая подвеска, состоящая из трапециевидной пластинки, орнаментированной кружками, и трех подвешенных к ней таких же пластинок несколько меньшего размера^[40].

Близ правого плеча погребенной лежал железный нож, а на фалангах пальцев правой руки — четыре бронзовых кольца:

1) пластинчатое, аналогичное перстню, привязанному к ожерелью;

2) проволочное с сильно заходящими концами; 3) пластинчатое с завязанными концами и щитком, покрытым гравировкой; 4) пластинчатое с концами, заходящими $2\frac{1}{2}$ оборота и орнаментированное по щитку рядами треугольников и насечкой.

На левой руке погребенной обнаружены (рис. 8): 1) бронзовый браслет, витой в 3 проволочки, с обрубленными концами; 2) на фалангах пальцев 2 кольца — бронзовое проволочное спиральное и серебряное пластинчатое с завязанными концами и вогнутым щитком.

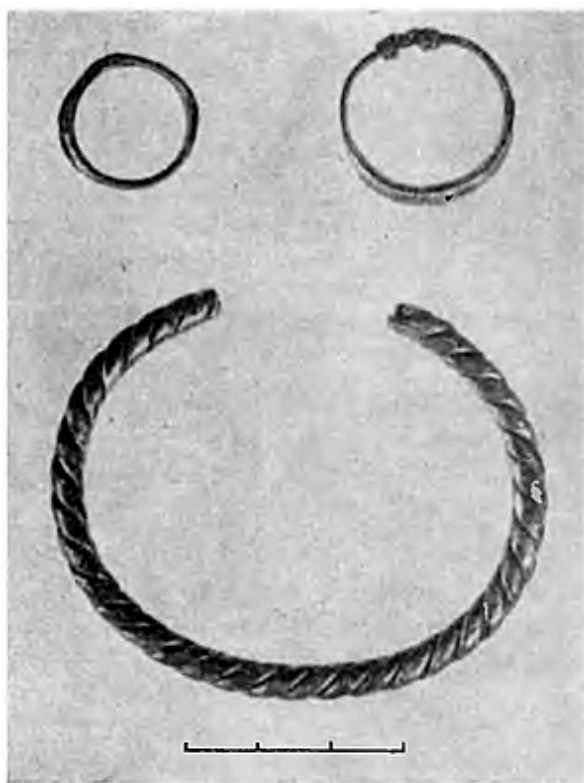

Рис. 8. Самолва. Вещи из кургана № 1

У ног погребенной стоял небольшой горшок, изготовленный на круге, с прямым стоячим венчиком, орнаментированный по плечикам волной, а ниже по всему тулову — линейными поясками (рис. 9). Вдоль костей правой ноги женского костяка обнаружены остатки одновременного погребения ребенка 4-5 лет. Сохранилась лишь верхняя часть черепа, нижняя челюсть и незначительные части костей конечностей. Справа от остатков детского костяка лежал железный гарпун с шиловидным отростком в основании лезвия и проволоочной обмоткой на черенке (рис. 10). Здесь же на остатках истлевшей органической массы (кошелек?) лежали две западноевропейские монеты: 1) англосаксонская, Этельред II, 978-1016 гг., монетный двор — Линкольн, монетчик Osferd;^[41] 2) средневековая монета XI в., сильно стертая.

Судя по монетам и остальным находкам, двойное погребение в кургане № 1 относится к первой половине XI в.

Курган № 2, расположен в 10 м к югу от предыдущего, в центре сохранившейся части могильника. Размер его: диаметр 6 м, высота 0.4 м. Южная пола кургана частично повреждена при прокладке дороги (рис. 11).

Рис. 9. Самолва. Горшок из кургана № 1

Под насыпью, несколько к югу от центра, на слое погребенной почвы обнаружено мужское погребение. Костяк лежит на спине, головой на запад, сохранность костей плохая; позвонки, ребра и часть костей конечностей не сохранились. Возраст погребенного — возмужалый. Череп европеоидного северного типа.

При погребенном обнаружены следующие вещи (рис. 12): 1) у локтя правой руки — подковообразная бронзовая застежка, округлая в сечении, с гранеными головками и слегка изогнутой железной иглой; рядом с нею отмечены следы истлевшей ткани; 2) справа у таза — круглое бронзовое поясное кольцо и рядом с ним кусочек кремня. Несколько ниже остатков пояса лежали части железного кресала и на костях таза поясная бронзовая лировидная пряжка. На месте отсутствовавшей правой бедренной кости прослежены остатки истлевшей органической массы со следами ткани. Близ левой ступни костяка лежал железный нож.

Погребение в кургане № 2 может быть датировано XI–XII вв.

Курган № 3 жальничного типа, расположен к югу от предыдущего. Насыпь имеет диаметр 4 м и высоту около 0.5 м; с северо-западной стороны насыпь повреждена дорогой. У подошвы кургана лежат два крупных валуна.

В центре кургана обнаружена могильная яма размером 2.4×0.9 м, глубина ямы — 0.5 м (рис. 13). На дне ямы — женский костяк, лежащий на спине, головой на запад. Возраст погребенной возмужалый; череп мезобрахикранный. При костяке обнаружены следующие вещи (рис. 14); 1) на левой руке был надет браслет, аналогичный браслету из кургана № 1; 2) на безымянном пальце левой руки — витой бронзовый перстень с заходящими заостренными концами; слева у черепа — бронзовое проволочное колечко с разомкнутыми концами; 4) миниатюрный бронзовый литой шарик-пуговица с обломанным ушком.

Судя по находкам, погребение в кургане № 3 относится к XI–XII вв.

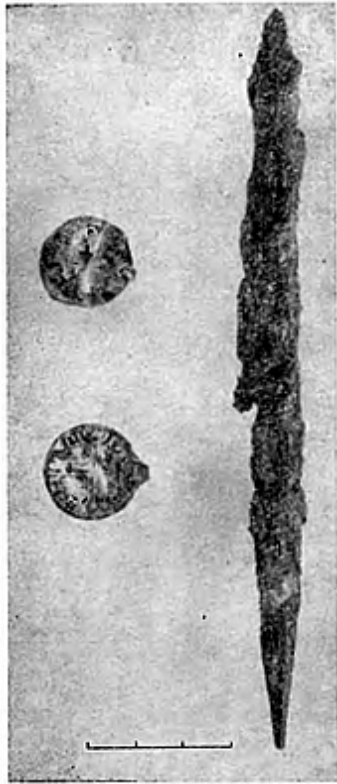

Рис. 10. Самолва. Вещи из кургана № 1

Курган № 4, расположен в 4 м к юго-востоку от кургана № 3. Насыпь его круглая, уплощенная, диаметром 6.5 м, высотой 0.9 м. Центральная часть кургана повреждена поздней ямой, несколько не достигшей слоя погребенной почвы (рис. 15). Яма эта была заполнена современными строительными материалами (остатки кирпичной кладки).

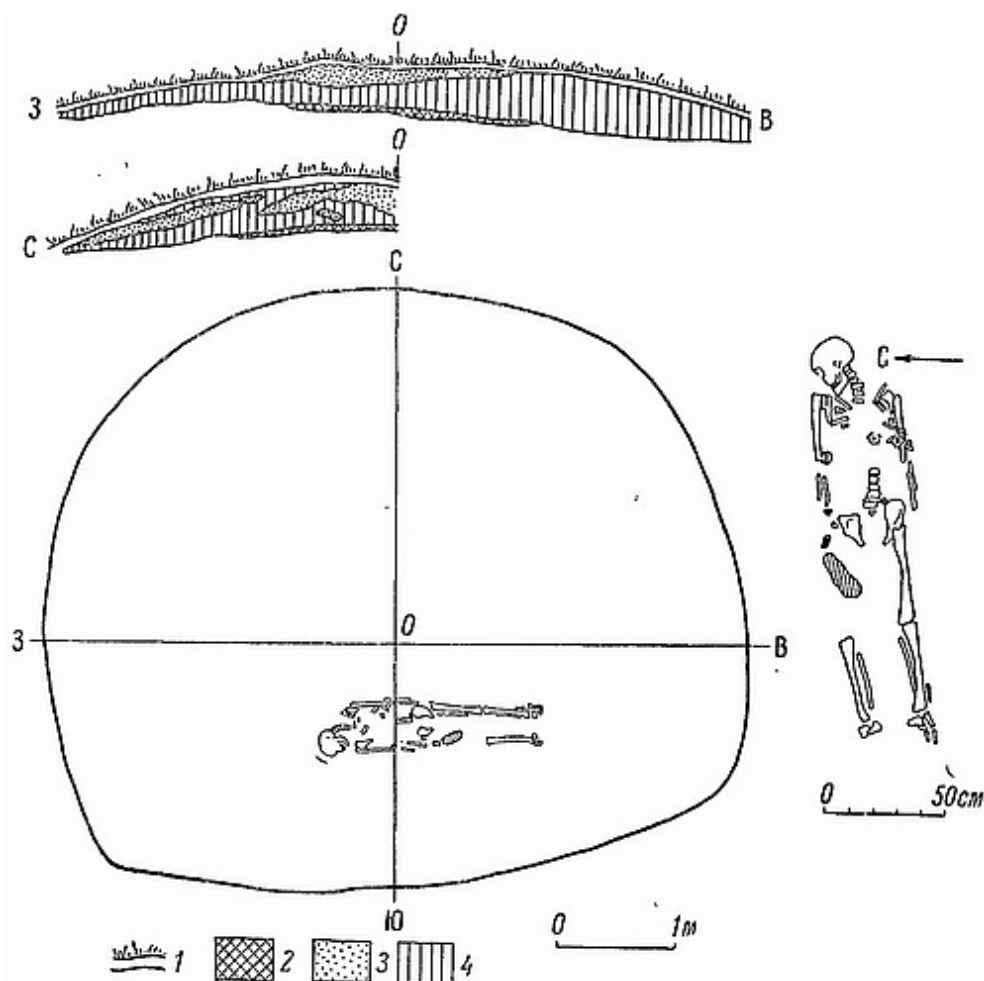

Рис. 11. Самолва. Курган № 2. Обозначения те же, что на рис. 6

В 0.7 м к северо-западу от центра кургана на слое погребенной почвы обнаружены остатки разрушенного погребения — верхняя часть черепа, а еще в 1.1 м к северу от черепа — кусок гончарного сосуда, относящегося, по-видимому, к XII-XIII вв.

Жальник расположен на расстоянии около 30 м к юго-западу от кургана № 4. Он представляет собой могилу, плоская насыпь которой поднимается на 0.2 м выше уровня погребенной почвы и окружена валунами и

плитами. Эта каменная ограда могилы прерывается только с западной стороны (рис. 16).

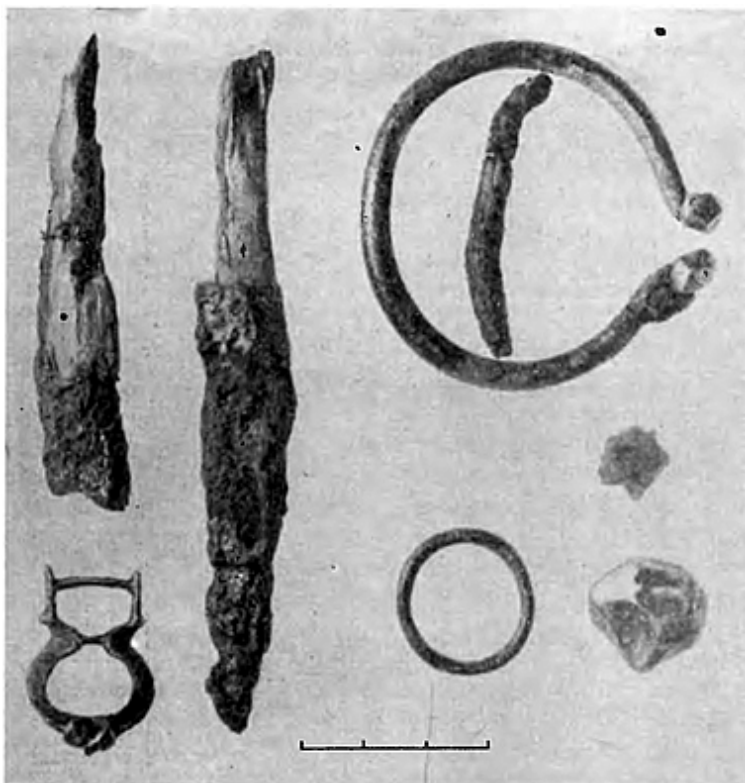

Рис. 12. Самолва. Вещи из кургана № 2

При снятии насыпи почти сразу же под дерном обнаружены куски 6 разбитых гончарных сосудов. Некоторые из этих горшков близки по типу к горшку из кургана № 4, остальные имеют отогнутый наружу и прямо срезанный край. Сосуды относятся, по-видимому, к XIII в.

Под насыпью обнаружена могильная яма размером в плане 2×1.5 м и глубиной 1.2 м, ориентированная с север-северо-востока на юг-юго-запад. В могиле находилось два мужских погребения. Погребение I — костяк, лежащий на спине головой на юг-юго-запад.

Возраст погребенного возмужалый, череп европеоидный, долихокраний, северный. Под правой плечевой костью сохранились остатки доски от гроба. У черепа отмечены остатки русых волос. Погребение II — костяк, лежащий рядом с первым, но чуть глубже его и не вполне параллельно могильной яме. Возраст возмужалый, череп европеоидный, брахикраний. Никаких вещей при костяках не найдено.

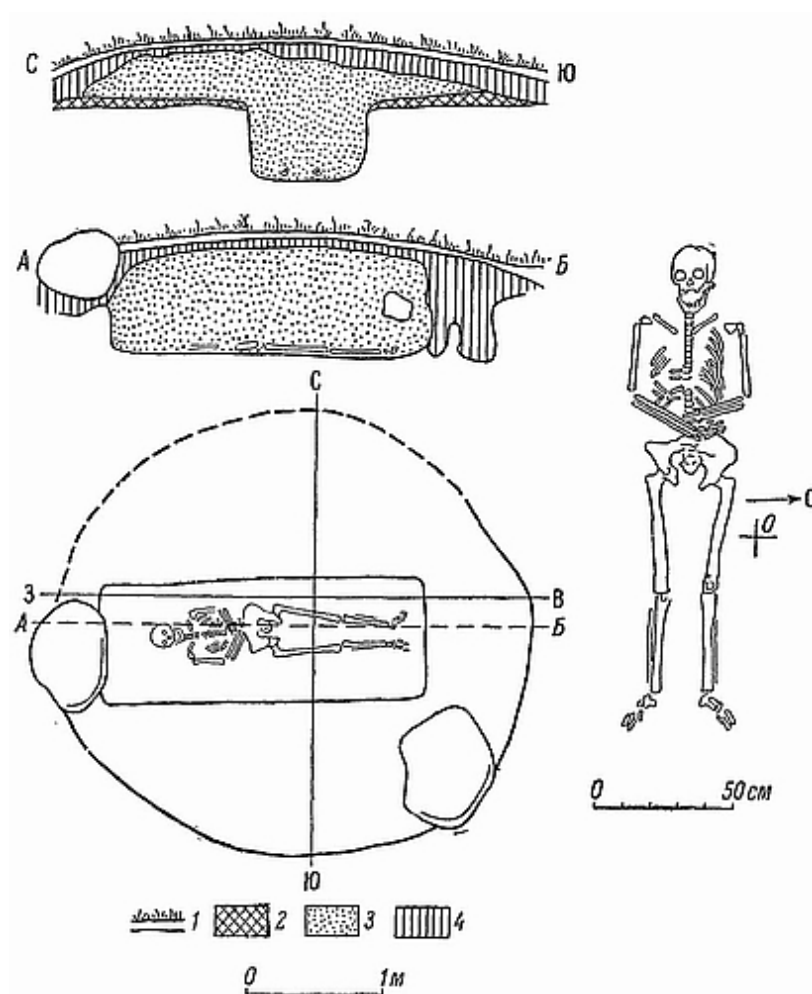

Рис. 13. Самолва. Курган № 3. Обозначения те же, что на рис. 6

Таким образом, могильник в дер. Самолва в целом относится ко времени от первой половины XI в. по XIII в.

13. О. Городецкий

На острове не имеется никаких следов городища или других искусственных укреплений. Вся средняя и северная часть острова сильно заболочены. Полоса более высокой и сухой местности проходит вдоль южного берега острова. В западной части этой повышенной гряды имеется культурный слой. Шурфы показали, что этот культурный слой представляет собой чередующиеся прослойки темного гумуса и песка. В слое (как в гумусе, так и в песке) встречаются фрагменты керамики, относящиеся, очевидно, к XII–XIII вв., а быть может, частично и к XIV в. (рис. 17). Слой очень влажный; шурфы доведены до глубины 0.75 м, ниже слой уходит в воду. Наибольшее количество керамики встречается сразу же под дерном на глубине до 0.4 м, однако находки имеются вплоть до уровня воды.

Территория, на которую распространяется культурный слой, занимает всю повышенную гряду вдоль берега острова, т. е. примерно 16 м в ширину, а к юго-восточному концу сужается до 10 м. Длина участка, на котором имеется культурный слой, — около 85 м. Вне этого участка прямо под дерном лежит чистый песок.

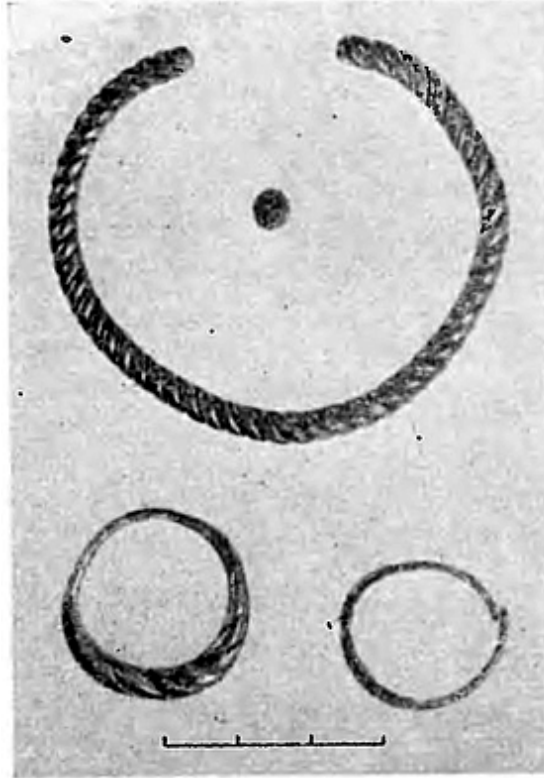

Рис. 14. Самолва. Вещи из кургана № 3

Поселение на Городецком острове не имеет следов укреплений, однако в древности оно было, очевидно, укрепленным; об этом свидетельствует как расположение поселения на труднодоступном участке, так и само название острова. О наличии на Городецком острове урочища Исад-Городец упоминается еще в документах конца XVI в. [\[42\]](#)

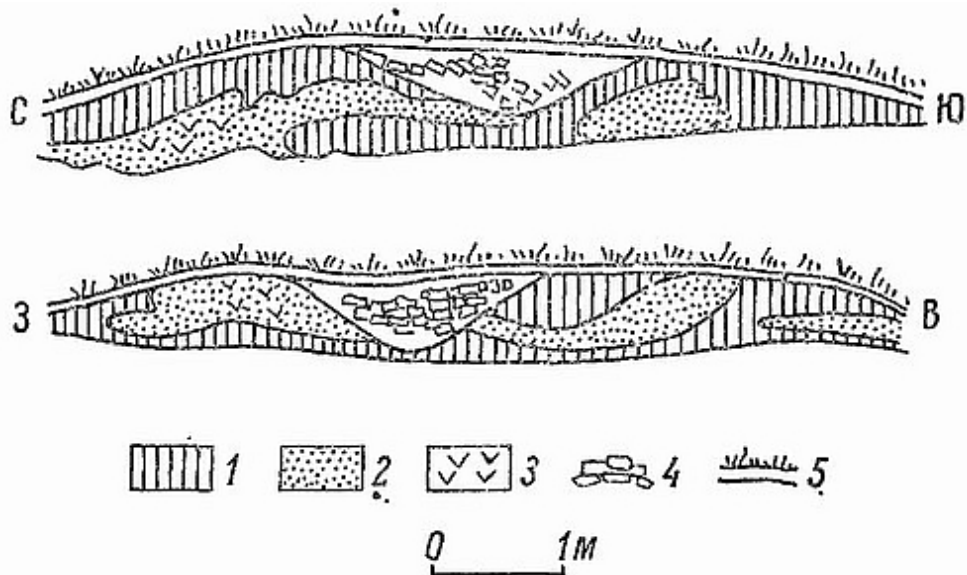

Рис. 15. Самолва. Курган № 4. 1 — серая супесь; 2 — песок; 3 — обожженный песок; 4 — кирпичи в засыпи ямы; 5 — Дерн

14. Дер. Чудская Рудница

В 1 км к северо-западу от деревни в поле имеется большое всхолмление, сильно распаханное и поэтому имеющее очень небольшую высоту и неопределенные очертания. На этом всхолмлении похоронены партизаны, павшие во время Великой Отечественной войны. По словам жителей дер. Чудская Рудница, несколько восточнее центра холма стояли два каменных креста^[43]. В яме на южном склоне всхолмления встречаются человеческие кости и редкие фрагменты средневековой керамики. Предварительная разведка показала, что здесь имеется могильник общей площадью более 1500 кв. м. Для исследования этого могильника были заложены три раскопа вокруг центральной части

всхолмления. Общая площадь их равнялась 188 кв. м. Раскоп № 1 имел площадь в 108 кв. м и находился в южной части всхолмления. В раскопе вскрыто 51 погребение. Раскоп № 2 — у северо-западного края всхолмления насчитывал 48 кв. м. Здесь было расчищено 14 погребений, сохранившихся полностью или частично. Раскоп № 3 был заложен на северо-восточном склоне всхолмления и имел площадь 32 кв. м. Вскрыто 17 погребений. Все раскопы были ориентированы в направлении юго-запад — северо-восток.

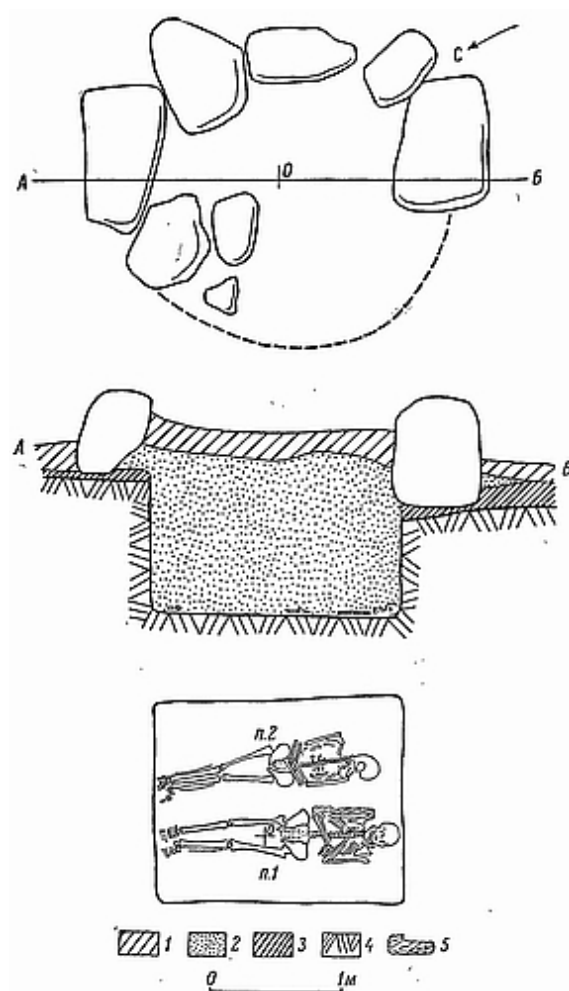

Рис. 16. Самолва. Жальник. 1 — дерновый слой; 2 — песок; 3 — слой погребенной почвы; 4 — материк; 5 — обгорелая доска

Характер слоя во всех раскопах оказался одинаковым. Дерновый слой, желтый рыхлый песок и подстилающий его плотный песчаный материк были прослежены всюду, хотя мощность этих составных частей была различной. Установлено, что всхолмление образовано желтым рыхлым песком, слой которого достигал наибольшей мощности в раскопе № 1, где его толщина измерялась 60-80 см, с уменьшением к юго-востоку до 15 см. В раскопах №№ 2 и 3 этот слой песка был более нарушен кладоискательскими ямами и другими перекопами.

подавляющая часть погребений залегала в слое желтого рыхлого песка. В тех местах, где этот слой был незначителен, могильные ямы врезались в материк, что хорошо прослежено в раскопе № 2. Границы могильных ям в большинстве случаев не прослеживались из-за однородности стенок ям, вырытых в песке, и их засыпки.

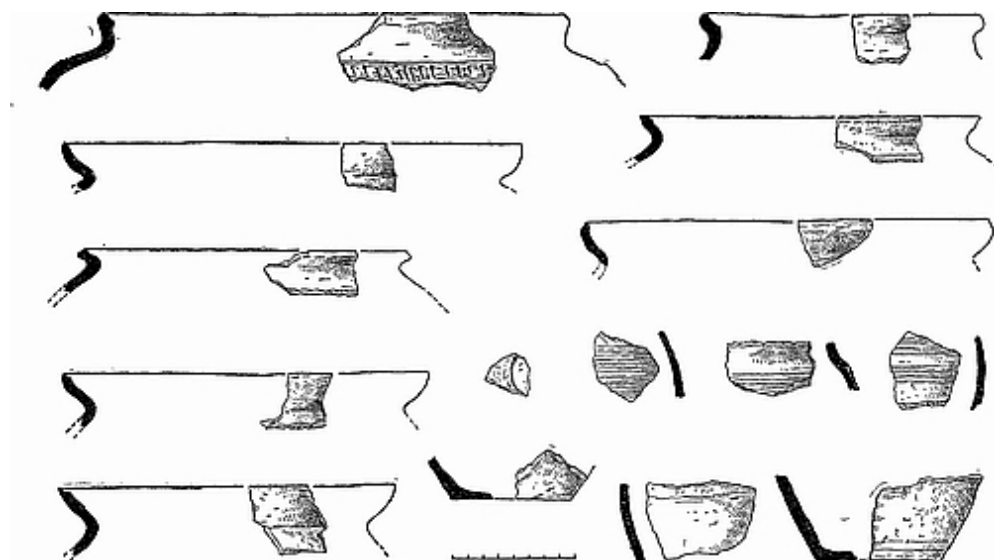

Рис. 17. Фрагменты керамики с Городецкого острова

Наблюдения за профилями стенок всех раскопов, как и за слоем, показали, что естественное всхолмление из песка существовало тут еще до первого захоронения и его использовали для погребения умерших, зачастую не сооружая могильной насыпи или делая ее очень маленькой. Некоторые признаки небольшой курганной насыпи были отмечены лишь в профилях стенок у восточного угла раскопа № 2. Возможно, эта насыпь была курганом над двумя погребениями, ориентированными головой на северо-восток и, по-видимому, относящимися к наиболее ранним из раскопанных.

Во всех раскопах было открыто 82 погребения и значительное количество костей во вторичном залегании. Ориентировка погребенных устанавливалась в 59 случаях, в том числе в 52 случаях она была западной (иногда с небольшими отклонениями). Положение погребенных — на спине, вытянутое, чаще всего с руками, сложенными или скрещенными на поясе. Реже встречались погребения с асимметричным положением верхних конечностей (правая рука положена на грудь, левая лежит на поясе). В центральной части раскопа № 1, где слой песка был наиболее мощным, погребения иногда размещались одно над другим в 2-3 яруса и позднейшие нередко нарушали более ранние. Находки гвоздей говорили о наличии сколоченных гробовищ. Своеобразным явлением, отмеченным только на раскопе № 3 для трех погребений, была южная ориентировка. Эти три погребения располагались рядом и, возможно, были захоронены единовременно. Четыре костяка имели северо-восточную ориентацию.

Могильник дал небольшое количество вещевого материала. В дерновом слое и верхней части песчаного слоя найдены фрагменты круговой неорнаментированной керамики XV-XVIII вв. Из общего

числа погребений вещи содержались в 25-ти. Это преимущественно гвозди от гробовищ, фрагменты круговых сосудов, ножи. Из этих погребений с находками датируются лишь восемь. В двух погребениях были обнаружены шведские монеты 1670 г., в одном погребении — литой нательный крестик XV–XVII вв. и в двух погребениях — псковские полушки (середина XV в. — до 1510 г.). В одном погребении найдена желтая зонная бусина XII–XIV вв. В двух погребениях, имеющих северо-восточную ориентацию, найдены ожерелья из неправильно-зонных бус желтого стекла, желтый стеклянный бисер, раковины каури, а также бусины: четырнадцатигранная хрустальная, кольцевидная янтарная и четырехгранная призматическая синяя с желтой инкрустацией. Судя по этому набору бус, данные два захоронения относятся к XI–XII вв.

Судя по различной ориентировке (преимущественно западной с различными отклонениями), плотности захоронений и их разновременности, данный могильник был кладбищем для местного населения с XII–XIV по XVII вв. Среди остатков захоронений были встречены мужские, женские и детские скелеты. Из четырех костяков, имеющих северо-восточную ориентировку, два датируются XI–XII вв., остальные два не имеют датировки. Эти погребения представляют, по-видимому, местное нехристианизированное население (водь или ижора)^[44]. Более поздние погребения принадлежат либо славянскому населению, либо христианизированным потомкам местного населения.

Самым молодым участком кладбища была его южная часть. Здесь невелика плотность погребений. Однако в XV–XVII вв. продолжали хоронить и на месте старых захоронений (погребения с монетами XV–XVII вв. над погребением XII в. в западной части раскопа № 1).

Во время работ на могильнике был осмотрен также берег озера у дер. Чудская Рудница с целью найти

остатки поселения, синхронного могильнику. Таких остатков не найдено. Это подтверждает наблюдения местных жителей и водолазов экспедиции о том, что остатки поселения ныне затоплены и лежат на дне озера.

15. Дер. Пнево

Южнее деревни на болотистой низине сохранился вал, относящийся, видимо, ко времени 1-й мировой войны. На песчаных буграх здесь встречаются единичные фрагменты русской средневековой керамики.

Восточнее вала имеется несколько повышенная площадка, заросшая кустарником. На этой площадке находятся два жальника, а кругом разбросаны камни от разрушенных жальников.

16. Дер. Мтеж

В районе деревни имеется длинная песчаная коса, далеко вдающаяся в озеро. На полях у основания этой косы видны валообразные возвышения, обрисовывающие в плане несколько примыкающих одно к другому прямоугольных пространств, — очевидно, следы каких-то промышленных и хозяйственных сооружений. При зачистке ям здесь обнаружена керамика XVIII–XIX вв.

Коса, выдающаяся в озеро, имеет в ширину всего 5–8 м, а местами еще меньше. На ней встречаются фрагменты керамики XVII–XVIII вв., сильно окатанные водой. Конец косы называется местными жителями Старый Мтеж или Старая Деревня.

Около современной дер. Мтеж имеется поле с большим количеством жальников, многие из них, по-

видимому, не потревожены.

* * *

Результаты археологического обследования восточного побережья Чудского озера позволяют сделать некоторые выводы в отношении системы расселения и организации обороны на этой территории в X–XIII вв.

Так, прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в этом районе не обнаружено ни одного более или менее значительного поселения. Правда, сплошного археологического обследования всей территории здесь не производилось, но все же тщательный опрос местных жителей и обследование мест, где было наиболее вероятно ожидать наличия поселений, не дали никаких результатов, несмотря на то, что были обнаружены следы нескольких совсем мелких поселений XII–XIII вв. у деревень Раскопель, Островцы, Кола, в устье р. Желчи, на о. Городецкий.

Таким образом, есть все основания полагать, что на рассматриваемой территории вплоть до XV в. не существовало крупных поселений. Однако из этого ни в коем случае нельзя делать вывода о слабой заселенности территории. На восточном берегу Чудского озера между Гдовом и р. Желчей имеются три городища. Культурный слой на этих городищах либо полностью отсутствует (городище у дер. Мда), либо чрезвычайно беден находками. Очевидно, городища эти служили не местами постоянного поселения, а лишь убежищами, куда местное население собиралось для обороны во время вражеских вторжений. Кроме городищ, в этом районе известны также курганные могильники, в том числе довольно значительные, как например могильники в дер. Самолва, близ дер. Островцы и у дер. Залахтове.

Наличие городищ-убежищ и могильников свидетельствует, что данный район был заселен. При этом наиболее густо был заселен район устья р. Желчи и расположенный к северу от этого устья участок между берегом озера и правым берегом р. Желчи. Очевидно, население здесь жило в очень небольших поселениях, типа хуторов. Такой характер поселений типичен для этого района (как, впрочем, и для всей северо-западной русской территории) и в значительно более позднее время, что нашло, например, отражение в писцовых книгах, где очень часто упоминаются деревни, состоящие всего из 3-4 дворов.

При такой системе заселения городища-убежища и могильники (а также, очевидно, связанные с ними культовые места) должны были обслуживать население сразу нескольких расположенных поблизости мелких деревень.

Несомненно, что городища-убежища, расположенные на восточном берегу Чудского озера, были основаны как укрепления, предназначенные исключительно для защиты местного населения, и не имели характера пограничных крепостей. Никакой организованной системы обороны побережья в X-XI вв. здесь не существовало. В XII-XIII вв. положение существенно изменилось.

В это время происходит общее усиление оборонительных сооружений данного района. Так, в это время возникает укрепленное поселение на Городецком острове, в это же время вновь начинает использоваться (а вероятно, и дополнительно укрепляется) городище у дер. Сторожинец. По-видимому, к XIII в. на восточном берегу Чудского озера складывается уже какая-то более или менее организованная система оборонительных сооружений, связанная не только с интересами местного населения, но, вероятно, имевшая определенное значение и для обороны рубежей Новгородской земли.

Г.Н. Караев. Результаты подводного археологического обследования северной части Теплого озера

Высказанные на основе наземных археологических изысканий соображения о характере поселений и системе обороны Новгородско-псковских порубежных участков на восточном берегу Чудского и Теплого озер совпадают с теми выводами, которые можно сделать в результате подводных археологических исследований, произведенных в 1958 и 1959 гг. в районе островов Вороний, Станок, Лежница, Сиговец, западной оконечности о. Городец и на месте затопленной водами Теплого озера дер. Чудская Рудница.

Эти результаты в основном следующие.

1. К северо-западу от современного о. Вороний, примерно в 150 м от берега, на дне Теплого озера находится вытянутый с северо-востока на юго-запад выход темно-бурого песчаника по основанию около 200 м длиной и местами до 180 м шириной. В настоящее время он выступает над уровнем дна озера в виде плоского, обтекаемой формы массива и продолжает интенсивно разрушаться озерными водами (рис. 1). Этот останец коренной породы должен был в прошлом быть очень высок. Находясь на берегу Больших Ворот, через которые в Чудское озеро проникали основные массы воды из Псковского озера, он возвышался, вероятно, над лесом в виде высокого холма и служил ориентиром для всех тех, кто плыл по проходившему здесь с незапамятных времен древнему водному пути.

На юго-восток от этого останца, от его юго-западного и северо-восточного концов, по направлению к современному берегу о. Вороний, обнаружены остатки искусственной кладки разной сохранности на различных участках. Будучи частично сложена, а частью навалена из валунов, глыб песчаника, кусков известняка, она, как можно предполагать, являлась каменной основой земляного вала. В настоящее время земля и песок размыты и унесены водой, а камни в своем большинстве развалены во время штормов, которые особенно часты в этих местах осенью, и весенних ледоходов.

***Рис. 1. О. Вороний и место Вороньего Камня около острова в
Больших Воротях (фотоснимок с вертолета)***

В 1958 г. аквалангистами после неудачных попыток сфотографировать эти развалины были сделаны под водой наброски на кусках фанеры, а затем переведены на бумагу (рис. 2 и 3). На следующий год ими была произведена глазомерная топосъемка, показавшая, что обнаруженное нами сооружение имеет в плане вид замкнутого неправильного многоугольника, северозападную сторону которого составляет упомянутый выше останец коренной породы.

Поверхность дна внутри этого сооружения ровная, песчаная. На дне торчат 2–3 пня, которые удерживаются уходящими в почву корнями.

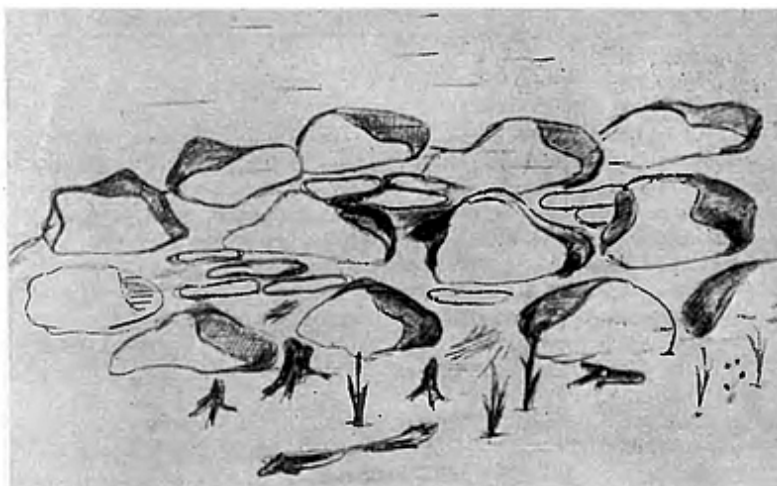
Можно предполагать, что обнаруженное экспедицией сооружение является остатками укрепленного городца — «старого» городца, в отличие от которого летописец назвал в 1462 г. городец, построенный на том месте, где сейчас находится дер. Кобылье Городище, «новым»; гигантский же останец, к которому примыкает старый городец, является упоминаемым летописью под 1242 и 1463 гг. Вороньим Камнем. Не случайно остров, на котором был сооружен этот городец, получил название Городищенский, а после того как от него позднее отделился островок, на берегу которого остался стоять Вороний Камень, последний стал называться Вороньим.

2. Примерно в 300–400 м к северу от о. Лежница, за местом на Теплом озере, которое до сих пор называется местным населением «река», т. е. пролив между северным берегом Озолицы и южным берегом находившейся за «рекой» суши, аквалангистами были обнаружены остатки фундамента какого-то сложенного из плит известняка строения. Произведенные в этом месте подводные раскопки обнаружили на глубине 0.4–0.5 м обгорелые куски дерева и уголь.

Это дает известное основание предполагать, что удалось найти первоначальное место, на котором была в

1458 г. построена деревянная церковь архангела Михаила, ограбленная и сожженная в следующем 1459 г. немецкими рыцарями. Этот факт, сообщаемый летописью, объясняет, почему после заключения мира с немцами в 1461 г. при постройке «нового» городца церковь была построена внутри этого укрепления.

Определение первоначального места церкви архангела Михаила имело для экспедиции важное значение, так как ее постройка, будучи отмеченной в летописи, позволяет установить, хотя бы приблизительно, величину повышения уровня воды в Теплом озере за последние 500 лет, а это в свою очередь помогает восстановить очертания Узмени, какими они были ко времени Ледового побоища 1242 г.

***Рис. 2. Каменная основа вала у северо-восточной оконечности
Вороньего Камня. Зарисовка под водой аквалангистов Р.П.
Стукалова и А.И. Ягунова***

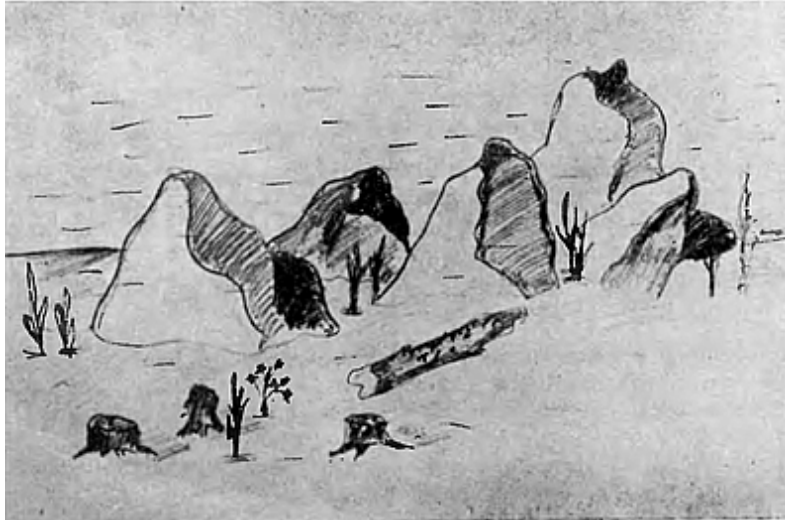

Рис. 3. Часть разрушенной каменной основы вала у юго-западной оконечности Вороньего Камня. Зарисовка под водой аквалангистов А.И. Ягунова и Р.П. Стукалова

3. Обнаружение на дне Теплого озера в его северной части многочисленных пней, остатков кустарников, стволов так называемого «черного дуба» и т. п., свидетельствует о том, что берега Узмени были богаты лесом. Преобладают при этом сосна, дуб, ель, ольха. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что как о-ва Городищенский (ныне Городец) и Озолица (ныне ее остатки в виде о-вов Станок и Лежница), так и мыс Сиговец были покрыты густым лесом.

4. На карте генерального межевания Петербургской губернии 1781 г. на месте современной дер. Чудская Рудница показана Новая Рудница. Это обстоятельство в соединении с многочисленными свидетельствами местного населения о том, что первоначальное место деревни, т. е. «старой» Рудницы, затоплено и находится на дне озера, побудило участников экспедиции произвести подводное археологическое обследование

той части Теплого озера, которая примыкает к восточному берегу в районе этой деревня.

Обследование произвели аквалангисты. Против небольшого заливчика, в глубине которого находится пристань, на расстоянии от 50 до 200 м от современного берега на дне озера были обнаружены остатки «старой» Рудницы. Переселение было произведено, по-видимому, без поспешности, дома и пристройки перевезены на новое место. Остались лишь камни от фундаментов домов, замытые песком и илом колодцы, пни росших в деревне деревьев.

Добавление к основному названию слова «новый» при перенесении населенного пункта на новое место, лишний раз подтверждает правильность предположения Э.К. Паклара о том, что летописное указание о постройке в 1462 г. «Нового городца» дает основание считать, что на Городищенском острове существовал ранее построенный «старый» городец. Остатки этого укрепленного городца, по-видимому, и были обнаружены у Вороньего Камня.

Таким образом, мы видим, что подводные археологические изыскания и полученные результаты являются прямым продолжением произведенных за время работ экспедиции наземных археологических исследований. В данных конкретных условиях, когда и те и другие являются составными частями одной экспедиции, они взаимно друг друга дополняют и позволяют с еще большей достоверностью восстановить обстановку, в условиях которой на льду древней Узмени произошла историческая битва.

А.С. Потресов, Е.В. Шолохова. Древние водные пути новгородцев

Первая экспедиция (1959 г.)

В 1959, 1960 и 1962 гг. по заданию руководителя экспедиции АН СССР по уточнению места Ледового побоища была проведена разведка водных путей, связывающих Новгород с южной частью Чудского озера^[45]. В литературе отсутствует упоминание об этих путях. Название дер. Волошня на водоразделе рек Желча и Люта (приток Плюсса) и дер. Волошово в верховье р. Вердуга (тоже притока Плюсса) породило предположение, что по рр. Луга — Вердуга — Плюсса — Люта — Желча мог проходить древний водный путь.

Связь Луги с Новгородом через р. Мшагу, затем Шелонь и оз. Ильмень издавна известна. На водоразделе Луги и Мшаги стоят селения: Большой и Малый Волоки, Волочек и Ожигин Волочек. Неясной была связь Луги с Болотовым на Вердуге. Было сделано предположение, что путь от Луги мог идти вверх по р. Обла с волоком в р. Лубеть, впадающую в Вердугу как раз у дер. Волошово. После детального изучения гидрографии этих рек от этого варианта экспедиционному отряду пришлось отказаться. Эти реки очень малы, и падение их настолько велико, что вряд ли они могли когда-либо быть судоходными. Да и дер. Волошово стоит не на водоразделе, а недалеко от устья Лубети при впадении ее в Вердугу. В лучшем случае здесь мог проходить зимник, но не водный путь. Более вероятно, что водный путь на Волошово следует искать с севера со стороны

оз. Сяберское, связанного рр. Сяберкой и Черной с притоком Луги — Сабой.

Р. Саба берет свое начало из оз. Красногорское. Оно находится в 4 км от р. Луги. Озеро несомненно было связано с Лугой. Об этом говорят названия дер. Волок и оз. Волокское на водоразделе. Однако водный путь вряд ли мог идти по Сабе от самого истока. Бассейн водосбора у истока крайне мал. Возможно, что это был местный волок из Луги, который вел только в озеро.

Отряд должен был пользоваться туристскими разборными байдарками как средством передвижения. Предполагалось, что р. Саба в верхнем течении непроходима для байдарок. Поэтому был выбран путь к Сяберскому озеру вверх по р. Сабе от ее впадения в Лугу. По окончании путешествия выяснилось, что в этом же 1959 г. путь от Красногорского озера по верхней Сабе был успешно пройден на байдарке гидрологом Т.Ю. Тюлиной.

Маршрут в окончательном варианте был утвержден следующий: от г. Толмачево вниз по Луге до устья р. Сабы у дер. Большой Сабек; вверх по рр. Саба, Черная и Сяберка в оз. Сяберское: волок в оз. Вердуга; вниз по р. Вердуге от истока до устья, затем вниз по р. Плюс се до устья р. Люты; вверх по Люте до дер. Заполье; волок в р. Желчу у дер. Волошня; вниз по Желче в Чудское озеро. Протяженность водного пути — около 350 км.

В пути экспедиционный отряд проводил сбор археологических, исторических, фольклорных и географических данных, связанных с существованием водного пути, соединяющего Лугу с южной частью Чудского озера (рис. 1, 2).

Река Луга. Связь Луги с Новгородом была очевидна. На притоке Луги р. Оредежи в Ям-Тесове находился в древности центр новгородского судостроения. Обследование Луги не входило в задачи отряда; река здесь спокойная, полноводная и судоходная.

В километре от устья Сабы начинается непроходимый даже для туристских байдарок Большой Сабский порог.

На правом берегу Луги у школы дер. Большой Сабек отряд обнаружил одиночный круглый курган высотой 1 м.

Река Саба. Первые несколько километров от устья р. Саба мелководна, местами имеет каменистые перекаты с большим количеством валунов. Затонувший сплавной лес и карчи тоже мешали продвижению отряда. Но затем идут спокойные плесы, перемежаемые отдельными перекатами.

От дер. Псоеди отряд перетаскивал свои байдарки через одиннадцатикилометровый участок сплошного порога. Река пересекает здесь моренную гряду. Уклон речного русла значителен. У верхнего края порожистого участка на правом берегу лежит дер. Переволока. Название селения, стоящего в голове большого порога, позволяет сделать предположение, что от этого места суда, идущие вниз по Сабке, переволакивали.

Рис. 1. Глазомерная схема района Сабба — Вердуга — Плюсса. 1 — курган за школой; 2 — курганы у Лужников; 3 — Засабские Могилы; 4 — урочище Колода — 8 больших курганов; 5 — урочище Судбище — курганная группа; 6 — прокопанная гряда; 7 — курганная группа; 8-3 кургана; 9 — жальники в дер. Пустое Горешно; 10 — жальники и курган в Затрубичье; 11 — могильник в дер. Вердуга; 12 — курган Богатырек; 13 — курган Богатырь у Заполя; 14 — курганная группа Мостище; 15 — могильник у Ровниц; 16 — курганная группа у Ровницкой переправы; 17 — курганная группа у Выползово; 18 — группа жальников; 19 — курган у Струйско; 20 — жальники у дер. Пелешя; 21 — курган на урочище Горенец; 22 — жальники в урочище

Сергеевка; 23 — курганы и жальники; 24 — Пупкина Гора; 25 — жальники у Пупкиной Горы; 26 — группа жальников за мельницей

Выше Переволоки Саба представляет собой равнинную реку, она извилиста. Изредка встречаются отдельные валуны, не мешающие продвижению. Пойма широкая, часто заболоченная. В последние годы леспромхоз на некоторых меандрах сделал спрямления. Курганные группы говорят о древней заселенности берегов Сабы.

Четыре круглых кургана высотой от 1 до 1.5 м стоят на р. Узменке (левый приток Сабы) у уничтоженной в последнюю войну дер. Лужники.

Группа в восемь круглых курганов расположена на правом берегу Сабы между селениями Глядино и Дубровицы. Урочище называется Судбище. Курганы частично разрушены.

В 2 км выше дер. Гусли, на правом берегу Сабы, имеется большой могильник. Жители называют его Засабская Могила и считают, что он остался от войны со шведами (рис. 3). Курганная группа разбита дорогой, идущей к реке, на две части. Вниз по течению Сабы находится свыше двадцати оплывших, лишенных растительности круглых курганов высотой от 0.5 до 1 м. Курганы расположены почти вплотную один к другому.

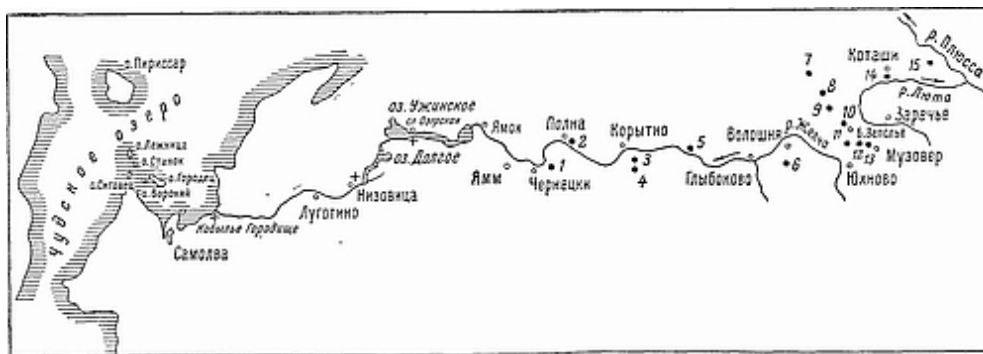

Рис. 2. Глазомерная схема района Люта — Желча. 1 — группа жальников; 2 — курганная группа; 3 — могильник на Каменной Горе; 4 — могильник на р. Белк; 5 — курганы и жальники у Блянской мельницы; 6 — группа жальников; 7 — курганы и жальники у дер. М. Заозерье; 8 — круглые и длинные курганы; 9 — Пёсьи Могилы, курганы и жальники; 10 — курган; 11 — курганы и жальники у Студеного ручья; 12 — круглые и длинные курганы; 13 — курганная группа на горе Вершней; 14 — жальники у дер. Коташи; 15 — жальники у дер. Пелеши

По другую сторону дороги находятся два длинных кургана. Они обложены по краям валунами. Третий курган похож на два первых, но имеет вид незаконченного, или разрушенного с одной стороны. Из первых двух курганов один частично разрыт с юго-восточной стороны. При зачистке раскопа обнаружено, что захоронение было массовым, при котором трупы клались рядами и головами к востоку. Извлечены кости, пробитый череп и фрагмент кружальной керамики с линейным орнаментом.

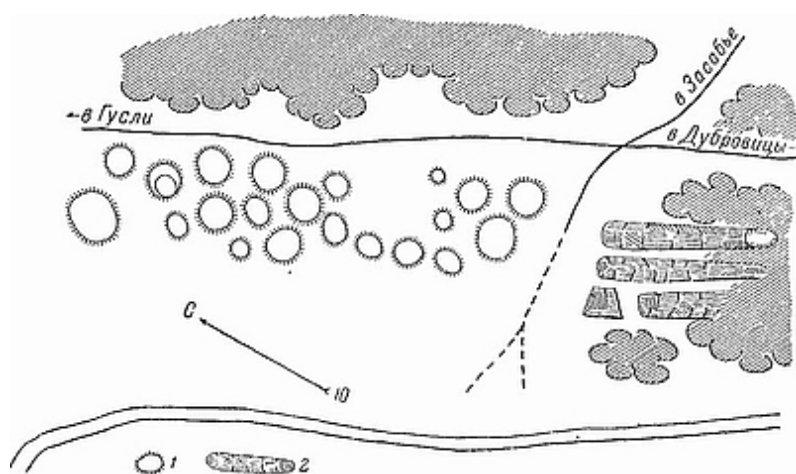

Рис. 3. Курганная группа Засабские Могилы. 1 — круглые курганы; 2 — длинные курганы

На том же правом берегу, в 2-км от описанной группы, в урочище Колода расположено в сосняке и частично на опушке его восемь довольно крупных круглых курганов. Большинство их — хорошей сохранности, с ярко выраженными ровиками.

Еще выше, к югу от дер. Дубровицы, выше устья Сяберки, находятся три крупных кургана средней величины.

Реки Черная и Сяберка. По р. Черной отряду пришлось идти до устья Сяберки всего несколько десятков метров. Вода в реке коричневая, торфяная.

Р. Сяберка длиной 4.5–5 км, шириной от 1 до 6 м, очень извилистая, является очевидно, протокой в ныне заболоченной северной части озера. Пойма Сяберки очень широкая. Сперва идут покосы на торфяниках, за ними следует заболоченный угнетенный лес.

Сяберка сильно заросла. Движение на веслах по ней из-за водорослей и мелководья невозможно. Рыбаки ходят по Сяберке с шестами.

Озера Сяберское, Вердуга и водораздел: Оба озера ледникового происхождения и сильно зарастают, уменьшаясь в размерах.

На мысу, вдающемся с юга в Сяберское озеро, стоит дер. Сяберо (рис. 4). В старину она называлась Подлядье и стояла не на мысу, а на острове, носившем название Соколя Горка. Были еще три острова. На одном из них стоял монастырь Спаса Нерукотворного. В деревне сейчас на месте монастыря имеется деревянная церковь и часовня. Их окружает кладбище. К югу от церкви сохранились остатки каменной кладки. Это следы монастырских построек.

Оз. Вердуга находится примерно в 3 км к югу от Сяберо. Между ними лежит вытянутое с севера на юг оз. Муж. Между Мужем и Вердугой тянется длинный заболоченный язык, поросший мелкой, угнетенной сосной. К западу и северо-западу от Вердуги расположено вытянутое болото, в которое вкраплены озера Долгое, Зеленое, Круглое, Пелюга и др. Очевидно, эти заболоченные пространства прежде были частью озера Вердуга. Впоследствии мелкие части озера заросли и превратились в болота. Это доказывается тем, что на одной стороне болота стоит одноименная с озером дер. Вердуга, а на другой — дер. Завердужье. Очевидно, водораздел между озерами был в прошлом совсем невелик, а озеро Муж являлось частью Вердуги.

Между озерами Сяберское и Муж тянется с запада на восток гряда. Сяберское подходит к этой гряде заливом, переходящим в лощину. У Мужа гряда наиболее высока, но у самого озера она искусственно прорыта. Отчетливо видны два вала по краям траншеи — выбросы земли. Это ясные следы волока. Высота подъема от поверхности оз. Муж не более 4-5 м. О времени прорытия этого волока никаких данных не имеется.

Между озерами Муж и Вердуга, на краю болота, бывшего прежде протокой, стояла часовня, посвященная Параскеве-Пятнице. Она сгорела в июле 1959 г. По сведениям местных жителей, часовня неоднократно разрушалась и вновь восстанавливалась. Как известно, Параскева-Пятница считалась покровительницей торговли и церкви в ее честь ставились всегда в городах на торгу. Часовня, посвященная ей, могла быть поставлена на торговом пути, чтобы торговые люди могли помолиться о своих торговых делах. «Целебный камень», находящийся в часовне, позволяет предположить, что здесь первоначально было языческое

мольбище, а затем, по введению христианства, и была поставлена часовня.

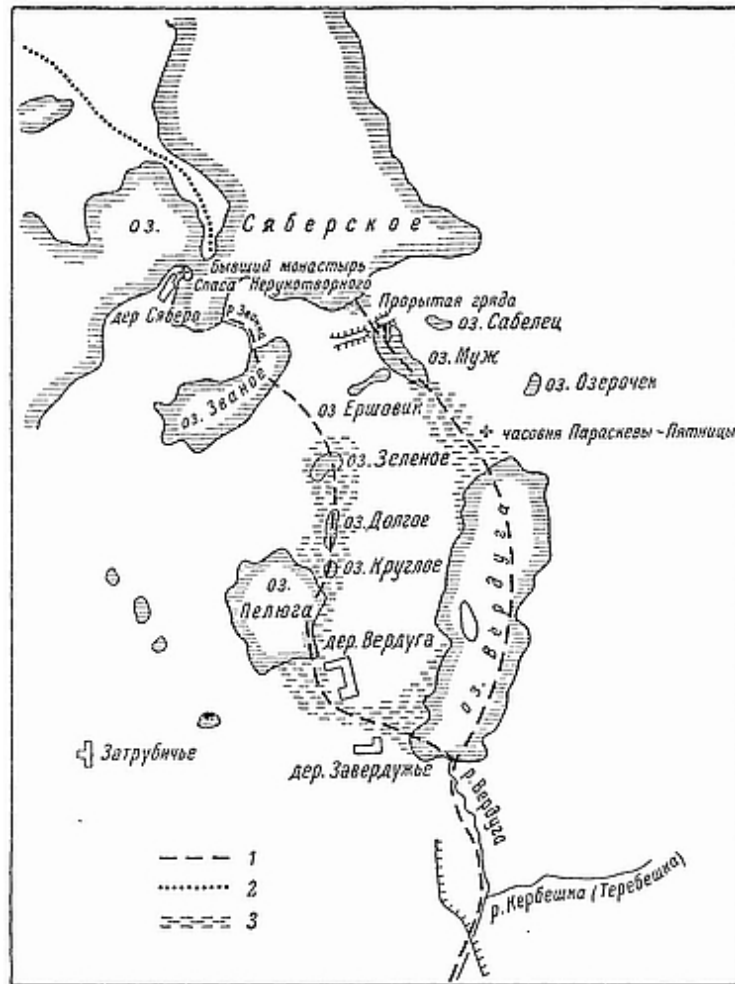

Рис. 4. Глазомерная схема предполагаемых древних волоков. 1 — вероятные направления волоков; 2 — старая дорога на Литву; 3 — болото

Казалось непонятным, почему дер. Волошово находится не на водоразделе и не в начальной точке волока, а в нескольких километрах от оз. Вердуга ниже по реке. Объяснение этому нашлось в рассказах стариков. Они говорили о старой, теперь заброшенной

дороге от оз. Сяберо до дер. Волошово. По их словам, дорога эта была частично выстлана бревнами, в отдельных местах эти бревна были уложены настилом, до девяти бревен одно на другом. Отряду удалось на ряде участков найти эту дорогу. Но бревенчатые настилы были обнаружены только в один слой.

У истока русло Вердуги лежит в широкой заболоченной пойме, подходящей к дер. Волошово. Возможно, что озеро совсем близко подходило к Волошову.

Помимо того, в р. Вердугу в самом верховье впадают три притока: Карбешка (Теребешка), Безымянная и Лубеть. Бассейн водосбора из озера очень мал, по нему могли пройти только порожние струги и ушкуи, а грузы должны были доставляться по дороге на Волошово, где Вердуга, приняв три притока, могла поднять груженные суда. Таким образом, у Волошова начинали волок суда, идущие из бассейна Плюссы, и заканчивали волок суда из бассейна Луги.

С минованием надобности в волоке была заброшена и дорога. А заброшенная дорога — редкость. В пути были зарегистрированы многие сотни курганов и жальников, но не было ни одного, стоящего в стороне от дороги. Это говорит о большом постоянстве дорог, не изменяющихся в течение многих столетий.

Во время обследования водораздела был обнаружен ряд могильников.

В километре к северу от дер. Вердуги, за развилкой дорог на селения Сяберо и Сабицы, расположены три круглых кургана. Они носят следы раскопов. Зачистка показала захоронение с сожжением трупа.

В 300 м к северо-востоку от почты дер. Вердуга имеется место, которое называется Могилы. Здесь до войны копали яму для хранения картофеля и нашли около двадцати черепов, лежащих в ряд, и много костей.

В 200 м от сельсовета по дороге на Затрубичье имеется одинокий большой курган. Крестьяне начали его раскапывать, но, найдя слой угля, перестали копать, решив, что здесь выжигали уголь.

В дер. Затрубичье, у тракторной базы, на месте, называемом Могилы, имеется круглый курган около 1 м высотой. Он сильно поврежден. Около него находятся свыше 50 крупных валунов. Часть их поставлена стоймя. В настоящее время какого-либо порядка в расположении камней уже не заметно. Слабо прослеживаются лишь два кольца валунов. Очевидно, здесь было несколько жальников. На одном из камней, на стороне, обращенной к востоку, высечен рисунок исполненный неглубокими (4–5 мм) линиями шириной 10–12 мм.

К северо-востоку от Затрубичья есть два круглых кургана, расположенных почти рядом. Высота их около 2 м., диаметр 15 м.

Местные жители сообщили, что западней Затрубичья есть еще два могильника с большим количеством камней. Один на высоте у оз. Нежилого около дер. Пустое Горешно. Очевидно, это группы жальников.

В бассейне Луги преобладают термины с корнем «саб» или «сяб». Реки Саба, Сабица и Сяберка, оз. Сяберское, селения Сабек, Сабицы, Сабцы, Сяберо, Засабье, урочище Засабская Могила.

С бассейна Плюсы идет цепочка топонимизонов с корнем «ляд» и «лед». Это Ляды на Плюссе, Лядинки у устья Вердуги, еще двое Лядинок на правом ее берегу, четвертые Лядинки — уже на Сабе, между Дубровицами и Осьминым, Леды на Сабице и, наконец, старое название дер. Сяберо — Подлядь. Это взаимопроникновение корней говорит о том, что в древности жители этой весьма обширной местности были в достаточной степени хорошо связаны друг с другом прежде всего водными путями сообщения.

Особенно заслуживают внимания топонимы Подлядье и Засабье. Подлядье говорит о положении на подступах к Лядам, к Лядовой округе, но село стоит на крайней точке бассейна Сабы. Быть может, это намек на существование волока. А Засабье, напротив, интересно тем, что название связано с югом; только при взгляде с юга, с бассейна Вердуги, селение окажется за Сабой.

Теперь оз. Вердуга не питает больше одноименную реку. От него прорыт канал в р. Сабу с целью осушения торфяного массива, и озеро умирает. Дно его покрыто двухметровым слоем ила. Во многих местах оно обмелело.

Река Вердуга. Собственно говоря, такая река сейчас не существует. После прорытия самотечной канавы вода пошла вспять, на север, в Сабу, в Ленинградскую область.

Экспедиционному отряду предстояло пройти вниз по Вердуге более 50 км. Волошовское торфопредприятие в том году вело работы по осушению заболоченной долины р. Вердуги. Частично уже была готова сеть дренажных канав со стоком в почти готовый магистральный канал, во многих местах пересекающий русло Вердуги. По этим канавам, по жидкому торфу, по песку, а где и на самих себе отряд тащил свои байдарки, не переставая вести археологические изыскания.

В двух километрах от дер. Стаи имеется урочище Мостище. Местные старики рассказывают, что место это получило свое название оттого, что Александр Невский приказал здесь построить дубовый мост и перевел по нему свои войска. Дуб в этих местах теперь не растет, но в траншее магистрального канала встречается на глубине 2-3 м много карчей мореного дуба. Это позволяет предположить, что в древности р. Вердуга была судоходной. Низкий мост мешал бы судоходству. Высокий — для одного только перехода войска вряд ли смогли бы быстро поставить, Факт постройки моста на

судоходной реке был столь необычен, что о нем помнят семь веков и место, где он стоял, зовут Мостище. Название Мостище не говорит о большом мосте, а только о месте, где он находился, подобно пожарищу, не говорящему о большом пожаре, а только о его месте.

На этом урочище в 400 м от правого берега Вердуги (бывшего русла), у дороги, ведущей из Стаи в Борки, находятся два больших круглых кургана (рис. 5). Один высотой 5 м, другой — около 7 м. Оба несколько повреждены раскопками. Зачистка показала захоронение с сожжением трупа. В отвалах одного раскопа найден фрагмент керамики с орнаментом. Местные жители из дер. Стаи рассказали, что они копали здесь в 1928–29 гг. и в восточном кургане нашли «длинный» меч (возможно, двуручный) и «каска со стрелкой» — возможно, древнерусский шлем. Вещи эти хранились в школе, но во время Отечественной войны фашисты школу сожгли и вещи эти пропали.

В 5 км от Стай, за дер. Заполье, влево от большой дороги, против кладбища, стоит одинокий курган. Курган называют Богатырь, и в нем по преданию похоронен какой-то богатырь. Курган продолговатый, в плане напоминает цифру 8. Высота 3 м, ширина 14–16 м, а длина до 20 м.

В 1 км к северо-востоку от Стай за оз. Бездонное, или Бездоница, стоит курган Богатырек, по форме напоминающий Богатырь, но меньше его.

На левом берегу Вердуги, 4 км восточнее Стай, расположен древний погост Белая Горка, а девятью километрами ниже у дер. Нежадва — развалины старого монастыря.

На правом берегу у дер. Ровницы в лесу у дороги группа жальников, но камни с них сняты на строительство дороги. Когда брали здесь песок, то находили кости и черепа.

На левом берегу Вердуги у дороги на дер. Утичье находится группа небольших круглых курганов плохой сохранности.

Бассейн р. Вердуги, очевидно, в древности был густо заселен. Несомненно, что река была судоходна и, возможно, что движение по ней было интенсивным, так как она являлась единственным путем, связывающим озерный район с Плюссой.

Река Плюсса. Плюсса в среднем течении, в котором проходил путь экспедиционного отряда, — это начинающая стареть река с хорошо разработанной долиной. Несмотря на исключительно засушливое лето, река на данном отрезке везде была достаточно глубокой для мелких судов. Жители утверждают, что в обычные годы уровень воды примерно на полметра выше. Ложе почти везде песчаное, течение среднее, на перекатах — быстрое. Единственное препятствие — три несложных каменных порога: один ниже дер. Игомель и два — ниже дер. Ляды.

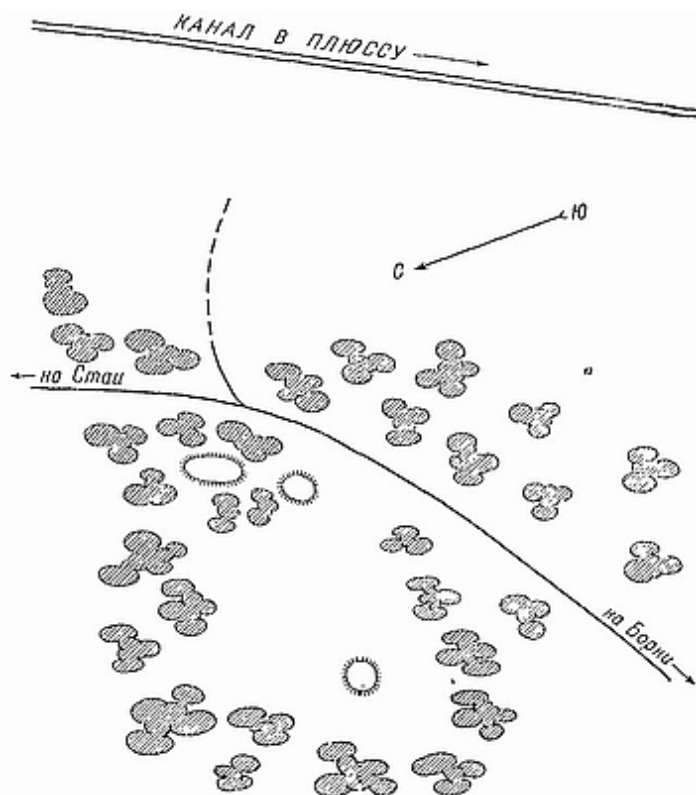

Рис. 5. Курганы на урочище Мостище

На Плюссе отрядом был сделан ряд археологических находок.

Группа круглых курганов средней величины находится на правом берегу Плюссы, на дороге Выползово — Пешно.

В 1.5 км от правого берега Плюссы, у ручья, рядом с мельницей, у дер. Струйско, — одиночный курган высотой около метра, диаметром 12 м. Рядом группа холмиков, напоминающая разрушенные курганы.

Далее, в двух километрах от Струйско, влево от дороги, ведущей в дер. Дворец, имеется большой могильник. На площади, примерно 120 на 70 м. находится свыше 150 жальников. Сохранность хорошая. Только несколько (5-6) повреждены раскопом.

Еще дальше, в заболоченной местности, примыкающей к долине р. Черной, отрядом был обнаружен и подробно обследован гигантский вал, протяженностью более 2 км (рис. 6).

Он начинается в болоте к западу от дороги Дворец — Житковичи, затем, идя параллельно Плюссе, пересекает эту дорогу и еще дальше, уклоняясь несколько к югу, заканчивается в болоте. Высота вала в среднем равна 5–7 м. Только в одном месте высота снижается (и то только со стороны Плюссы) до 2–3 м. Местами высота достигает 9–10 м. Склоны вала крутые, носят характер эскарпированных. Ширина вала у основания от 20 до 40 м. Верхняя часть имеет плоскую ленту шириной от 4 до 6 м.

Вал лежит на возвышенном водоразделе рр. Ямы и Черной, между их заболоченными долинами, и единственная дорога, пересекающая его, ведущая из дер. Дворец в Житковичи, прорезает вал, образуя в нем «ворота». Около вала имеется старое кладбище, на нем и сейчас производят захоронения. Вал, безусловно, должен быть обследован и изучен более тщательно, чем это позволили условия и сроки археологической разведки данного отряда.

В 2 км от мызы Лог, вверх по течению Плюссы, на коренном высоком левом берегу, несколько отходящем от теперешнего русла, возвышается Пупкина Гора. Пупками местные жители называют вершины. Вершина сильно заросла и закрыта толстым слоем мха. Под зарослями и мхом, по утверждению проживающей в мызе Лог писательницы Л.А. Ямщиковой-Дмитриевой, находится семь или восемь каменных плоских ступеней высотой до 20 см и площадью 2 м каждая. Ступени расположены на северном склоне горы, обращенном к Плюссе. На вершине имеются трещины, под ними пустоты, куда глубоко может уйти шест. Сейчас на

вершине лежат грубо обтесанные камни. Возможно, что здесь было древнее мольбище.

В 1 км к юго-юго-западу от Пупкиной Горы и в 1.5 км от дер. Межник, в лесу, на склонах холмов, находится на площади около 2 га огромный могильник — свыше 250 жальников отличной сохранности. Но все камни на жальниках покрыты толстым слоем мха и хвои, поэтому они имеют вид кольцеобразных возвышений.

У церкви дер. Лосицы, вдоль дороги, идущей к мызе Лог, имеется кладбище, на котором и сейчас производят захоронения. Кладбище это постепенно переходит в жальниковый могильник. Ограда действующего ныне кладбища несомненно сложена из камней, снятых с жальников. За жальниками начинаются круглые курганы, их около двадцати. Один из курганов разрыт; в разрезе виден слой золы с углем толщиной 15–20 см. Этот могильник совмещает захоронения трех эпох: курганные, жальниковые и современные. Очевидно, могильник занимал прежде значительно большую площадь. Вся дорога и широкая пустая полоса за ней носят следы оплывных мелких курганов или жальников, со снятыми камнями. В нескольких местах, там, где брали песок, а порой и прямо на поверхность выходят слои золы с угольками.

Л.А. Ямщикова-Дмитриева и О.К. Гориневская рассказали о том, что в 4 км вверх по левому притоку Плюссы р. Дряжне, у мельницы имеется группа жальников. Во время войны один из жальников был разрушен авиабомбой. В нем местный житель нашел височное кольцо, стеклянные бусы и другие украшения неизвестного назначения. У этой же мельницы водой вымыло кольчугу.

По сведениям местных жителей, за дер. Палицы, расположенной в 10 км к югу от мызы Лог, находится большое количество курганов.

На правом берегу Плюссы, 1 км к северу от мызы Лог, у дороги, ведущей от моста через реку в урочище Сергеевка, имеется могильник, насчитывающий около 25 жальников. Многие погребения носят следы раскопа местными жителями, и камни разбросаны.

Примерно 1 км к западу от него, в лесу, метрах в 250 от правого берега Плюссы, — один круглый курган, несколько оплывший, но с заметным еще ровиком, высота кургана 1 м, диаметр 12 м.

Несомненно Плюсса была в древности судоходной рекой. Впадая в Нарову, она имела выход в Балтийское море и Чудское озеро.

Река Люта. Движение вверх по Люте было затруднительно из-за мелководья. Речная долина широкая, местами достигает ширины 6–8 км. Река крайне извилистая, с очень быстрым течением. Огромное количество песчаных перекатов с глубиной около 15 см (шли в очень засушливый год). Ложе реки песчаное.

На левом берегу Люты, 1 км к северо-восток-востоку от дер. Коташи, на краю леса, на коренном берегу,

находится могильник — 50–70 жальников средней сохранности. Могильник примыкает к распаханному участку, у края которого лежит много валунов. Возможно, что эти камни взяты с распаханых жальников.

Еще одна группа жальников, по словам местных жителей, находится у дер. Пелеша.

Водораздел рр. Люты и Желчи. Экспедиционный отряд внимательно обследовал большой участок водораздела. Прежде всего обращает на себя внимание обилие селений, лежащих по обе стороны поперечной лощины, соединяющей Люту с Желчей. Длина ее всего около 5 км. Наибольшая высота водораздела у дер. Большое Заполье, затем сразу же идет понижение в сторону Желчи. С северной стороны этой лощины находятся селения Большое Заполье, Потес и Бурышево, с южной — Музовер, Горки и Юхново. По своему географическому положению эта лощина является наиболее удобным и кратчайшим местом для волока. Густая заселенность (такой не встречается больше нигде) и обилие археологических памятников подтверждают это предположение.

Несколько странным является то обстоятельство, что деревня Волошня, название которой прямо говорит о волоке, стоит на р. Желча в 6–7 км ниже этой лощины, подходящей к Желче у дер. Юхново.

Между Волошной на Желче и Запольем на Люте находится некогда большое селение Стреково, или Стряково. Сейчас от него остались только два дома.

В районе Стрякова и Волошин тоже находится ряд археологических памятников-могильников. На участке Юхново — Волошня р. Желча узкая и извилистая, безусловно судходна для малых судов. На протяжении нескольких километров до устья р. Еглины глубина Желчи достигает около 2 м.

От Юхнова до подпора каменистой гряды у устья Еглины Желча на всем протяжении имеет везде одинаковую широкую, заболоченную пойму. Сейчас на ней находятся большие сенокосные луга, расположенные на торфяниках. Несомненно, это остатки широкой, полноводной реки или озера, заросшего вследствие слабого течения от подпора воды.

Волок же до Волошин проходил бы по более длинному, правда, более сухому пути.

На водоразделе отряд зарегистрировал ряд археологических памятников. Недалеко от левого берега Люты у Большого Заполья проходит улучшенная грунтовая дорога (большак) из Заозерья в Ляды. Вдоль этой дороги расположен ряд могильников.

Первый одиночный круглый курган хорошей сохранности находится в 300 м не доходя моста через ручей, в сосняке у дороги, пересекающей большак и идущей от Заполья к реке к броду. Курган находится в 30 м от большака в сторону реки. Высота его 1 м, диаметр 11 м.

Затем, справа от большака тянется вдоль него, почти до самого моста, большой могильник. Около 80 жальников находятся в хорошем состоянии, но ближайšie к дороге и мосту жальники обезображены тем, что с них были сняты камни для ремонта дороги при подъезде к мосту.

С юго-западной стороны могильника находится около 10 небольших круглых курганов высотой до 1 м. Ближайšie к дороге оплыли. Очевидно, часть курганов разрушена при улучшений дороги. Могильник покрыт редким сосняком.

Третий могильник находится в 70 м за мостом через ручей. Здесь на подъеме от большака в объезд отходит проселочная дорога вправо и вскоре возвращается к большаку обратно. Между двумя дорогами стоят несколько мелких круглых курганов высотой от 0.5 до

0.75 м. Часть их, очевидно, была уничтожена при строительстве дороги, а два расположены по другую сторону большака. Здесь же высится большой курган хорошей сохранности высотой 2.5 и 14 м в диаметре. Около него два длинных кургана (длина 20 м, ширина 8 м, высота немногим более метра). С южной стороны могильника имеется несколько небольших продолговатых курганов и один очень крупный, но совсем необычной Т-образной формы. Как будто бы два высоких круглых кургана соединили длинной, более низкой, нежели курганы, насыпью. От середины насыпи, перпендикулярно к ней, отходит другая насыпь, заканчивающаяся тоже высоким круглым курганом. С востока могильник замыкает протянувшийся между двумя дорогами длинный курган, высотой 1.5 м, длиной 30 м и шириной 12 м.

Еще один, четвертый могильник, лежит у той же дороги в 300 м от третьего могильника, перед поворотом с большака на дер. Музовер. Это пять круглых курганов среднего и большого размера, высотой до 2.5 м и диаметром до 15 м.

Скопление такого количества могильников с различной формой курганов и жальниками расположено у места предполагаемого волока в наиболее высокой сухой части его, со стороны Люты. Со стороны Желчи таких удобных, высоких сухих мест нет.

Затем экспедиционный отряд обследовал район селений Гнильско, погост Дубяги, Большое и Малое Заозерье, Стряково и Волошня, примыкающий с севера к району волока. Здесь также был найден ряд могильников.

В 1.5 км восточнее дер. Степанско, за пустошью, остались следы разрушенной во время последней войны дер. Малое Заозерье. Около нее в хвойном лесу, вправо от старой дороги Степанско — Стряково, найдено самое

большое из виденных в данном районе скопление жальников.

На возвышенности и ее скатах к оврагам, имеющим сток к озеру (на север), могильник занимает площадь в форме неправильного треугольника, при максимальной длине участка до 250 м и ширине до 70 м. Могильник настолько зарос лесом и кустарником, что произвести хотя бы приблизительный подсчет количества жальников силами отряда не представилось возможным. С юга могильник замыкает один курган средней величины. Два таких же кургана стоят на северной стороне. Все захоронения хорошей сохранности. Следы раскопов отсутствуют.

В полукилометре от Стрякова, 200 м. к востоку от дороги Заозерье — Стряково — Блянск, на вырубке, которую пересекает старая лесовозная дорога, обнаружен интересный могильник: 9 длинных курганов, 4 больших круглых и несколько круглых мелких. Они разбросаны без определенного порядка (рис. 7). С южной стороны могильника находится один жальник.

Дорога из Стрякова в Большое Заполье в 1.5 км от Стрякова за старым эстонским кладбищем пересекает большой могильник. Местные жители называют его Пёсьи Могилы. Могильник начинается жальниками на скате, после пересечения дорогой балки. Их около 70, они лежат по обе стороны дороги. Выше, к юго-востоку, находится 42 круглых кургана. Все захоронения в этой группе хорошей сохранности, за исключением одного самого крупного «жилого» кургана. В нем сборщиками смолы-живицы устроена большая землянка (рис. 8).

В полукилометре к юго-востоку от дер. Волошня, левее дороги на Жеребятьево, рядом с современным кладбищем имеется небольшой могильник из 25–30 жальников. Могильник плохой сохранности. Часть камней снята. Возможно, что могильник был большего размера, но частично разрушен.

Издrevле густая заселенность водораздела, цепочка сел с двух сторон вдоль наиболее удобного для волока места, при общей малой заселенности района, топоним Волошня и, возможно, Стреково (от глагола стрекаться — встречаться), географическое положение — непосредственное сближение пригодных для мелких судов рек, а в старину, быть может, и для более крупных, — все это позволяет сделать предположение о связи бассейнов Плюссы и Желчи на этом водоразделе, о древнем волоке.

Река Желча. От Волошин до устья р. Еглина Желча узкая, извилистая, глубокая река с неторопливым течением. Широкая заболоченная пойма с редкими кустами ольхи, дно илистое, течет в открытой местности. От устья Еглины, точнее от Блянской мельницы, пойма резко сужается. Ложе реки песчаное, с очень большим количеством валунов и гравийными перекатами. Дно реки засорено стволами подмытых деревьев. Берега часто обрывистые, разрушаются быстрым течением, заросли почти сплошь ивой и ольхой. Деревья свешиваются над водой, образуя сплошной коридор. Ниже, после впадения Белки, от Корытинской мельницы до дер. Ямм Желча резко меняет свой характер, Теперь это глубокая, полноводная, не слишком широкая река, с медленным течением.

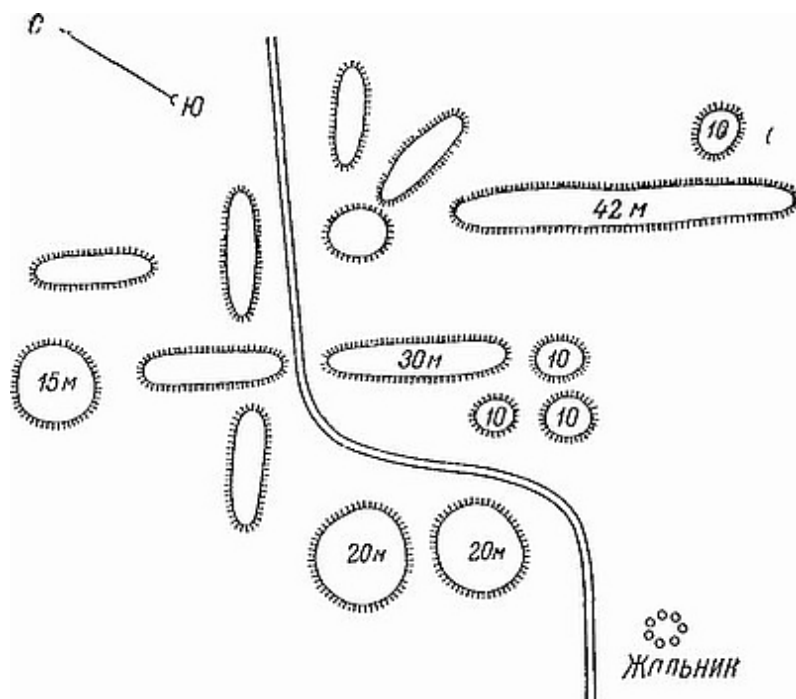

Рис. 7. Курганная группа близ дер. Стряково

После дер. Ямм начинается озерное плавание. Ужинское, Долгое и Велино — большие озера с песчаными пляжами, окружены сухим сосновым бором-беломошником.

Выйдя из озер, Желча становится судоходной, но не везде отчетливо видно ее основное русло. Это сложная система заболоченных притоков и озерков, заросших камышом и тростником. Здесь ясно виден подпор Чудского озера.

На правом берегу Желчи, между Блянской мельницей и дер. Глыбоково, находится крупный могильник с круглыми курганами и жальниками. Общая площадь могильника — несколько гектаров. С севера могильник ограничивает дорога из Глыбоково на Житково, а с юга — дорога от Глыбоково на Блянскую мельницу. В восточной части расположено большое

количество жальников, в западной — курганы, разбросанные беспорядочно, разных размеров, от 0.5 до 2 м высотой. Близко к реке, у дороги на площади могильника возвышается небольшой холм, свободный от погребений. У основания его, срезанного дорогой, виден выход прослойки золы и угля, толщиной около 20 см. Местные жители связывают этот могильник с именем Александра Невского и битвой, которую он якобы имел здесь со шведами. Они рассказали еще о двух могильниках: на левом берегу Желчи, в километре выше впадения р. Белки, на возвышенности, которая зовется Каменной Горой, — группа курганов; другой могильник — на верхней Белке, 9-10 км выше устья, за озером, близ дер. Дегтярник.

На правом берегу Желчи, к северо-востоку от дер. Полна, на песчаном откосе обнаружено около 20 курганов плохой сохранности, сильно поврежденных раскопками. В раскопках заметны выходы золы с угольками.

На том же берегу против больницы дер. Ямм, в обнажении прибрежного холма, на глубине 25 см обнаружен слой золы с углями на протяжении до 20 м с небольшими перерывами. Возможно, что здесь было селище. Подобные же выходы золы и угля обнаружены на прибрежном скосе на правом берегу, 1 км выше дер. Низовицы.

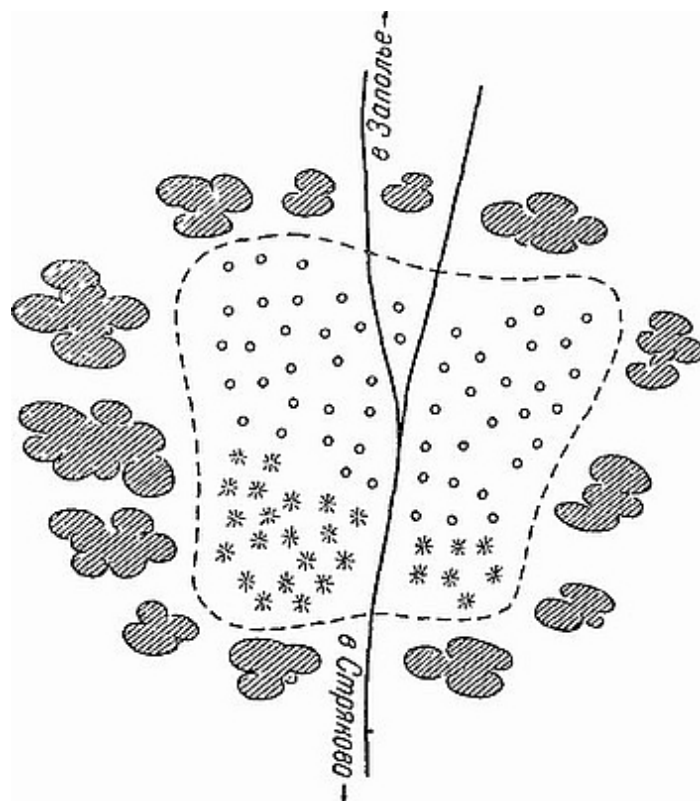

Рис. 8. Пёсьи Могилы

В 3 км выше дер. Ямм, на высоком левом коренном берегу Желчи, 1 км восточнее дер. Чернечки, к северу от лесной дороги в Большое Заполье, находится в сосновом лесу могильник, насчитывающий свыше 70 жальников. Сохранность хорошая, но 3 захоронения разрыты.

У протоки из Ужинского озера в Долгое расположены: справа — слобода Озерская, слева — Покровская церковь. Раньше здесь на острове стоял Покровский монастырь. Остров соединен дамбой с левым берегом. Сейчас воложка заболочена и остров превратился в полуостров. Церковь обнесена каменной оградой. На месте, где был собор монастыря, стоит деревянная часовня.

На кладбище также имеется часовня, в которой находится сосна с выдолбленной основателем монастыря Илларионом в 1472 г. нишей. Сосна выдается над часовней в виде барабана, а выше спилена и увенчана тесовой крышей с главкой. На двух иконах внутри часовни изображен Илларион на фоне монастыря — деревянного архитектурного памятника XV в., не дошедшего до нас^[46]. Одна из башен, изображенных на иконах, высокая, очевидно, служила для наблюдения за движением судов по озерам. Находясь на острове в узком протоке, монастырь мог контролировать движение судов по Желче.

Выводы

В результате проведенной экспедиционным отрядом разведки можно считать установленным:

1. На местах, пройденных отрядом, в древности жило многочисленное население.

2. Между бассейнами Луги и Плюсы в районе озер Сяберское и Вердуга и между рр. Люта и Желча действительно существовали древние волоки.

3. Река Плюсса являлась в древности важной водной артерией; помимо Прибалтики, она была связана через бассейн Луги с Новгородом, а через Желчу — с южной частью Чудского озера.

Вторая экспедиция (1960 г.)

Цель похода 1960 г. была та же, что и в 1959 г.: разведка новгородских водных путей (рис. 9).

Отряд должен был на пяти туристских разборных байдарках выйти из Новгорода, пройти по Ильмень-озеру, подняться вверх по Шелони до устья р. Ситни,

затем идти вверх по Ситне и сделать волок в Курею. Спустившись по Курее, отряд должен был пройти вниз по Плюссе. Далее следовало повторить прошлогодний маршрут: подняться по Люте, а затем волоком — в Желчу и по ней спуститься в Чудское озеро.

Протяженность пути на байдарках составляла предположительно около 420 км. Дело осложнялось тем, что по рр. Шелонь, Ситня и Люта надо было двигаться против течения.

Озеро Ильмень и река Шелонь. Ильмень и Шелонь не являлись объектами исследования, а служили только путями подхода к месту работ экспедиционного отряда. От Шимска до устья Мшаги Шелонь широкая, полноводная река.

У дер. Велебицы начались песчаные перекаты. Выше г. Сольцы река стала узкой, течение затрудняло движение. Появились каменистые перекаты и гряды, пересекающие реку с падением воды на них до 2–3 м. Гряды иногда искусственные: на каменистых перекатах их сооружали для мельниц, но из них сохранилась только одна. На берегах встречались высокие курганы, но обследование их не входило в задачу отряда.

От Сольцов до своего устья долина Шелони сильно разработана. Выше Шелонь протекает в коренных берегах, часто без поймы. Берега высокие, ложе каменистое, с большим количеством валунов. Падение воды на участке Сольцы — Шимск 12 м. Выше уклон увеличивается и участок от Сольцов до предполагаемого места волока на Ситне имеет разницу в высотах около 50 м.

Река Ситня. Отряд прошел по Ситне небольшой участок от устья до дер. Ситня. Река шириной 20–40 м, местами 12–15 м, порожистая, пересекает ряд моренных гряд. Выходы силурийских известняков и девонских синих глин. Речная долина мало разработана, поймы

почти нет, большое падение воды. Движение по реке возможно только на бечеве. Глубина от 0.4 до 2 м.

Несмотря на то что опрос населения в районе р. Ситни и ряд писем с мест не дали сведений об археологических памятниках, надо полагать, что таковые имеются и, если бы группа имела больше времени, они были бы обнаружены.

О наличии их говорят следующие топонимы:

1) дер. Замогилье на р. Ситне, 2 км выше дер. Береза;

2) дер. Замогилье в 3-4 км от р. Ситни, 4-5 км к юго-востоку от дер. Поречье;

3) дер. Жальская, или Жальник, на р. Ситне, 2-3 км к востоку от дер. Ситня; жальники в этом селении могли не сохраниться, так как оно лежит на шоссе Шимск — Боровичи; при строительстве дорог обычно камни с жальников снимают как строительный материал;

4) недалеко от дер. Береза на р. Ситне имеется населенный пункт Жальни.

Обследование водоразделов. Курья — сравнительно большая река, общей длиной 79 км. В нижнем течении от дер. Скучново до устья (43 км) могла быть судоходной. Недалеко от Скучнова подходит р. Белка, приток Ситни. По географическому положению здесь мог быть волок, он должен был находиться примерно на сотой горизонтали под Лужской возвышенностью.

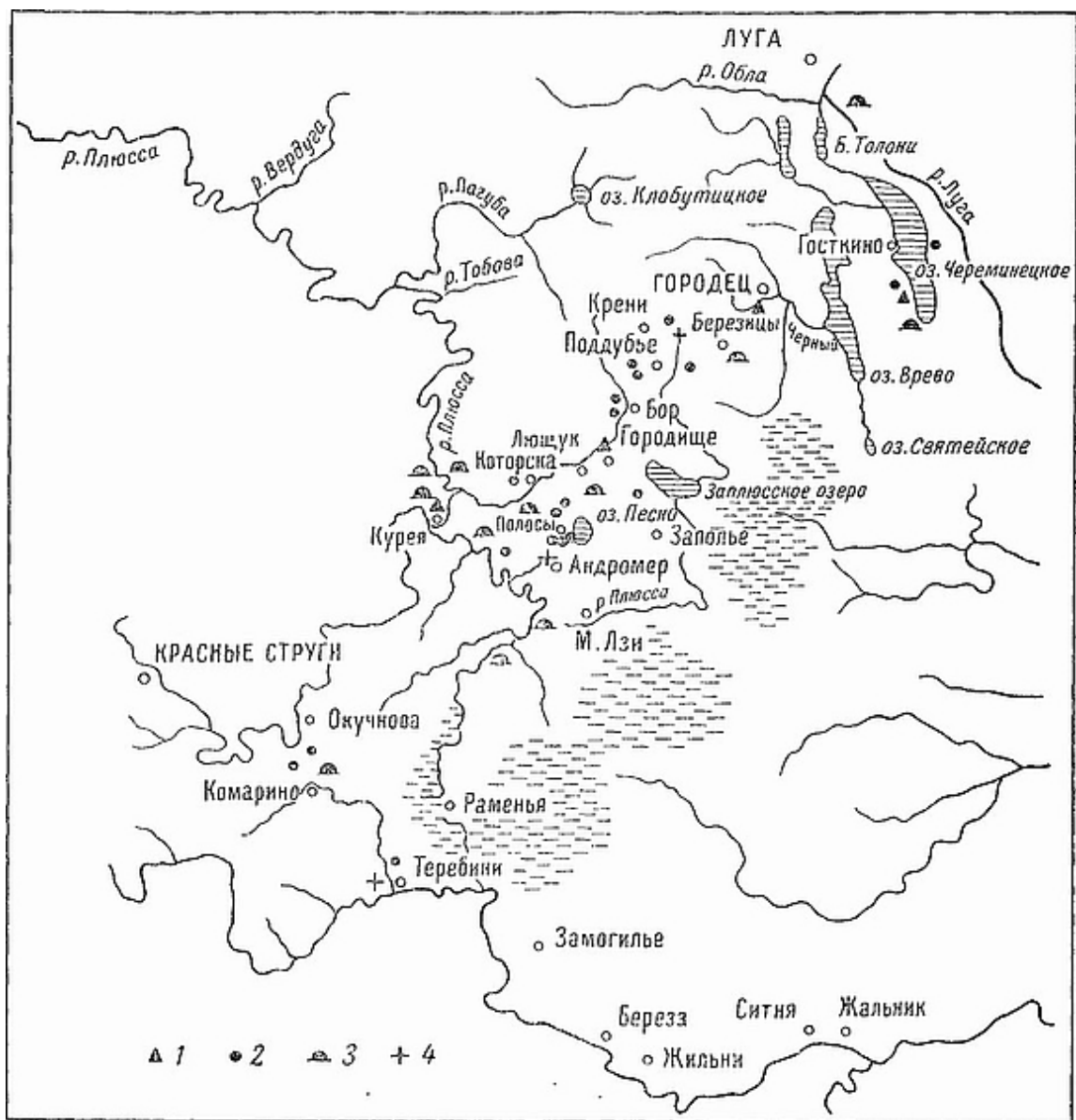

Рис. 9. Глазомерная схема района рр. Ситня и Плюсса. 1 — городища; 2 — отдельные курганы; 3 — курганные группы; 4 — местонахождения костей

Жители рассказали, что на Курее в водоразделе находится много курганов. Некоторые из курганных групп отряд обследовал.

Первая курганная группа расположена в 200 м по шоссе от Комарино в сторону Ленинграда в сосновом лесу на проселочной дороге. Жители называют эти курганы «Шведскими могилами». Это три круглых кургана и один продолговатой формы. За ними находится ряд ямок, напоминающих жальники со снятыми камнями. Возможно, камни были сняты для строительства или ремонта расположенного рядом шоссе Ленинград — Рига.

Значительно дальше в лесу за песчаным карьером, в 80 м от него, на развилке дорог — большой круглый курган высотой 3.5 м, хорошей сохранности.

Дальнейшая проверка рассказов жителей Комарино не производилась.

Затем было проведено обследование водоразделов с притоком Плюсы — р. Омугой. Это низменный заболоченный район: болота Перегребская Гладь и Дертинская Гладь. Отряд сделал заключение, что волока здесь не могло быть. Это непроходимые трясины, особенно Перегребская Гладь. Жители малонаселенной дер. Раменье (Раменья) живут почти не выходя из своего селения. Легенд об Александре Невском в селе не знают. О курганах в районе этого водораздела неизвестно.

От Раменья к Омуге прорыта протока. Жители называют ее Косталыга. Сделана она давно, для снабжения селения водой.

На этом выходе обнаружен лишь один круглый курган высотой около 1 м, в 1.5 км к северу от дер. Теребини.

Затем было произведено обследование верховья Плюсы и ее верхних притоков и водораздела Плюсса — Луга. В Лугу впадает р. Вревка. Она вытекает из оз. Большое Талони, связанного в свою очередь р. Ропоткой с Черемецким озером.

На этом озере у поселка Наволок имеется «Погост-камень». Это памятник в форме креста. По легенде, он

поставлен в честь победы ополчения Александра Невского над ливонскими рыцарями зимой 1242 г.

Череменецкое озеро связано р. Быстрицей с оз. Врево, Как озера, так и протоки (Быстрица, Ропотка и Вревка) в настоящее время вполне проходимы для малых судов.

В оз. Врево с запада впадает ряд речек: Барановка, Черная и др., сближающихся с верховьем Плюсса и ее правым притоком Городонькой.

На водоразделе Врево — Плюсса отряд никаких археологических памятников не обнаружил. Это низкие, почти не населенные места, сильно заболоченные.

Но зато водораздел рек Черной и Городоньки и сама Городонька на всем протяжении буквально наполнены археологическими объектами.

На шоссе Ленинград — Рига на высшей точке водораздела стоит дер. Городец. На городище находится церковь и дом священника. Вся площадь городища занята старым кладбищем и, очевидно, много раз перекапывалась. С юго-востока на городище ведет вымощенная камнем лестница. С юго-запада имеется въезд. Дорога сквозь вал прорыта недавно. Выемка дороги захватывает часть площадки, и здесь на всю глубину выемки (более метра) виден мощный культурный слой. Отряд собрал здесь небольшое количество кружальной керамики с линейным и ямочным орнаментом.

Далее в сторону Городоньки у дер. Березицы имеется курганная группа в 25 м к югу от новой шоссейной дороги Городец — Парищи. На опушке леса находятся 4 круглых и 2 длинных кургана хорошей сохранности.

К северо-востоку от дер. Парищи, у старой лесной дороги на Березицы, стоит одиночный круглый курган высотой 6 м. Он господствует над окружающей местностью.

В 600–800 м на северо-западе от дер. Юбры, на высоком холме, поросшем ольхой, стоит одиночный курган высотой 6 м. С северо-западной стороны курган частично разрыт. Местные жители называют курган Крутенька Сопка. Скаты его, действительно, крутые.

Дер. Крени стоит на самой высокой точке водораздела. Почва в районе деревни глинистая. В самом селении никаких археологических памятников отрядом не было обнаружено. О происхождении названия села у местных жителей сведений нет. Дорога между селениями Крени и Юбры прямая, расположена в высоком ольшанике, тянется с запада на восток и, следовательно, не прогревается полуденным солнцем, отчего она была очень грязной и скользкой. По такой дороге очень легко было бы волочить суда на «кренях». Глинистая дорога здесь даже в сухую погоду не требует смачивания. Слово «крень» в словаре В. Даля объясняется: «...фальшкиль или подботный брус, подбиваемый под дно судна для переволакивания его через льдины и торосы». Такое название могли дать селению, жители которого занимались тем, что подводили крени под суда на волоке. Этот топоним не только является косвенным свидетельством древнего волока, но и говорит о том, каким способом могли переволакивать суда. До сих пор принято было считать, что их волокли на катках или колесах.

Близ дер. Поддубье, 1.5 км от старого кладбища, у старой лесной дороги на дер. Бор обнаружены два круглых кургана высотой 3.5 и 2.5 м. Они находятся между дорогой и притоком Городоньки — Могленкой.

Еще два кургана находятся у дер. Бор за р. Городонькой на старой лесной дороге Бор — Поддубье. Один из них неправильной овальной формы (СЮ — 45 м, ВЗ — 21 м), высотой 8 м. Вершина бугристая — это следы раскопов местных жителей. Они рассказывают, что в этом кургане находят «костяки и разные сабли».

Называют этот курган «Сопка 11 сосен». Сейчас на вершине их только пять.

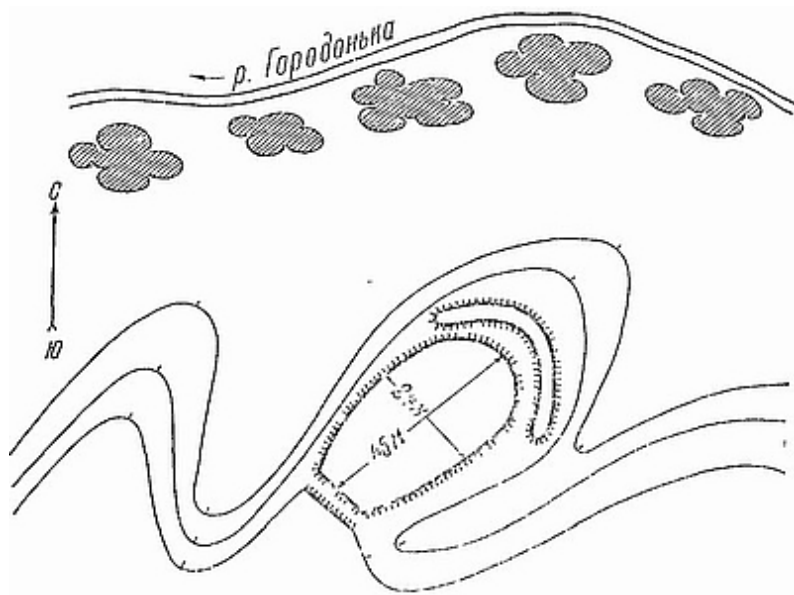

Рис. 10. Городище у дер. Городище

Другой курган большего размера (СЮ — 43 м, ВЗ — 61 м), высотой 8 м, с крутыми скатами и ясно выраженным ровиком, также несколько поврежден раскопами. В этом кургане в отличие от первого жители не нашли ничего. Эти курганы называют Литовскими. Р. Городоньку в этом месте жители иногда называют Вороновка.

В 250 м от дер. Городище над долиной р. Городоньки на большой высоте находится городище (рис. 10). Отрог высокого коренного берега огражден с двух сторон глубокими оврагами. Перемычка с напольной стороны (с юго-запада) прорыта рвом глубиной около 4.5 м. Скатыва выложены валунами. С северо-восточной стороны городище полукругом опоясывает вал высотой от 3 до 4.5 м с крутыми скатами. Площадка городища не ровная,

а куполообразная, вытянутая с юго-запада на северо-восток. Размеры ее 45×24 м. Культурный слой не обнаружен. Рассказывают, что еще недавно городище и весь коренной берег были покрыты лесом. Сейчас здесь нет ни одного дерева и почти нет кустарника.

В 500 м к югу от кузницы дер. Которска, на дороге, ведущей в дер. Окрино, стоит круглый одиночный курган (рис. 11). Диаметр его около 28 м, высота около 9 м, скаты крутые.

В 600–700 м к юго-востоку от Которска, примерно 400 м от моста через Городоньку, находится курганная группа из 9 круглых и одного длинного курганов хорошей сохранности. Высота их от 0.75 до 2 м. Длинный курган вытянут до 32 м.

В 300 м к западу от описанной группы в лесу имеется группа из 15–20 курганов плохой сохранности. Они сильно оплыли.

По азимуту 95° от первой группы, 600 м от нее, имеется еще 6 курганов лучшей сохранности, без следов раскопов.

Еще дальше по дороге на дер. Полосы сперва справа от дороги, а затем и слева, в лесу, — несколько десятков Курганов. Курганы оплывшие, но с еще видимыми следами ровиков. Высота их 1–2 м.

Еще примерно километром дальше, там, где дорога выходит из леса на пашню., слева от дороги находятся два кургана высотой 1.5–2 м. Один из них носит следы раскопа колодцем. В раскопе на уровне горизонта виден слой пепла толщиной около 15 см.

У южной окраины дер. Полосы стоят два больших кургана слева от дороги на Дуплево. Высота их около 5 м, диаметр до 25 м.

Третий курган стоит недалеко от первых двух, ближе к дороге, идущей к совхозу Андромер. Высота его 4 м, диаметр 18 м. Склоны крутые, ровик ясно виден. Сохранность отличная. Жители дер. Полосы

рассказывают, что был еще один курган, рядом с третьим, такого же размера. Он мешал, и его срыли. При снятии кургана обнаружены были только кости.

Обилие курганных групп на водоразделе Городонька — Черная и на самой Городоньке говорит о том, что места эти давно уже были густо заселены.

Река Плюсса. Экспедиционный отряд начал движение по Плюссе от дер. Малые Лзи на шоссейной дороге Ленинград — Рига. Даже здесь, недалеко от истока, река вполне проходима для малых судов. Прежде же, до спуска Заплюсского озера, она несомненно была более полноводной. Глубина реки на этом участке нигде не была меньше одного метра. Верхнее течение Плюсы в древности было также заселено. Об этом говорит ряд могильников.

Был обследован также район выше Малых Лзей до Заплюсского озера — истока Плюсы. По дороге из дер. Крицы на Закрупье, в 2 км от Криц, справа от дороги находится одиночный круглый курган высотой 3 м. Курган господствует над местностью и Заплюским озером. Дер. Крицы стоит на старом, теперь заброшенном почтовом тракте Петербург — Псков.

Рис. 11. Курган у дер. Которска

По сообщению жителей дер. Шереги, в 4 км от деревни, по дороге на дер. Лещук, в смешанном лесу имеется большое количество курганов по обе стороны дороги.

При въезде в совхоз Андромер с севера (от дер. Полосы) у дороги находится песчаный карьер. Рабочие совхоза рассказали, что в 1959 г. здесь нашли много костей большого размера. В песке видна примесь угля.

На левом берегу Плюссы, 750 м ниже шоссейного моста Ленинград — Рига, в лесу имеется курганная группа из 5 круглых курганов высотой от 1 до 2 м. Курганы частично разрушены. Зачистка показала захоронение с сожжением трупа.

Жители Погорелово рассказали, что в 2 км от берега Плюссы, у бывшей дер. Кирилково (это также в районе Городоньки), имеются «литовские могилы», обложенные камнями, очевидно, жальники. Еще одно большое жальниковое кладбище находится у бывшей дер. Сеглицы. Оба эти могильника отрядом не обследованы.

Слева в Плюссу впадает р. Курея. Устье ее контролирует древнее городище (рис. 12). Оно находится на высоком холме, господствующем над низиной, и с трех сторон омывается водами Куреи. Северо-западный край городища идет обрывом высотой около 20 м. Северо-восточный край был, очевидно, искусственно приподнят насыпью с валом, но часть этой насыпи сползла вниз. Высота этого края 14 м. Юго-восточный край с крутым эскарпированным скатом возвышается над поймой Куреи. Здесь река несколько отошла от городища. С напольной юго-западной стороны городище отделено от материка валом длиной 42 м, высотой от 3 до 5 м. За валом следует ров, затем еще

вал высотой около 3.5 м и еще один ров. Площадка городища 50×49 м. Культурный слой чрезвычайно мал и встречается только в отдельных участках городища. Жители зовут городище Городок Курея. Рядом стоит дер. Курея. Совсем недалеко от устья Куреи в Плюссе справа впадает р. Городонька.

Около городища имеются четыре курганные группы: 7, 17, 8 и 23 кургана.

Первая курганная группа — 7 круглых курганов высотой до 7 м находится 1 км к северу от дер. Курея, 400–500 м от городища, у дороги на районный центр Плюссе. Около курганов видны погребя. Возможно, что они сделаны в курганах, так как насыпи их однотипны с курганами.

Вторая группа из 17 курганов находится у той же дороги, справа от нее, в полукилometре от первой. Курганы — круглые, разной высоты и сохранности. Обращает на себя внимание некоторый порядок в их расположении: они вытянуты тремя рядами вдоль дороги.

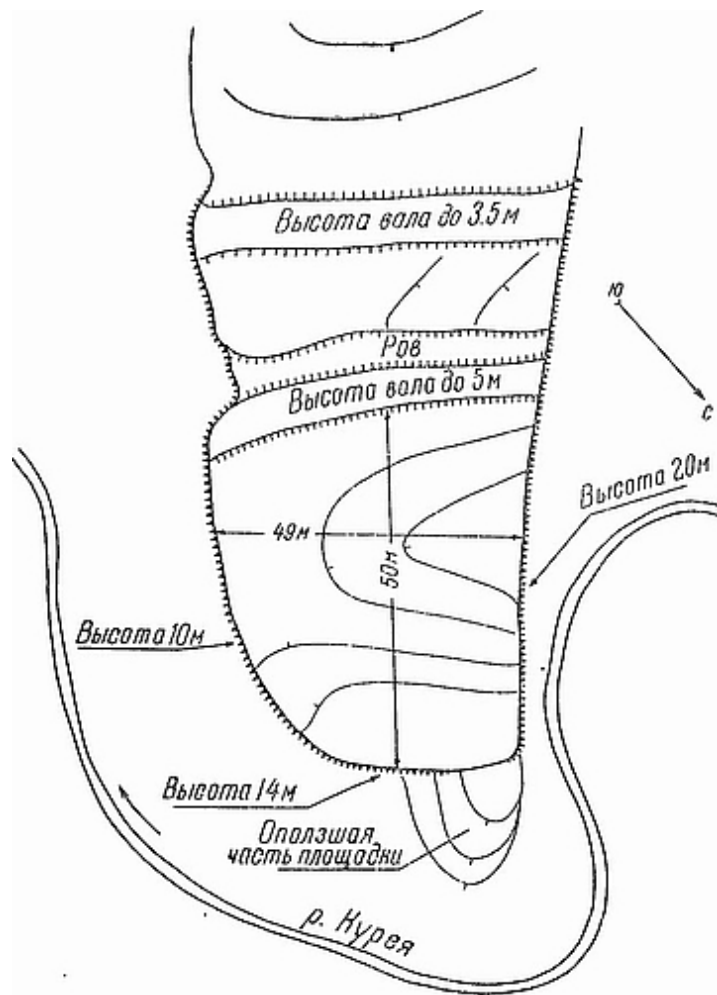

Рис. 12. Городище Городок Курея в устье р. Курея

Третья группа находится у той же дороги, примерно в 2 км от городища. Это 8 курганов хорошей сохранности, 2 из них длинные. К длинным курганам с южной стороны примыкают вплотную круглые, смыкаясь с ними.

Самая большая группа — 23 кургана, находится на востоке от городища, в 500 метрах от дер. Курея. Курганы различной высоты и сохранности, один из них длинный.

Ниже устья р. Городоньки, на правом высоком берегу Плюссы, на опушке леса, справа от шоссе Милютино — Гдов, между километровыми знаками 134/17 и 133/16 находятся 9 курганов высотой до 3 м. Курганы поросли большими соснами. Поверхность их не задернована, а представляет собой сыпучий песок. Один курган сильно поврежден, и в раскопе лежат черепные и другие кости.

Археологическая разведка, произведенная отрядом в верхнем течении Плюссы, показала, что верховья этой реки были давно заселены. Очевидно, по этой реке проходил ряд водных путей, связывавших Плюссу, кроме Прибалтики и бассейнов Желчи и Луги, еще и с Шелонью через Курею и через Городоньку с системой озер Врево — Черемнецкое.

В результате двухлетнего обследования можно сделать общий вывод о том, что бассейны рр. Желчи, Плюссы и Луги были издревле заселены. Нельзя говорить о какой-то одной водной транспортной системе, так как это была сеть водных путей, имевших обычно местное значение. Но каждый из них мог, в случае надобности, приобретать первостепенное значение и использоваться как в военных, так и в торговых целях (рис. 13).

Третья экспедиция (1962 г.)

Задачей третьей экспедиции было пройти по р. Луге от ст. Мойка (в верхнем течении реки) до Кингисеппа, с заходом в систему озер Черемнецкое — Врево и с заходом в р. Оредеж до Ям-Тесова. Перед экспедиционным отрядом были поставлены задачи: разведка древних водных путей, уточнение трассы волоков на водоразделах Луга — Мшага и Луга — Красногорском озеро; сбор сведений о древнем судостроении на Оредеже, обследование системы озер

Рис. 13. Общая глазомерная схема обследованной территории. 1 — возможные волокы; 2 — маршруты отряда

Обилие погостов свидетельствует о том, что верхняя Луга была краем с зажиточным населением. Край этот был богатым подспорьем новгородской казны и безусловно являлся лакомым куском для любых захватчиков. Курганные группы и городищу у погостов также подтверждают древность этих селений, а необычное земляное сооружение в Передольском погосте в виде двух поставленных друг на друга усеченных конусов вызывает предположение о существовании здесь в прошлом языческого мольбища.

Обследование водораздела Луга — Мшага сперва вызвало ряд недоуменных вопросов. Почему на левом водораздельном берегу стоят деревни Малый Волок и Ожигин Волочек, а на противоположном, где и волочить некуда, стоят Большой Волок и Волочек — более крупные селения? На месте выяснилось, что на правом берегу очень плодородные земли, а на левом — плохие, каменистые. Славяне, будучи преимущественно земледельцами, естественно, освоили хорошие земли противоположного берега, и новые селения переросли старые.

Н. Погодин опубликовал записки Ходаковского^[47]. В них говорится: «Большой и Малый Волок на реке Луга показывают бывшего тут судоходства перевозку по суше к реке Собе, которая помощью Мшаги и Шелони течет в озеро Ильмень». Естественно возникает вопрос, откуда взялось у Ходаковского название Соба. У Мшаги имеется приток Киба, подходящий к водоразделу. Обследование, проведенное на месте, показало, что местное население называет Кибу Сабой или двойным именем Киба-Саба. Киба оказалась довольно полноводной рекой (правда,

лето 1962 г. было очень дождливым). Местные старики утверждают, что от Малого Волока шел в старину деревянный настил для переволакивания судов не только до Кибы-Сабы, но и до Мшаги.

Обследование другого водораздела, Луга — оз. Красногорское, показало, что трасса волока должна была начаться примерно против дер. Ижлово на Луге. Далее путь шел заболоченной сейчас низиной, бывшей прежде частью озера, и между селениями Волок и Белые (теперь Красные) Горы, упирался в озеро, а затем в вытекающую из него р. Сабу.

Оз. Волокское, лежащее рядом с дер. Волок по своему географическому положению и разнице в высотах не входило в трассу волока, а получило, очевидно, свое название от находящейся поблизости дер. Волок.

Проведенная работа по уточнению трассы волока между Черехой и притоком Шелони Узой показала, что путь шел вверх по Черехе до селения Большой и Малый Волочек. Здесь суда в большую воду могли подняться около километра вверх по р. Петенке, а дальше (или в малую воду от Волочков) по ровному склону суда волочили через несуществующую теперь дер. Щекино на дер. Рассадино. Северная оконечность этого села — самая высокая точка водораздела, носит местное название Перевоз. Вблизи от него начинается, по местному, Уречье. Это широкая, глубокая и сейчас протока, связанная с Узой.

Система озер Череменецкое — Врево. Оз. Врево р. Быстрицей связано с Череменецким озером. Из последнею по р. Рапотке, оз. Большое Талони и р. Вревке можно попасть в р. Лугу, несколько выше города Луги. Обследование 1960 г. позволило сделать предположение, что система озер была связана с бассейном Плюсы через р. Городоньку. Разведка 1962 г.

позволила предположить, что здесь был перекресток водного и сухого путей.

С запада сухой путь шел от дер. Городец к узкой протоке, делящей оз. Врево на две части. Здесь на противоположных берегах стоят деревни Большой Брод и Пустой Брод. Далее путь шел к дер. Госткино. Берег Череменецкого озера в этом месте жители называют Посадница. Объясняют они это тем, что здесь была посадка на суда для переправы через озеро.

Но основная стоянка судов по преданиям была не здесь, а на противоположной стороне озера, в селении Большой Наволок, где суда наволакивали (вытаскивали для стоянки) на берег. Так как часто озеро бывает бурным, то иногда гостям (купцам) приходилось ждать у Посадницы в дер. Госткино. От Больших Наволок путь шел на Тарашковичи и далее на восток. Небольшая речка к северо-западу от деревни называется Литовка. Население рассказывает, что отсюда из лесных зарослей появлялись литовские отряды с целью нападения на Наволок и дорогу, по которой двигались купцы.

В Наволоках сохранился курган с каменным крестом. По преданию, он стоит на месте битвы Александра Невского с ливонцами.

Река Оредеж. Обследован был участок от устья до дер. Ям-Тесова. Ряд курганных и жальниковых групп позволяет сделать заключение о древней заселенности этого района. Предания о судостроении в Ям-Тесове отсутствуют. О древнем судостроении рассказывают в Надбелье, там же рассказывают о сплаве леса для этих целей по р. Белой.

Итоги

Разведка предполагаемого древнего водного пути, связывающего Теплое озеро с Новгородом, объясняющая

выбор Александром Невским места Ледовой битвы 1242 г., с тем, чтобы в случае неудачи он мог бы отступить в глубь новгородских земель, вылилась в большое обследование бассейнов рр. Желчи, Плюссы, Лупи и Шелони.

В результате найдена разветвленная сеть древних водных путей, неизвестных доселе историкам, и уточнены трассы уже известных волоков.

А.Э. Кустин. Некоторые данные о заселении западного побережья Теплого озера (X-XIII вв.)

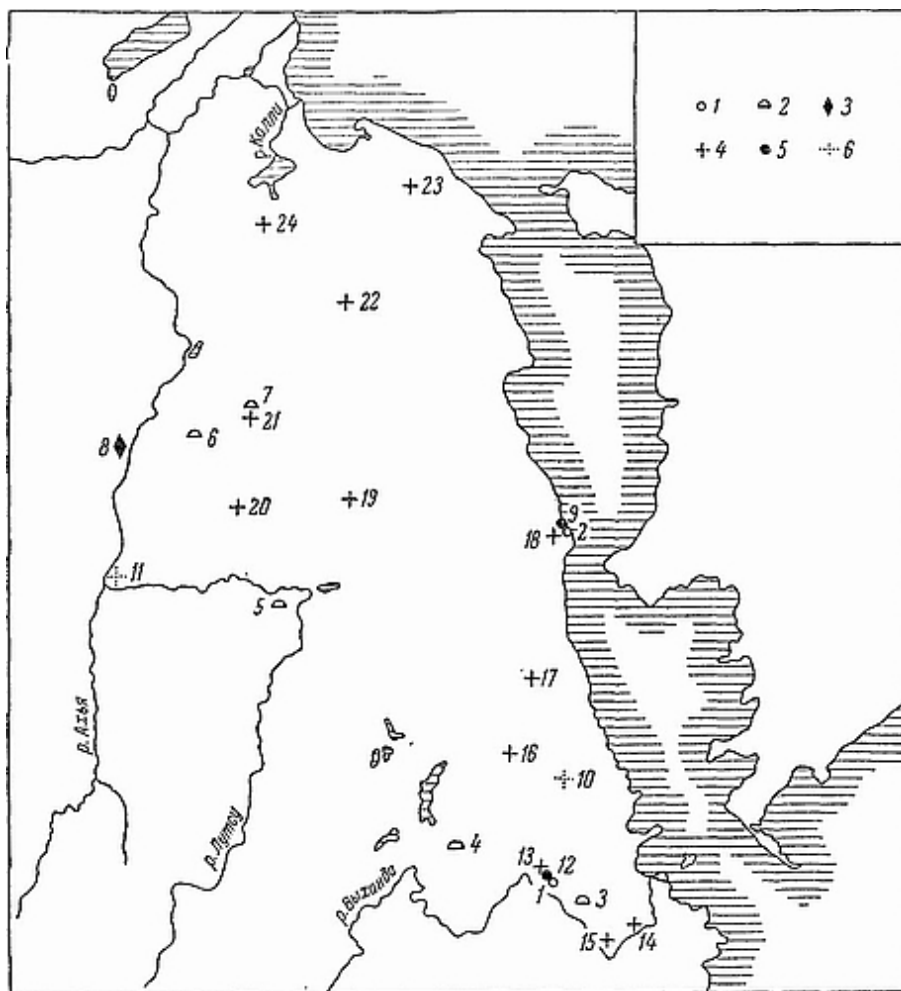
В целях изучения вопроса, которому посвящена статья, автором были просмотрены хранящиеся в Археологическом музее Института истории АН ЭстССР соответствующие материалы и собраны на месте в 1960 г. дополнительные сведения.

Рассматриваемая часть западного побережья Теплого озера (Ляммиярв) ограничивается на севере р. Эмайыги, на западе — р. Ахья и ее восточным притоком — р. Лутсу, на юге — рекой Выханду (ом. прилагаемую схему). Условия для заселения упомянутого района в общем неблагоприятны.

Северная часть района от нижнего течения р. Ахья и до Чудского озера представляет собой почти сплошное труднопроходимое болото. Через эту местность протекает с юга на север небольшая речка Калли, которая, расширяясь, образует озеро того же названия. Рядом с этим озером находится еще другое озеро — Лээгу. На заболоченном пространстве выделяются в виде пологих островков отдельные песчаные бугры, покрытые большей частью лесом. Современные рыбацкие деревни Мээрпалу и Педаспя расположены на более обширной пологой песчаной возвышенности на берегу Чудского озера.

К югу от линии Ляанисте — Ахунапалу — Сакса заболоченность несколько уменьшается; здесь между болотами появляются низинные леса, лесом покрыты также более сухие песчаные участки. Наиболее крупный

лесной массив охватывает участок, расположенный примерно между поселениями Ахунапалу, Парапалу, Мехикорма и Лийспыллу. Далее на юг между болотами и лесами выступает в виде островов ряд более высоких песчаных и моренных холмов. Самые крупные из этих «островов» находятся в окрестностях Кынну, Арава, Кастмекоя и Разина. На названных «островах» имеется и пригодная для обработки земля. Еще южнее — между селениями Моосте, Наха и Ряпина — встречаются лишь относительно небольшие болота. В этом районе в настоящее время нет также сколько-нибудь крупных лесов. Для этой части данного района характерно наличие довольно обширных спланированных моренных равнин с годной для земледелия почвой. В соответствии с этим также и условия для заселения и сообщения здесь значительно лучше, чем на севере.

**Рис. 1. Схема археологических памятников западного побережья
Теплого озера. 1 — браслет, перстни; 2 — курганный могильник; 3 —
городище; 4 — могильник второго тысячелетия; 5 — подковообразная
фибула; 6 — грунтовый могильник. Цифры означают номера
могильников**

Западный берег Теплого озера в большей своей части болотистый. Лишь на небольшом пространстве, у Мехикорма (Измень) и Йыэпера, берег озера более высокий и сухой.

Как показывает размещение археологических памятников, древние поселения сосредоточивались в

основном в южной и средней частях рассматриваемой территории, расположенной между Ряпина, Мехикорма и Лянисте. Ранее других была заселена окрестность Ряпина. Об этом свидетельствуют находки в Ряпина булавки, применявшейся для скрепления одежды (так называемая булавка с кольцеобразной головкой и завитком), к бронзовой глазчатой фибулы (см. рис. 1)^[48]. Фибула относится ко II в. н. э.; приблизительно этим же или еще более ранним временем датируется также и булавка. Эти находки могут свидетельствовать о появлении в названном районе первых поселенцев-земледельцев.

Окрестность Мехикорма была заселена не позднее конца I в. н. э. На это указывают черепки изготовленной ручным способом глиняной посуды, обнаруженные здесь на берегу Чудского озера (№ 2)^[49].

Главными признаками существования постоянных поселений в рассматриваемом районе являются курганные могильники. Но так как последние до настоящего времени, к сожалению, еще детально не изучены, то не представляется возможным с уверенностью различить могильники, относящиеся к I тысячелетию, от более поздних, относящихся ко II тысячелетию. Судя по внешним признакам, можно все же сказать, что большинство курганных могильников возникло во второй половине I тысячелетия, причем этот способ погребения использовался и в начале II тысячелетия. Наличие таких могильников установлено у деревень Ристипало (№ 3), Тоолама (№ 4), Разина (№ 5), Лянисте (№ 6) и Кынну (№ 7). Возможно, что ко второй половине I тысячелетия относится также городище, расположенное у дер. Лянисте, на левом берегу р. Ахья (№ 8).

К XII–XIII вв. относится ряд таких случайных находок из Мехикорма (№ 9), как ручной браслет, подковообразная фибула и перстни^[50]. Грунтовый

могильник у дер. Тоосте (№ 10) относится к тому же времени^[51]. По-видимому, тем же или несколько более поздним временем датируется и могильник у дер. Калая (№ 11). В Ряпина найдена железная подковообразная фибула (№ 12), датируемая IX-X вв., и ряд раковин каури, из которых эстонское население в XII-XIV вв. обычно готовило привески или ожерелья^[52].

Распространение перечисленных древностей свидетельствует о том, что в конце I — начале II тысячелетия рассматриваемый район был в сравнении с другими частями Эстонии еще очень редко заселен. Это наглядно показывает и карта, опубликованная в книге «Вопросы этнической истории эстонского народа» (Таллин, 1956). Население сосредоточивалось главным образом на пригодных для земледелия моренных возвышенностях в южной и средних частях рассматриваемого района. Из северной, заболоченной и покрытой лесами части данной территории памятников, датируемых началом II тысячелетия, до сих пор мы не знаем. Видимо, этот район в начале II тысячелетия оставался в основном еще незаселенным.

На протяжении II тысячелетия количество населенных пунктов продолжает расти. Об этом свидетельствуют могильники, известные из Ряпина (№ 13), Выпсу (№ 14), из деревень Локута (№ 15), Лиите (№ 16), Наха (№ 17), а также из Мехикорма (№ 18), из деревень Рыка (№ 19), Кастмеоя (№ 20) и Кынну (№ 21). В Кыннуском могильнике были найдены крупные серебряные бусы, янтарные бусы, раковины каури и черепки глиняной посуды,^[53] изготовленной на гончарном кругу, которые относятся, по всей вероятности, к XIV-XVII вв. В это время были заселены и некоторые более крупные возвышенности «острова», расположенные среди болот в северной части данного района, а именно Ахунапалу (№ 22), Кяэбассааре (№ 23) и Таза (№ 24).

Все пути сообщения, связывающие населенные пункты рассматриваемого района, проходят главным образом по песчаным возвышенностям, используя благоприятные природные возможности. Дорожная сеть, так же как и население, более густа в южной части данного района. Пути, имеющие наиболее важное значение, расходятся из Мехикорма на запад и на юг, а именно дорога Мехикорма — Разина — Лянисте, которая недалеко от Лянисте пересекает р. Ахья и затем через Вынну направляется в Тарту. Дорога Мехикорма — Ряпина идет через Вериора в Выру. Из Ряпина важнейшие дороги ведут опять же на северо-запад или через Ряпина в Лянисте, или через Моосте в Ахья и оттуда в Вынну и Тарту. Дорога Мехикорма — Разина — Моосте пролегает через Пыльва в Выру. Моосте, таким образом, является местом скрещивания дороги, идущей с востока, из Мехикорма и дороги Ряпина — Ахья — Тарту. Упомянутые основные пути сообщения существовали несомненно уже в начале II тысячелетия. На севере, в районе дельты р. Эмайыги, где располагаются непроходимые леса и болота, можно было пользоваться только водными и зимними путями. Важнейший водный путь, по которому ходили еще в прошлом тысячелетии и в начале текущего, выходил, по сохранившимся в народе воспоминаниям, из Мехикорма, тянулся вдоль побережья Чудского озера до Парапалу, оттуда через Ахунапалу поворачивал на Таза, у Кикасааре проходил через р. Ахья и направлялся дальше через Кастре и Мякса в Тарту. Между Парапалу — Мээрапалу и Мээрапалу — Таза также пролегал зимний путь. Зимой ходили также и по льду озера из Мехикорма в Мээрапалу, оттуда направлялись в район дельты р. Эмайыги и по р. Эмайыги в Тарту. Из стратегических соображений в прошлом веке была проложена через болото в том же направлении, что и зимний путь,

постоянная дорога, проходящая через Мээрапалу, Таза и Кикасааре.

В общем в рассматриваемом районе все главные пути сообщения, как летние, так и зимние, сосредоточиваются в Мехикорма. Оттуда, согласно сведениям, относящимся уже к XVI в. (а также и более поздним), выходил главный путь, по которому поддерживались сношения с восточным берегом Теплового озера.

Т.Ю. Тюлина. К вопросу о природных условиях в XIII в. в северной части Теплого озера

Прежде чем говорить о некоторых природных условиях в первой половине XIII в., необходимо осветить современные условия в районе, прилегающем к предполагаемому месту битвы. Это — северная часть Теплого озера, от о. Пириссар до узкого пролива в районе Мехикорма — Пнево (рис. 1).

Берега северной части Теплого озера представляют собой на огромном пространстве моховые болота низинного типа. На них совершенно отсутствуют леса и кое-где встречаются лишь небольшие участки, заросшие кустарником. В весеннее половодье берег затапливается на большой территории и спад высоких вод длится до конца лета. Берега интенсивно разрушаются водой. Во время сильного волнения иногда встречаются плавающие торфяные островки, оторванные от берега. Только в трех местах Теплого озера имеется песчаный берег, возвышающийся над водой (летний уровень, рис. 1): у дер. Подборовье, у дер. Кобылье Городище, южнее дер. Пнево, на восточном берегу, и у дер. Мехикорма на западном берегу. У дер. Пнево высота берега нигде не превышает 2.5–3.0 м над летним уровнем озера. Все населенные пункты на восточном берегу Теплого озера разместились на немногочисленных песчаных возвышенностях, абсолютная высота которых над зимним (самым низким) уровнем озера не превышает 20 м. Все остальное пространство восточного берега представляет собой непроходимое моховое болото.

Острова Лежница, Станок, Вороний и Сиговец (рис. 1) сплошь заросли камышом и кустарником (ива) и в многоводные годы бывают почти совершенно затоплены (как это имело место в июле 1957 г.). По ним можно передвигаться летом только при помощи лодки. Некоторое исключение составляет о. Вороний — он немного выше, чем Станок и Лежница, но очень мал по своим размерам и имеет небольшой участок суши.

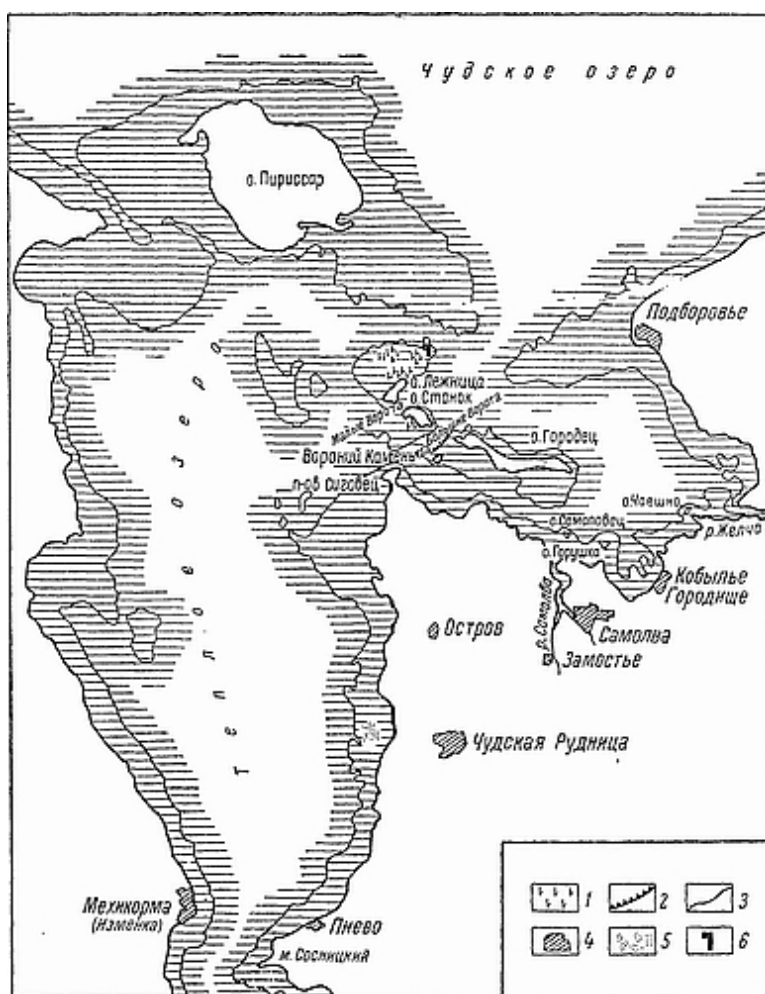

Рис. 1. Глазомерная схема северной части Тёплого озера

О. Городец отличается по своему характеру от описанных островов. Он представляет собой песчаную гряду, вытянутую в широтном направлении, и только в отдельных местах в восточной части имеются низменные сильно заболоченные непроходимые участки. Восточную часть острова отделяет протока, похожая на канаву, сделанную искусственно (рис. 1). Городец на карте 1866 г. [54] показан состоящим из двух частей, причем пролив между этими двумя частями совпадает по местоположению с обнаруженной «канавой» и обозначен прямой линией. Городец из всех описанных островов наиболее возвышенный и в самые высокие воды не затапливается в своей западной части.

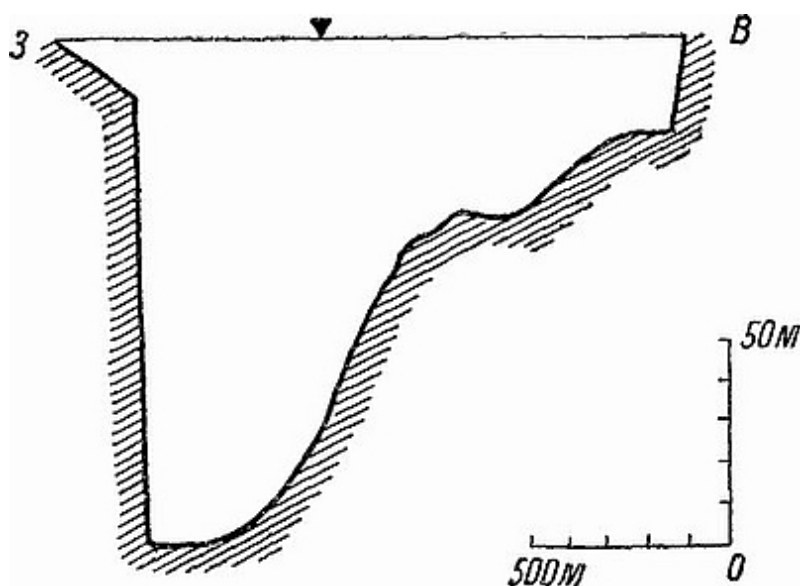

Рис. 2. Профиль Мехикорма — Пнево (по Шпиндлеру)

Северная часть Теплого озера в большей своей части мелководна, за исключением узкого пролива у дер. Мехикорма, где максимальная глубина достигает 15 м. В северной части озера максимальные глубины (7–8 м, июль 1957 г.) наблюдаются севернее о. Сиговец и в

Больших Воротах (рис. 1). Средняя же глубина всего Теплого озера 3.3 м. Прибрежная часть озера, шириной в среднем 400–500 м, мелководна, глубины не превышают 2.5–3.0 м (уровень в июле 1957 г., отметка 30.45 м над уровнем Балтийского моря), а затем резко изменяются до 5–6 м. Это наблюдается как по восточному, так и по западному берегам не только в Теплом озере, но и в южной части Чудского озера. Изменение глубин отражено и на карте съемки 1916 г. [\[55\]](#) Это абразионная терраса. Ясно выражена она на профиле Мехикорма — Пнево (рис. 2) [\[56\]](#).

Дно в прибрежной части (рис. 2) в пределах террасы песчаное, иногда встречаются крупные валуны. Песчаное дно в наиболее глубоких частях озера имеет место только севернее о. Сиговец, в Больших и Малых Воротах и между о. Пириссар и Подборовским мысом. Темно-серый ил наибольшей мощности, свыше 3 м. достигает в местах, где наблюдаются наименьшие скорости течения, а именно в средней части озера — так называемая «тина» (рис. 3).

Прозрачность воды по диску Секки в Теплом озере очень небольшая, она не превышает 1.5 м. Цвет воды желтовато-зеленый.

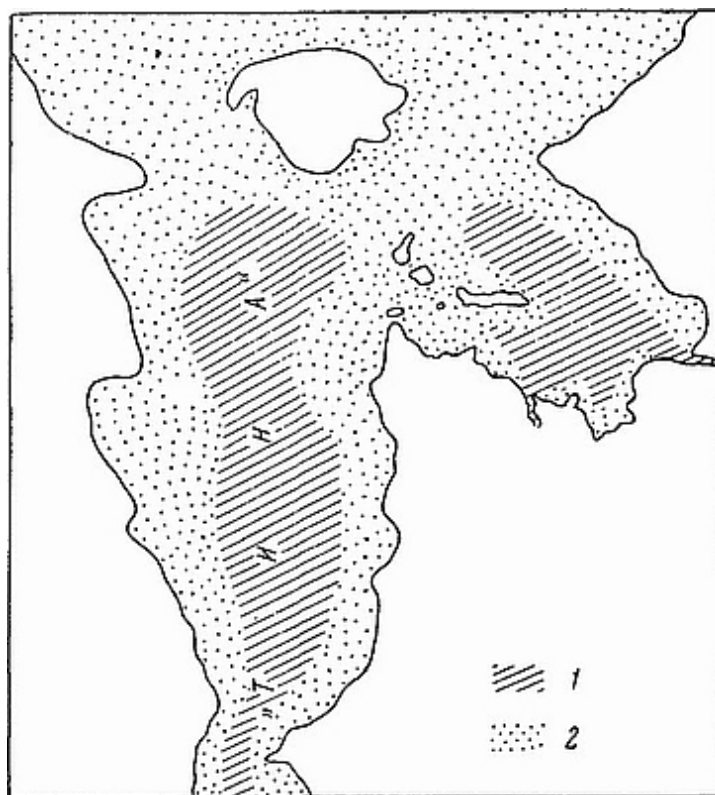

Рис. 3. Грунты дна Теплового озера. 1 — ил; 2 — песок

Малая прозрачность и цвет воды объясняются тем, что волнение достигает дна озера и происходит сильное перемешивание воды. Кроме того, в июле наблюдается максимальное цветение водорослей, что также обуславливает желтовато-зеленый цвет и очень малую прозрачность.

Наблюдения над направлением и скоростью течения показали, что максимальные скорости наблюдаются в Больших, затем в Малых Воротах (рис. 4) и зависят в период, свободный ото льда, от сгонно-нагонных явлений. В период ледостава скорости течения в основном южного направления — из Псковского озера в Чудское и сильно увеличиваются к началу весеннего

половодья. Иногда наблюдается обратное нормальному направлению течений — из Чудского озера в Псковское.

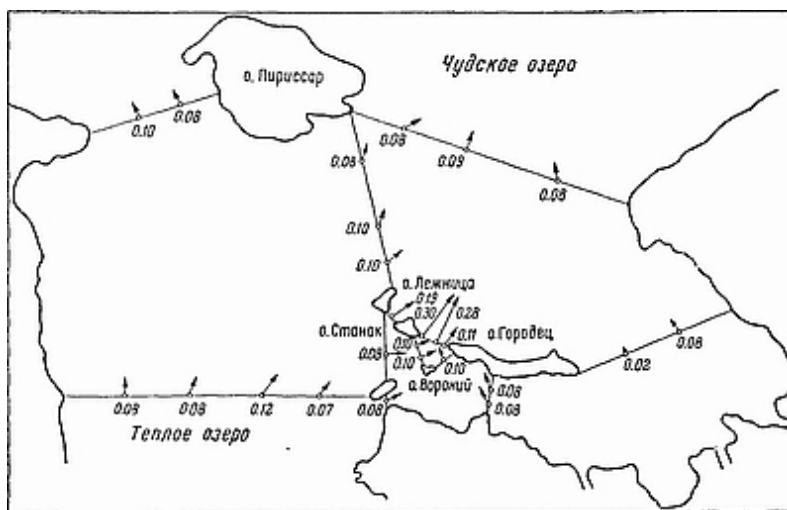

Рис. 4. Направления (стрелки) и скорости (цифры) течений

Для Теплового озера, как и для всего Чудского и Псковского, характерны сильные волнения, штормы и бури, так как низкие, открытые, безлесные берега не являются препятствием для ветра. Наиболее часты ветры южного и юго-западного направлений.

Зимой ледостав в первую очередь устанавливается на Псковском и Теплом озерах. Чудское же озеро замерзает позднее. Это объясняется его большей средней глубиной. Вследствие своего большего объема оно накапливает больше тепла, чем мелководные Псковское и Теплое озера. Средняя дата замерзания Чудского озера 18 декабря, Теплового — 25 ноября. Срок более позднего замерзания может отклоняться до полутора месяцев. Половодье начинается приблизительно одновременно на всех озерах, хотя Псковское и Теплое вскрываются несколько раньше из-за сброса вод р. Великой. Средняя дата вскрытия

Чудского озера 28 марта, поздняя — 4–6 мая. Средняя продолжительность устойчивого ледостава 120 дней. В период ледостава толщина льда примерно одинакова по всему озеру; в среднем она равна 70 см, при максимуме 109 см (по данным водпоста у дер. Мехикорма). Наибольшая толщина льда наблюдается в среднем к середине марта. Толщина льда зависит от суммы отрицательных температур за зимний период и сильно колеблется из года в год. После образования ледяного покрова в нем сразу же начинают появляться трещины. Они тянутся на много километров вдоль берегов (в 3–5 км от берега) и наблюдаются каждый год в Чудском озере по линии Мустве — Ветвенник и в Теплом озере — вдоль всего озера с юга на север, ближе к восточному берегу. У местных жителей на побережье Теплого озера эта трещина называется «порога». Она образуется вследствие термического расширения льда. При повышении температуры воздуха лед расширяется, выпучивается и образует вал, тянущийся вдоль восточного берега. При понижении температуры воздуха происходит обратный процесс и вдоль вала («пороги») образуется трещина, иногда до 2 м шириной, которая сразу же затягивается корочкой льда и смерзается. Собственно «порогой» называют вал из обломков и нагромождений льда, и она тем больше, чем резче колебания температуры воздуха. Хорошо видна «порога» на аэрофотосъемке, произведенной 14 апреля 1957 г. (рис. 5). В марте 1960 г. этот вал достигал в отдельных местах 2 м высоты, однако он легко преодолим, так как тянется не сплошной полосой. Например, в год с частыми сменами оттепелей сильными морозами (1959–1960 гг.) он не являлся большим препятствием для передвижения на лошади.

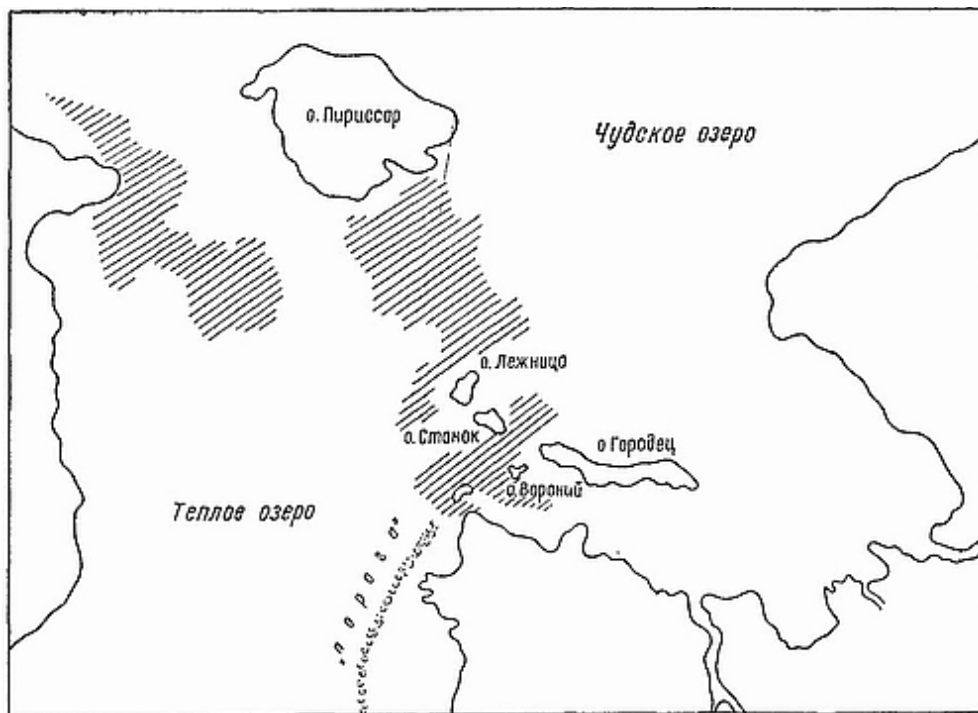

Рис. 5. Ледяной покров озерной поверхности по данным аэрофотосъемки от 14 апреля 1957 г. Заштрихованы места, свободные ото льда

Таяние льда весной на озерах, за исключением Теплого, начинается от берегов. У берега образуется узкая полоска с открытой водой. Особенно много таких закраин в устьях рек. Одновременное повышение уровня увеличивает площадь зеркала, и закраины расширяются. Постепенно лед тает в самом озере. Лишь незначительная его часть при благоприятных условиях уносится р. Наровой.

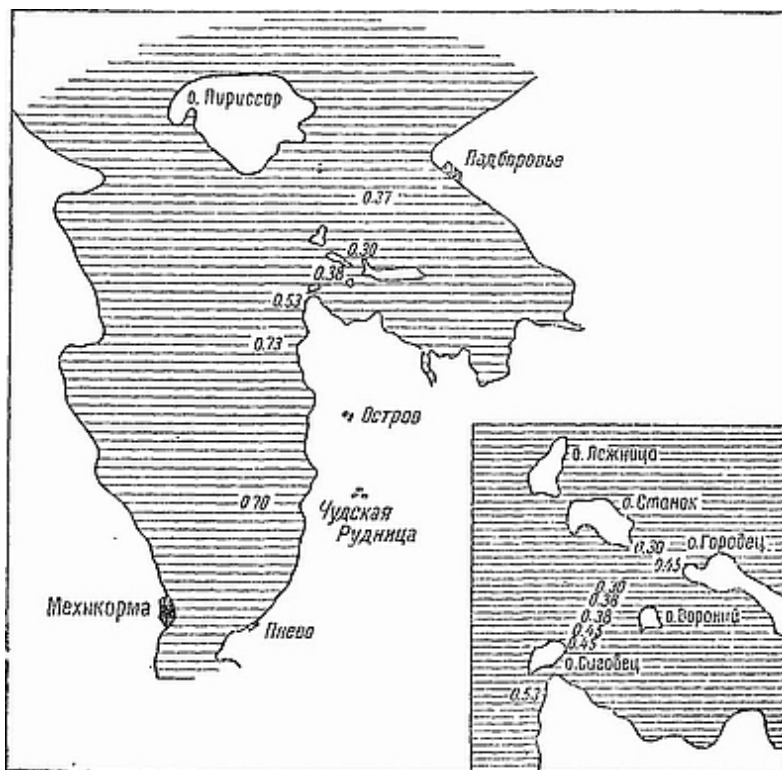

Рис. 6. Толщина льда (в м) 11 марта 1960 г.

Теплое озеро имеет некоторое своеобразие в зимнем режиме. По данным аэрофотосъемки (рис. 5), по материалам измерений толщины льда (рис. 6) и по рассказам местных жителей в северной и средней частях Теплое озеро вскрывается раньше, замерзает позже; в годы с частыми оттепелями эти места вовсе не покрываются льдом. При образовании ледяного покрова на всех озерах здесь долгое время остаются полыньи. Вскрытие же в этих районах начинается с полыней, а не с закраин, как в других частях озера. В этих местах лед тоньше более чем в 2 раза (рис. 6).

Вскрытие весной начинается в первую очередь в Больших и Малых Воротах, затем в узком проливе у Мехикорма (рис. 6) — под влиянием все увеличивающихся скоростей течения. Весенние воды из

р. Великой быстро достигают Теплого озера, и здесь процесс вскрытия протекает интенсивнее и быстрее, чем в Чудском озере, и еще интенсивнее — в суженных участках озера. Это явление хорошо подметили местные жители, они говорят про Большие Ворота: «Здесь сильно моет; когда из Чудской Рудницы через озеро переправляются по озеру на лошади, то из Пнево в Мехикорма плывут уже в это время на лодках»

Это своеобразие зимнего режима объясняется увеличением живой силы потока в местах, где площадь поперечного сечения уменьшается. Пропуск воды при таких условиях происходит за счет увеличения скоростей течения, особенно в период весеннего половодья, когда приток воды в озеро с момента вскрытия р. Великой все время увеличивается, а вскрытие рек происходит значительно раньше, чем озер.

* * *

Чтобы иметь представление о природных условиях в год Ледового побоища, в первую очередь надо рассмотреть вопрос о климате в первой половине XIII в. Решение этого вопроса имеет непосредственное отношение к зимнему режиму и акватории Теплого озера в XIII в. Эта задача поддается некоторому решению, так как в настоящее время существует единое мнение, что колебания климата подвержены более или менее определенным закономерностям. Эти закономерности достаточно хорошо изучены и подтверждаются огромным количеством фактов. В колебаниях климата, связанных с изменением солнечной деятельности, установлены циклы: многовековой, вековой, Брикнеров (20-50 лет), 11-летний и 5-6-летний^[57]. Рассматривая вопрос о некоторых природных условиях в первой половине XIII в., необходимо

установить, насколько существенно отличался климат XIII в. от современного.

Рис. 7. Тысячелетние циклы увлажненности (по Шнитникову)

За последние 2000 лет существенное изменение климата имело место лишь в XIV–XVII вв., [58] это выражалось в похолодании, в повышении общей увлажненности, в наступлении горного оледенения, в повышении стока рек, повышении уровня озер. А.В. Шнитников так характеризует эту эпоху: «Анализ климатических условий, производившийся многими как отечественными, так и зарубежными авторами за всю или часть нашей эры, или за текущее тысячелетие, свидетельствует о том, что эпохе XII–XVII вв. было свойственно заметное ухудшение климата. В эту эпоху годы с сильнейшими наводнениями и длительными дождями часто сменялись годами с катастрофическими засухами, однако в целом повышенная увлажненность преобладала над усиленной засушливостью, суровость климата тогда же, особенно суровость зим, выражалась в частых замерзаниях Балтики, чего так часто не было ни раньше, ни позже; в увеличении частоты замерзания альпийских озер, в катастрофических наводнениях на побережьях Северного, Немецкого и Балтийского морей, вызывавшихся штормами невиданной силы. В эту же эпоху сильной экспансии подверглось оледенение Арктики и северной Атлантики, до того находившееся в состоянии минимума, к которому оно еще не вернулось и в нашу эпоху общего отступления оледенения. Эпохе

первого тысячелетия н. э. и начала второго, наоборот, были свойственны мягкие условия климата, малый сток рек, низкий уровень озер, пониженная общая увлажненность территории Евразии»^[59]. По выражению П.П. Предтеченского,^[60] в VIII в. наблюдается «климатологический расцвет», в XV — «разгар климатологического упадка», т. е. максимум похолодания и увлажнения. Это связано с многовековыми колебаниями климата, с периодом в 1800–1900 лет. Ухудшение климата начинается с середины XIII века^[61]. Похолодание продолжается до XVII в., затем наблюдается постепенное потепление климата, наиболее заметное уже в наше время (XX в.). Из диаграммы (рис. 7), демонстрирующей распределение 1850-летних циклов во времени, и диаграммы (рис. 8) видно,^[62] что климатические условия в первой половине XIII в. близки к современным и в некоторой степени более благоприятны, чем в настоящее время, т. е. они ближе к периоду «климатического расцвета». Из вышесказанного следует, что нет основания считать, что климат в первой половине XIII в. существенно отличался от современного. Но на фоне многовековых колебаний существуют колебания с меньшей амплитудой, так называемые Брикнеровские циклы, со средней длительностью 33–35 лет (от 20 до 50)^[63]. Наличие этого цикла доказано многими исследователями на различном материале при различном подходе к этому вопросу^[64].

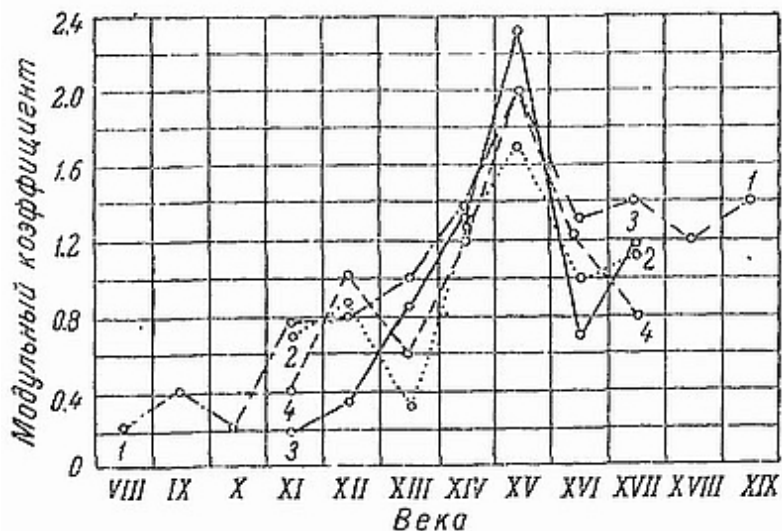

Рис. 8. Климатическая характеристика Европы VIII-XIX вв. по историческим документам (по Шнитникову). 1 — число лет особо ненастных, в частности с наводнениями; 2 — число особо холодных зим; 3 — число дождевых летних периодов в сухие годы; 4 — число дождевых летних периодов во влажные годы

Были предприняты попытки реконструкции климата за исторический период. М.А. Боголепов^[65] на основе исторического материала установил, что «сухие годы появляются группами, периодически, с большими промежутками: центр этих групп находится в огромном большинстве случаев в 30-е, 60-е и 90-е годы каждого столетия».

В XIII в. эта закономерность еще проявляется, а уже в XIV в. накладывается цикл многовекового колебания, продолжительностью в 1850 лет, и в XIV в. Брикнеров цикл видоизменился. Это хорошо подтверждается материалами М.А. Боголепова. По-видимому, 1242 г. с достаточной степенью вероятности можно отнести к теплему, невозмущенному периоду. Вот что пишет Боголепов: «Первая половина XIII века, хотя и

открывается несомненно влажной эпохой (засухи 1204–1205 года относятся к сухой эпохе 90-х годов), но далее чередование эпох становится неясным до 60-х годов. Впрочем, резкие охлаждения 30-х годов, чередуясь с засухами, по-видимому, указывают нам обычную эпоху засух. Зато 60-е и 70-е годы великолепно характеризуют сухую погоду, т. е. эпоху возмущений»^[66].

Из всего сказанного можно предположить, что климатические условия в 1242 г. не были суровее, чем в настоящее время, так как 1242 г. не попадает ни в период значительного похолодания, связанного с 1850-летним колебанием климата, ни в период сильных возмущений климата в первой половине XIII в., выразившихся в частом наступлении сильных продолжительных морозов зимой и жестоких засух летом. Если бы в 1242 г. была особенно суровая зима, то, по всей вероятности, она была бы отмечена в летописи. Тем не менее, ни в западных источниках, ни в русских летописях 1242 г. не упоминается как суровый. Отмечено лишь полярное сияние^[67]. Необходимо обратить особое внимание на то, что современная наука дает возможность реконструировать, как и прогнозировать климат лишь в самых общих чертах, даже при наличии инструментальных наблюдений. Все очень усложняется тем, что на 35-летние волны накладываются 11-летние и 5–6-летние циклы.

На летописном материале, так как он носит описательный характер, почти не удастся выделить 11-летние, а тем более 5–6-летние циклы колебаний климата. Полярное сияние в 1242 г. дает лишь некоторые наметки. Дело в том, что полярные сияния связаны с усилением солнечной деятельности и в связи с этим — с возмущениями климата. Засухи в 1243 и 1244 гг. после полярного сияния на территории Западной Европы как будто бы подтверждают наличие

максимума 11-летнего цикла. Но это весьма приблизительно.

Итак, климатические условия в первой половине XIII в. сходны с современными или даже более благоприятны, т. е. климат был более мягким и сухим.

* * *

Имеется много данных, говорящих о том, что в древности акватория Теплового озера имела другие границы. Это объясняется, по-видимому, колебаниями уровня воды и интенсивным размывом берега озера. Об этом говорят многочисленные факты.

Известно, что деревни Остров, Чудская Рудница, Мтеж (в южной части Теплового озера) стоят на новом месте. Остатки деревни Чудская Рудница были найдены под водой и обследованы аквалангистами летом 1959 г. На глубине от 0.5 до 1.0 м (уровень 30.45 м абс.) в 100-200 м от берега на дне были найдены остатки фундаментов и колодцев, кости животных (рис. 1).

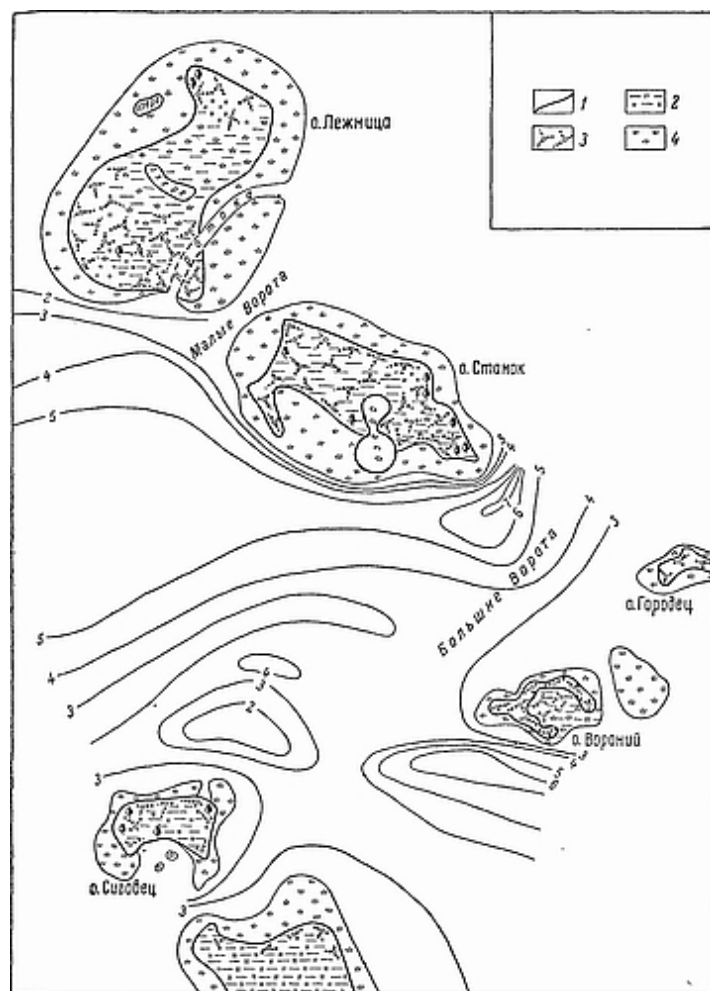

Рис. 9. Схема участка Теплого озера в районе Больших Ворот. 1 — границы суши; 2 — болото; 3 — кустарник; 4 — камыш; (цифры изобат указывают глубину в м)

На дне озера, на глубине 2.0–2.5 м (уровень 30.45 м абс.) обнаружены остатки древних лесов (рис. 1). В районе о-вов Вороний и Городец, севернее о-вов Лежница и Станок, обнаружены пни от молодых и старых деревьев, причем они своими корнями уходят глубоко в дно, так что исключена мысль, что они попали сюда случайно и могли быть принесены водой. Вдоль берегов Теплого озера в среднем до 500 м от берега

наблюдается резкий перепад глубин от 3.0–2.5 сразу же до 5–6 м (уровень 30.45 м абс.). Это остатки старого берега, характерная особенность озера. У рыбаков это место имеет особое название — «зрубья». О «зрубьях» рассказывает все население от Гдова до Мтежа — по всему восточному побережью. «Зрубья» были непосредственно обследованы аквалангистами в районе Вороньего Камня. Здесь они (рис. 1) тянутся на север от Вороньего Камня к о. Городец. Глубина изменяется с 2 м сразу же до 5 м. «Зрубья» здесь представляют собой обрыв, в котором найдены корни кустарников.

Насколько быстро изменяются очертания берегов в настоящее время, можно судить при сравнении очертания берегов по карте съемки 1916 г.,^[68] и по нашему плану, составленному в 1957 г. (рис. 9). Сиговец 40 лет тому назад был еще полуостровом, а сейчас глубина «промоя», как называют это место рыбаки, уже 3.5 м (уровень 30.45 м абс.). О-ва Лежница, Станок и особенно Вороний значительно уменьшились в своих размерах и имеют в настоящее время совершенно иную конфигурацию (рис. 1 и 9).

Из сравнения карты 1866 г. и карты 1916 г. хорошо видна разница в очертаниях и размерах островов и суши. Острова имели значительно большие размеры и по конфигурации — совершенно иные. На карте столетней давности существует о. Чаешно, по размерам не уступавший о. Станок. На карте 1916 г. (рис. 1) о. Чаешно уже узкая, еле заметная полоска суши; в настоящее время его нет. Исчезли о-ва Самоловец и Избушка, обозначенные на упомянутых картах. П-ов Сиговец имел совершенно другую форму. О-ва Вороний, Станок и Лежница в наше время представляют собой непроходимое болото с отдельными пятнами собственно суши. О-ва Станок и Лежница размываются интенсивнее, чем Вороний и Городец, и сейчас почти целиком

затоплены, сплошь заросли кустарником, и от коренной суши остались два небольших участка (рис. 9).

На карте 1781 г. ^[69] обращает на себя внимание название Новая Рудница. Если это новая Рудница, то, по-видимому, была и старая. Об изменении конфигурации берегов очень трудно судить, так как это скорее рисунок, а не карта. Островов по количеству было больше. Озолица показана как два острова. Городец и Пириссар гораздо меньше по своим размерам. Возможно, уровень в конце XVIII в. стоял выше современного.

Оба острова Лежница и Станок местные жители называют Озолица. Озолицей называют также часть водного пространства на 500–800 м севернее указанных островов. Название Озолица упоминается в летописи. По летописи ^[70] известно, что в 1458 г. была построена церковь архангела Михаила на о. Озолица и в следующем году сожжена немецкими рыцарями.

Рыбаки хорошо знают это место, так как по преданию церковь второй раз уже на этом месте не построили, а построили в Кобыльем Городище (рис. 1). Это место очень точно показывают рыбаки, и оно было обстоятельно обследовано аквалангистами на дне озера. На глубине 2.5 м (уровень 30.45 м абс.) было найдено искусственное сооружение правильной формы. Видимая под водой часть представляет собой в плане букву Г, вытянутую с юга на север, сложена она из плит известняка. Одна из таких плит была отделена от стенки и поднята наверх. Она имеет размеры 20×17×8 см. На четырех гранях этой плиты имеется небольшой толщины (1–2 мм) пленка иного характера и материала, чем сама плита. По заключению И.Л. Значко-Яворского, произведшего химический анализ, это скорее всего озерные отложения в виде глинисто-песчанистых частиц, проникших в трещину между плитами. Под влиянием воды они уплотнились, сцементировались и по внешнему виду стали похожи на скрепляющий раствор.

Это искусственное сооружение похоже на фундамент, занесенный с юго-западной стороны песком. Неподалеку, метров 30 южнее от этого сооружения, аквалангистом было обнаружено скопление углей на дне озера, обгорелые бревна, торчащие из дна. Покопавшись в углях, аквалангист нашел черепок. Он имеет окатанную сглаженную форму и этим отличается от «сухопутных» черепков, что свидетельствует о том, что черепок долго пролежал в воде. По свидетельству археологов, черепок явно не современный.

Также обстоятельно была обследована территория Вороньего Камня. На дне, на глубине 3.0–3.5 м (уровень 30.45 м абс.), была обнаружена развалившаяся каменная основа вала, существовавшего когда-то искусственного сооружения, возможно, укрепления. Внутри участка дна, замкнутого остатками валов, обнаружено много пней (рис. 1).

О наступлении озера упорно рассказывают местные жители. Существует предание, что из Пнево в Изменку и из Подборовья на о. Пириссар (рис. 1) передавали веник или клюку, так было узко. Старики говорят, что площади покосов значительно сократились на их памяти. Так, например, на о. Городец раньше, 70–80 лет тому назад, косили сена на 500 стогов, а сейчас уже на Городце почти не косят.

Ни один исследователь, занимавшийся Чудским озером, не прошел мимо вопроса о повышении уровня. Один из первых исследователей Чудского озера Г.П. Гельмерсен свидетельствует, «что в течение последних 20–30 лет поверхность воды в озере занимает высший против прежнего горизонт и что разливы в этот период случались все чаще и чаще»^[71]. Гельмерсен приводит в доказательство многочисленные факты, собранные академиком К.М. Бэрром, свидетельствующие, что в начале второй половины XIX в. уровень озера был выше, чем прежде. Из работы Гельмерсена мы узнаем, что уже

в его время совершенно отсутствовали леса в обширной низменной пойме р. Эмайыга. Это говорит о том, что заболачивание и затапливание этой территории произошло значительно раньше времени Гельмерсена.

И.Б. Шпиндлер в 1896 г. на основе своих наблюдений также говорит о повышении уровня и о том, что о. Пириссар представляет собой «поразительный пример разрушений», производимых озерными водами. Шпиндлер отмечает интенсивное заболачивание прибрежной низменной территории и определяет его в 4 версты за 35 лет.

Исследователь церкви в Кобыльем Городище П.П. Покрышкин пишет: «Непрестанным прибоем волн берег сильно подмывается, подвигаясь к церкви. По этой причине в недалеком будущем последней будет угрожать опасность разрушения»^[72].

В XX в., в связи с хозяйственными задачами, исследование Чудского озера расширилось. И в этот период все исследователи пришли к единодушному мнению, что уровень Чудского и Псковского озер стоит значительно выше прежнего, что изменение контуров береговой полосы является следствием изменения уровня.

Различные авторы пришли к различному мнению о причинах подъема уровня Чудского озера^[73]. Например, К.М. Бэр предполагал, что в районе озера происходит медленное опускание суши. А.А. Велькер^[74] причиной затопления берегов считал заносимость истока р. Наровы озерными отложениями. Это особенно усиливается в многозодные годы. Г.П. Гельмерсен^[75] предполагал, что объем озерной котловины уменьшается вследствие заполнения ее материалом, приносимым поверхностными течениями с легко размываемых берегов и впадающими реками.

Эстонские геологи^[76] считают, что повышение уровня южной части Чудского озера является следствием тектонического поднятия земной коры в северо-западной части Эстонии и опускания на юго-востоке. Причем поднятие происходит более интенсивно (4 мм в год), чем погружение.

Изменение уровня в озерах вообще происходит неравномерно. Колебания уровня озер цикличны так же, как и колебания климата. Как было уже указано, с XIV в. начался период общего похолодания и увлажнения в процессе трансгрессивной фазы многовекового 1850-летнего цикла. Максимум увлажнения приходится на XI–XVII вв. Именно в этот период, по-видимому, и начался многовековой подъем уровня в Чудском озере, который, возможно, усиливается местными особенностями — физико-географическими условиями. Это могут быть и тектонические движения земной коры, и хозяйственная деятельность человека. Возможно, что из века в век ухудшаются условия стока из Чудского озера в р. Нарову, что приводит к наполнению чаши Чудского озера. Возможно, все эти факторы, накладываясь друг на друга, и дают такое повышение уровня. Надо еще принять во внимание и то обстоятельство, что в условиях Чудского озера даже небольшое повышение уровня ведет к существенному изменению контура берегов, Это происходит потому, что низкие берега, очень характерные для данного района, затапливаются на большой площади и процесс переработки, перемыва берегов проходит очень интенсивно, так как берега не закреплены ни кустарником, ни лесом и постоянные волнения на озере сильно разрушают их.

Из всего сказанного совершенно ясно, что рассматривать условия Ледового побоища 1242 г. нельзя, не учитывая изменения акватории северной части Теплого озера. Если предположить, что найденные на дне озера остатки каких-то строений являются

фундаментом церкви архангела Михаила на Озолице, существовавшей в XV в., и древним укреплением, входящим в комплекс с Вороньим Камнем, то ориентировочные очертания берегов ранее XV в. возможно наметить, сделав срезку уровня на карте съемки 1916 г. (из имеющихся карт эта — наиболее крупного масштаба и имеет наиболее подробные данные о глубинах). Эта срезка составляет 1.50 м, т. е. 5 футов. Отметка уровня озера в июле 1957 г., к которой привязаны все глубины, равна 30.45 м абс., отметка уровня воды на карте съемки 1916 г. — 13.83 сажени, или 29.46 м абс. Разница отметок составляет 1 м. Срезка глубин составляет, при отметке уровня 30,45 м абс. в июле 1957 г., 2.5 м; для отметки уровня по карте 1916 г. она равна 2.5 м — 1.0 м = 1.5 м, или 5 футов. Срезка 5 футов (2.5 м — если привести к уровню в июле 1957 г.) подтверждается наличием на этой глубине и остатков искусственных сооружений, остатков древних лесов, и абразионной террасы, местоположение которой в отдельных местах (рис. 1) весьма точно совпадает с наведенным контуром береговой линии. Из полученной схемы (рис. 1) видно, что о. Вороний составлял единое целое с о. Городец. Городец был значительно больше по своим размерам, так же как и о. Пириссар. О-ва Станок и Лежница составляли один большой о. Озолица, на котором была церковь архангела Михаила. О. Пириссар отделяет узкий проток от суши. Вороний Камень был расположен на западном мысу о. Городец и уже по своему местоположению должен был быть хорошо виден с проходящих судов.

Составленная схема лишь приблизительно дает представление о распределении суши и воды, так как в течение веков дно озера сильно снивелировалось под действием течений, волнения и благодаря аккумуляции озерных отложений в различных частях озера.

Как мы уже выяснили, климат в XIII в. существенно не отличался от настоящего, может быть он был даже более благоприятным, следовательно, нет оснований утверждать, что в районе Больших Ворот (рис. 1) 700 лет тому назад не могло иметь места своеобразие в зимнем режиме по климатическим причинам. Образование майны в районе Больших Ворот объясняется тем, что здесь происходит увеличение живой силы потока, так как основная масса воды проходит именно через Большие Ворота. Это подтверждается данными измерений скоростей течения. Максимальные глубины в районе Больших и Малых Ворот и в узком проливе у дер. Мехикорма говорят также о больших скоростях течения по сравнению с другими участками озера. В Больших Воротах скорости возрастают более чем в три раза (рис. 4). Это закономерно, так как по закону Кориолиса (Бэра) поток воды, текущий с юга на север в северном полушарии отбрасывается вправо. Вторая причина увеличения живой силы потока (увеличение скоростей течения) — суженность данного участка озера, стеснение потока островами, уменьшение площади поперечного сечения, отсюда и возрастание скоростей течения при неизменности расхода воды. Посмотрим, действовали ли эти причины 700 лет назад. Несомненно, что в прошлом северная часть Теплого озера была еще более сужена островами, которые, как мы установили, были значительно большими по размерам. В Чудское озеро было всего три узких протока; основным был проток у Вороньего Камня, т. е. современные Большие Ворота. Не подлежит никакому сомнению, что основные массы воды, так же как и сейчас, проходили из Псковского озера в Чудское, и в Больших Воротах имели место максимальные скорости течения, так как закон

Бэра постоянен во времени. Следовательно, 700 лет тому назад действовали те же законы, что и в настоящее время. Возможно, что соотношение скоростей течения в трех потоках было иным. Поток в восточном, менее искривленном русле, расположенном в меридиональном направлении, испытывал меньшее сопротивление, чем в двух других (рис. 1), и, кроме того, он должен был в основной своей массе проходить именно у Вороньего Камня, так как это самый правый проток в Чудское озеро. Ледовое побоище происходило в начале весны, когда приток талых вод в озеро сильно увеличивается. Вскрытие озера в Больших Воротах должно происходить раньше, чем в остальной части озера, так как здесь увеличиваются скорости течения. Лед у Вороньего Камня был менее прочным, возможно, и вовсе отсутствовал, если зима не была особенно суровой. 1242 г. не упоминается в летописях, вероятно, это был год обычный в климатическом отношении.

Итак, климатические условия в 1242 г. были примерно такими же, как в настоящее время. Толщина льда на Чудском озере существенно не отличалась от современной. Причины, обуславливающие образование майны в Больших Воротах, действовали и 700 лет назад, следовательно, майна у Вороньего Камня весной существовала в XIII в. Согласно вышеприведенным рассуждениям, акватория северной части Теплого озера в XIII в. была иной. Приблизительное распределение суши и воды видно из рис. 1.

Таким образом, исторические события 1242 г. необходимо рассматривать с учетом природных условий, имевших место в XIII в.

В.С. Кузнецова. Геологические условия района Чудского озера

Общие замечания

Рекогносцировочное геологическое обследование района Ледового побоища имело своей целью подтверждение места нахождения Вороньего Камня, близ которого, по свидетельству летописца, происходила битва на льду Чудского озера, а также выяснение причин, изменивших геоморфологический характер этого микрорайона.

Топонимические наблюдения на том участке Чудского озера, который по всем другим данным комплексных изысканий экспедиции АН СССР соответствовал месту Ледового побоища, направляли поиски Вороньего Камня на участок озера у берегов о. Вороний. Как и следовало ожидать, обследование дна озера около этого острова обнаружило под водой невысокий холм полускальной породы, к которому примыкает с юга каменная основа какого-то сооружения.

Стены укрепления были замыты донными наносами озера, и потребовалась работа гидромонитора, чтобы восстановить характер и размеры сооружения. Размеры холма, сохранившегося под водой, а также конфигурация сооружения, которое, возможно, было каменной основой вала бывшего древнего укрепления, были замерены и зарисованы аквалангистами. Подводное фотографирование не применялось ввиду

значительной мутности воды в этой части Чудского озера.

Кроме подводных замеров, произведенных аквалангистами, карта поверхности останца Вороньего Камня составлена в изобатах, на основании замеров с поверхности озера, произведенных по провешенным створам. Как видно по этой карте, размер основания Вороньего Камня 185×200 м. Сложен он плотным красно-бурым песчаником, на слабом глинистом цементе.

«Поверхность его в настоящее время представляет собой неровную, волнистую площадку, с углублениями и "куполками" размером ±30 см. В углублениях тонким слоем лежит песок, внизу красно-бурый (элювий песчаника), сверху серый (донные наносы). Поверхность породы, слагающей Вороний Камень, ноздреватая, с мягкими очертаниями, со сглаженными водою выпуклостями» (из полевого дневника 1961 г. инженера Т.Ю. Тюлиной, подводное описание Вороньего Камня).

Геоморфологические особенности

Чудское и Псковское озера, с узким проток между ними, на первый взгляд представляют собой один водоем. На самом деле они различны: Чудское озеро глубокое, глубины от 8–10 м начинаются на небольших расстояниях от берега. Глубина Псковского озера не превышает 3–4 м.

Узкий проток между озерами — древняя Узмень, именуемый в настоящее время Теплым озером, имеет глубину от 2–4 м и только в самом узком месте, на широте Мехикорма — Пнево, глубина его достигает 13 м.

Средний уровень озера, по данным Госпароходства, соответствует отсчету футштока Мустве 0 см, что равно 29.5 м над уровнем Балтийского моря.

Берега Чудского озера отличаются разнообразием. Северные характеризуются дюнным ландшафтом, высота дюн от 2 до 12 м. Западный берег слабо изрезан, берега его преимущественно низкие, повышение рельефа отмечается лишь на участке дер. Пузи, за счет развитых здесь моренных отложений, и у дер. Калласте, за счет высокого обнажения коренных пород. Восточный берег южнее дер. Залахтове сильно изрезан как и юго-восточный. На этом участке имеются полуострова (против дер. Сосно, полуостров, на котором стоит дер. Раскопель, небольшой полуостров у дер. Мда, полуостров у дер. Подборовье, мыс Сиговец, мыс Сосница). Берег озера на участке деревень Раскопель — Островцы — Подолешье — Подборовье — высотой от 2 до 5 м. Пойма р. Желчи заболочена на десяток километров и используется под покосные угодья. В северной части Теплого озера, на участке мыс Сиговец — дер. Самолва расположена группа островов (Городец, Станок, Вороний и Озолец). На этом участке Чудское озеро сливается с Теплым озером.

В изучаемом нами районе юго-восточного берега оз. Чудского и северо-восточной части Теплого озера вдоль береговой линии тянется почти повсеместно мелководная полоса, шириной в среднем 400–500 м. Глубины на этом участке не превышают 2.5–3.0 м. Дно озера, в пределах террасы, песчаное, иногда встречаются крупные валуны.

Ряд прибрежных деревень находится в настоящее время не на местах первоначальных поселений, так как вследствие наступления озерных вод их приходилось переносить на новые места. Таковы деревни Мтеж, Чудская Рудница, Черемша и ряд других.

При подводных археологических изысканиях на дне Теплого озера в районе п-ова Сиговец и о-вов Вороний, Станок, Городец были обнаружены многочисленные пни росшего в этих местах леса. Сами острова по сравнению

с тем, как они были нанесены на карте Петербургской губернии в 1781 г. (при генеральном межевании), даже за этот, сравнительно небольшой период значительно уменьшились в размерах, а некоторые из них совсем исчезли. Обнаруженная на дне озера каменная наброска примыкает к холму бывшего Вороньего Камня на глубине 4.5 м (изобата 4.5).

Все сказанное находит свое подтверждение в свидетельствах местного населения, покосная площадь которого сокращается из года в год.

Имеется много данных, подтверждающих предположение о том, что древнее Теплое озеро было значительно уже современного. Происходит постепенное затопление берегов, которые интенсивно размываются, так как они сложены слабыми породами.

Геологические условия района

Район Чудского озера расположен в северо-западной части Центрального девонского поля, только северный берег Чудского озера и р. Нарова находятся в области развития силурийских горных пород, которые к югу погружаются, под углом 10-15°, под девонские отложения.

Между силуром и девоном наблюдается слабое угловое несогласие. Толща девонских осадков имеет падение на ЮВ 160° под углом 6-10°.

На интересующем нас участке широкой полосой по берегам Чудского и Теплового озер распространены отложения красноцветной толщи среднего девона: лужские и оредежские слои. Подстиляется эта толща наровскими слоями светло-серых, голубых и розовых доломитов и мергелей, связанных с вышележащими слоями постепенными переходами. Красноцветная

толща лужских и оредежских слоев имеет (по Б.П. Асаткину) мощность 250 м.

Антологически лужские слои представлены мелкозернистыми, косослоистыми, хорошо отсортированными кварцевыми песками, перемежающимися с рыхлыми песчаниками на глинистом цементе, различных оттенков красного цвета, до красно-бурого и бурого. Оредежские слои представлены красными рыхлыми песчаниками и красными глинами. В песчаниках оредежских слоев встречаются линзы белых кварцевых песков. Границы между лужскими и оредежскими слоями провести нельзя. Выходы этого горизонта обнаружены в нескольких местах по берегам Чудского и Псковского озер.

1. Наиболее значительный выход расположен на западном берегу Чудского озера, около дер. Калласте. Высота берега над уровнем озера 12 м. С поверхности под почвенным слоем мощностью 0.20 м залегает слой мелкозернистого песка с гравием и галькой, мощностью 3.5 м. Разрез среднего девона начинается слоем красной, плотной глины, мощностью 0.1 м, под которым залегает красно-бурый рыхлый песчаник с большим содержанием слюды. Видимая мощность песчаника 8 м, заметна косая слоистость. Песчаник носит на себе следы сильного выветривания: он по всей высоте обнажения имеет интенсивную трещиноватость. В нижней части имеются значительные осыпи, а также ряд глубоких ниш — результат размыва песчаника волнами озера.

2. Выход тех же песчаников описан нами в обнажениях на р. Кунесть, южнее Гдова, 4 км восточнее дер. Ловонощины. По обоим берегам р. Кунести — выходы красно-бурых слабых слюдистых песчаников. По данным местных жителей, подобные выходы наблюдаются на протяжении 400 м по обоим берегам реки. На левом берегу имеется вымытая водами реки

ниша глубиной 1.5 м. На правом берегу — осыпи и ясно выраженная складочка, с падением крыльев 10–15°. Высота обнажения 8 м. Река в период наблюдения — маленький ручеек, шириной до 1 м, но русло носит следы интенсивной деятельности водного потока: имеется пойменная терраса шириной до 5 м, прослеженная как на правом, так и на левом берегах, в русле реки лежат большие валуны кристаллических пород. Кроме этих значительных обнажений, встречены различными исследователями обнажения лужских и оредежских слоев по р. Гдовке, в районе г. Гдова и по р. Каменке, нижнем левобережном притоке р. Великой, по р. Маде, притоке р. Выханду, в самой южной части западного берега Теплого озера.

Указание Г.Б. Шпиндлера и А. Зенгбуша «на наличие выходов мясо-красного песчаника у дер. Мда», при настоящем рекогносцировочном обследовании не подтвердилось. Не исключена возможность, что имевшиеся в 1896 г. выходы коренных песчаников у дер. Мда в настоящее время затоплены и недоступны наблюдениям.

Геологи, изучающие девонские отложения западной части Ленинградской области, указывают на наличие в этих отложениях куполовидных структур. Брунс отмечает ряд куполов с падением крыльев под углом до 10°. Автор указывает на наиболее значительный купол у сел. Гнилухи на р. Каменке (левый приток р. Великой). Аналогичное антиклинальное поднятие верхнедевонских отложений с лужскими и оредежскими слоями в ядре купола наблюдается у дер. Писковичи на р. Великой.

Консультант работ экспедиции в 1960 г. научный сотрудник Ленинградского горного института Н.Г. Паукер пишет: «В указанном районе геологическое строение земной коры благоприятствует разгрузке подземных вод двух артезианских бассейнов —

Прибалтийского с запада и Московского с востока. Водоносными породами являются песчаники лужского горизонта среднего девона, перекрытые сверху глинистыми моренными отложениями четвертичного возраста. Указанные гидрогеологические условия, т. е. разгрузка относительно слабоминерализованных вод, происходит уже длительное время, по крайней мере не менее 2-3 тысячелетий, с момента образования озерных депрессий, в которых мощность четвертичного покрова наименьшая».

Работами экспедиции установлено, что на участке Теплого озера, против п-ова Сиговец, на дне озера, в нескольких местах наблюдаются выходы на поверхность подземных вод, в виде небольших грифонов.

Выводы

Резюмируя все сказанное, на основании материалов пятилетних работ экспедиции, литературных данных и геологического рекогносцировочного обследования, проведенного автором настоящей статьи летом 1961 г., можно сделать ряд выводов.

1. Составленная Т.Ю. Тюлиной схема акватории северной части Теплого озера в XIII в. (стр. 104) дает представление о геоморфологических особенностях района в прошлом и с достаточной достоверностью воссоздает картину природных условий в период многовековой давности.

Теплое озеро, летописная Узмень, в северной части, на параллели Подборовья, преграждалась большим полуостровом, от которого до наших дней остался только о. Межа (Пириссар). Ударяясь об этот полуостров, нагонные воды озера при ветрах с юга разрушали его. Юго-восточнее Пириссар находилось самое узкое место озера, стесненное рядом имевшихся там островов. На

этом же участке Узмень принимала правые притоки, ПраСамолву и ПраЖелчу, устья которых за истекшее время значительно отступили в глубь материка, в связи с происходящим разрушением берегов, но русла которых прослеживаются в рельефе современного дна.

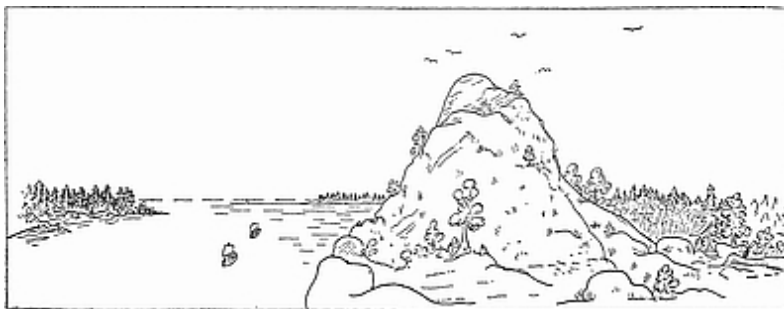

Рис. 1. Реставрация первоначального вида Вороньего Камня

Стесненное живое сечение при нагонной волне, увеличение количества воды за счет притоков, а также выходы в дне озера подземных вод более высокой температуры, чем вода в мелком озере в зимнее время, не могли не влиять на крепость льда в районе Сиговицы и Больших Воротах Узмени. Наличие участков, свободных ото льда, наблюдаемое теперь, имело несомненно место и в прошлом.

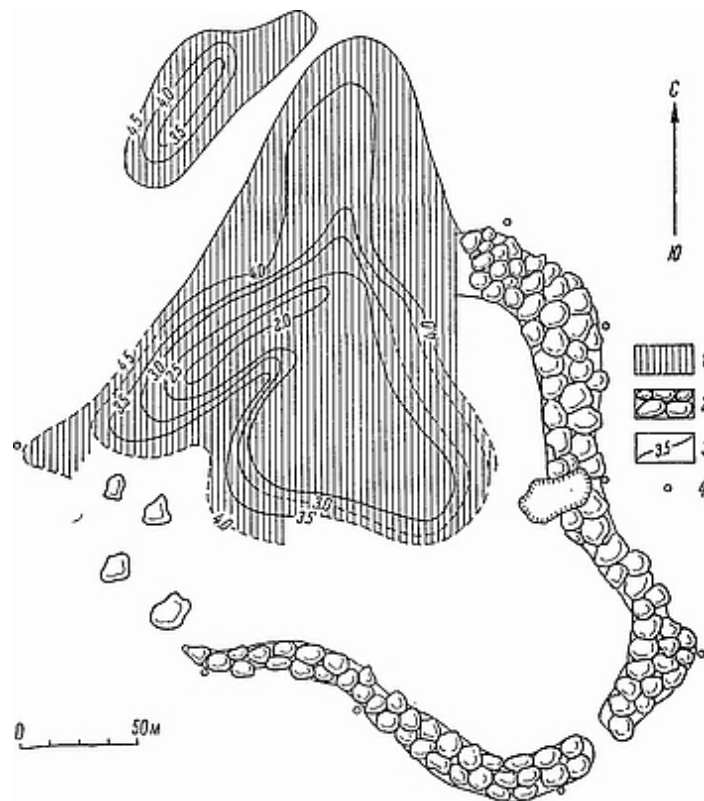

Рис. 2. План остатков Вороньего Камня (в современном состоянии). 1 — красно-бурые песчаники лужского горизонта среднего девона De2; 2 — каменная основа вала древнего сооружения (укрепления) по замерам аквалангистов в 1959 г.; 3 — горизонтالي поверхности девонского песчаника, остатков размытого Вороньего Камня (в изобатах); 4 — вехи над водой, засеченные теодолитом

2. Присутствие в настоящее время на дне Теплового озера» у северного берега о. Вороний, основания размытого выхода красно-бурых песчаников лужского горизонта, дает право считать, что легендарный Вороний Камень, упоминаемый в летописи как ориентир, является останцам куполовидной структуры, представленной красно-бурым песчаником. Высота этого холма была, очевидно, не менее купола у дер. Калласте, достигающего в настоящее время высоты 12 м. Вороний

Камень, расположенный на северо-западной оконечности о. Вороний, который в те времена был правым берегом р. Самолвы при ее впадении в Узмень, возвышаясь над остальной местностью на 12-15 м, служил прекрасным ориентиром и сторожевым пунктам (рис. 1).

За последний геологический период, как известно, происходит медленное поднятие северной части Прибалтики. Работами экспедиции доказывается эпейрогеническое опускание юго-восточного берега Теплого озера, достигающее к настоящему времени порядка 4 м. Этим явлением четвертичной тектоники следует объяснить разлитие Узмени, с образованием более широкой части современного Теплого озера, затопление устьев рек, впадающих на юго-востоке в Чудское и Теплое озера, затопление и постепенное заболачивание низменных участков суши на этом участке, а также разрушение слабых песчаников, слагавших высокий холм Вороньего Камня.

Разрушение куполовидного останца красно-бурых песчаников продолжается и в настоящее время: на карте подводного рельефа Вороньего Камня отчетливо прослеживается результат разрушительной деятельности воды. Об этом свидетельствует как неровная, сильно выщербленная поверхность основного массива Вороньего Камня, так и то обстоятельство, что на сегодняшний день, как это можно видеть на карте, действием воды от него уже отмежеван сравнительно небольшой бугорок в северной части и намечается второй размыв, который затронул не только останец песчаника, но и каменную основу вала, лежащую на тех же отметках.

В данное время отмежеванный бугорок еще можно было найти и закартировать, но пройдет не так много времени, и он исчезнет совсем, остатки Вороньего Камня подвергнутся дальнейшему разрушению, и, наконец,

наступит такое время, когда только исторический памятник, поставленный в результате исследовательской работы советских историков, будет напоминать потомкам о месте великой битвы у Вороньего Камня, этого немого свидетеля подвига, совершенного нашими предками.

Г.Н. Скляревская. Микротопонимика района работ экспедиции

В настоящей работе рассматривается микротопонимика района комплексных исследований вдоль побережья Чудского и Теплого озер, включая сушу, часть озера и острова. С особой тщательностью (исследовались объекты, находящиеся в непосредственной близости от Вороньего острова.

С самого начала следует оговориться, что предлагаемые материалы должны рассматриваться всего лишь как вспомогательные, подтверждающие некоторые результаты комплексных исследований (изменение берегов озера, некоторые вопросы о древней заселенности и т. п.) места Ледового побоища.

Все топонимические данные записывались со слов местных жителей (обычно старожил), причем большое внимание было уделено преданиям, связанным с тем или иным названием, а также попыткам рассказчиков объяснить этимологию некоторых названий.

Особую помощь оказали нам старые рыбаки и бакенщики (П.И. Лукашов из дер. Самолва, И.М. Колобаев из дер. Чудская Рудница, И.И. Светцов из дер. Пнево и др.).

Координаты объектов определялись по компасу, а расстояния — глазомерным способом, поэтому карты, составленные нами, приблизительны и служат только для наглядности.

Отметим некоторые особенности, характерные для микротопонимики исследуемого района:

- I. Соотношение старых и современных названий:
 - а) названия, встретившиеся в летописи;

б) названия, не исчезнувшие с исчезновением объекта.

II. Соотношение официальных картографических и местных названий:

а) совпадение тех и других;

б) расхождение их;

в) употребление в народе только местного названия.

В последнем случае не всегда конкретное название соответствует конкретному объекту, а именно: иногда один объект носит несколько названий, в других случаях аналогичные названия присущи разным объектам.

Все эти особенности необходимо учитывать при обзоре и классификации нашего материала.

Из современных названий исследуемого района в летописях^[77] встретились следующие:

Вороний (Камень), на Чудском озере, близ Узмени. За 1241 г.: IV, 179; за 1242 г.: I, 225; III, 53; IV, 36; V, 180; VII, 150; за 1463 г.: IV, 225.

Измень^[78] — урочище на западном берегу Псковского озера. За 1473 г.: IV, 244, 245.

Кобыла (Кобылье, Кобылей, Новый городок), в Псковской земле урочище (ныне дер. Кобылье Городище). За 1406 г.: IV, 197, 221; V, 34; за 1462 г.: IV, 221; V, 34; за 1463 г.: IV, 222–223; V, 34; за 1464 г.: IV, 226; за 1471 г.: IV, 237; за 1480 г.: IV, 264; V, 39; за 1510 г.: IV, 288; VI, 27.

Мда, волость Псковская (на берегу Лахтинского залива Чудского озера). За 1566 г.: IV, 303.

Островцы, большой исад^[79] Псковский (на юго-восточном берегу Чудского озера. За 1463 г.: IV, 223; V, 34; за 1480 г.: IV, 264).

Эти и некоторые другие названия зафиксированы в летописях. Все остальные либо возникли позже, либо не были известны летописцу, так как летопись велась в Пскове.

В некоторых случаях исчезает объект названия, а само название сохраняется как бы «на пустом месте», переходя из поколения в поколение.

Так, сухая канавка, заполняющаяся водой только в половодье, по традиции носит название Глубокий Ручей (рис. 1). Отлогий песчаный берег у дер. Самолва называют Каменной Горой, хотя только самые старые жители помнят, что здесь когда-то были камни. Существуют и совсем необъяснимые названия: небольшой участок земли к западу от дер. Чудские Заходы называют Земломерской Ямой, хотя ямы там нет и в помине. Очень немногие жители помнят на этом месте курган (?), который теперь сравнялся с землей, о яме же не вспоминает никто.

Таких названий-фикций мы обнаружили довольно много. Вот что рассказали нам о них местные жители (их рассказы здесь и ниже приводятся дословно).

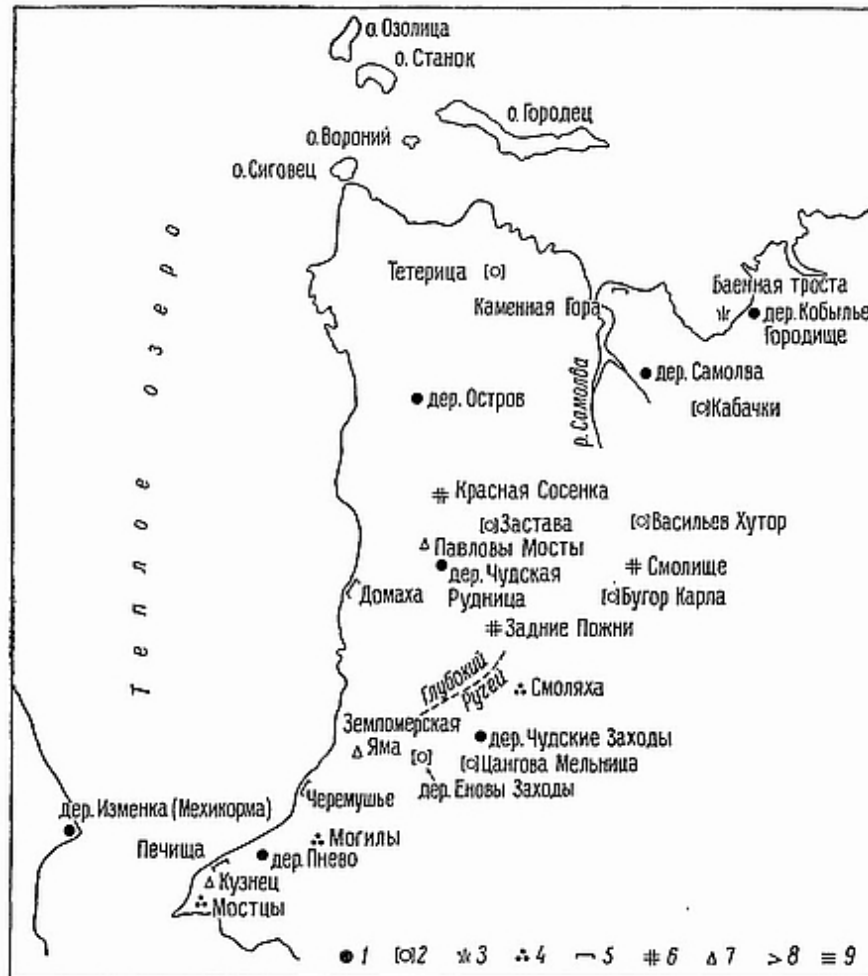

Рис. 1. Схема сохранившихся названий исчезнувших объектов. 1 — существующие населенные пункты; 2 — разрушенные постройки; 3 — тростник (троста); 4 — кустарник; 5 — участок берега; 6 — поляна; 7 — место, ничем не примечательное, но имеющее название; 8 — наволок (место, где наволакивают на берег лодки); 9 — мох

Глубокий Ручей: «Глубокий Ручей — это с километр от Заход, это граница между рудницкой землей и Чудским Заходам; раньше глубокий был, как назвали со старины, так оно и осталось, а теперь-то воды мало в нем — только весной бывает».

Задние Пожни. «Еще есть Задние Пожни. Там совершенно пожни нет — поле; и почему Задние — ничего не знаю».

Земломерская Яма. «В Заходах, позападней дворов скотных, метров 50, — Земломерская Яма. Там и столб был раньше..., там курган такой под названьем Яма. Столб-то сгнил, облетел, и курган сравняли, только названье осталось».

Избушка^[80]. «А вот здесь называется Избушка, тут был в ранние времена какой то белозур (?) — вином торговал».

Кабачки. «А Кабачки — рядом с Дубровкой, только с левой стороны. Там огромные сосны стояли — немец выпилил. Теперь-то ничего нет, только небольшие деревья и кусты».

«Как с горы-то спустишься — сосенки там. Находили мы фанери^[81] медные, и серебро, рубли рубленые. Это место — Кабачки, кабак там был у них; там и видно, что погреба были у них».

Красная Сосенка. «Около Дубовой Полянки будет Красная Сосенка, она влево задалась, к Острову, у самой дороги. Там при мне еще одиночная сосна стояла, теперь там ничего нет».

Могилы. «Могилы вот здесь, к востоку^[82] метров 300 будет. Там хоронили, а теперь-то не хоронят, мы не помним — лет 200 не хоронят».

Мостцы́. «Мостцы́ — к Гряде идти, сразу там, своротишь направо — будут Мостцы. Можя там мост был — откуда я знаю».

Павловы Моста. «Как идти на Самолву, такой ручей, природный такой... не доходя Крестов там Павловы Моста. Там моста нет, так просто называется».

Смо́лище. «А потом будет Смолище, это к селу Казаковцы... Там ничего теперь нет, поле, выгон. Там когда пни варачали,^[83] которые сваливали, все

обгоревши. Мы раскопы вели, там под землей пни находили — все пни обгорелые».

Цангова Мельница. «Прямо от столба идет дорога на Пнево, там сейчас камня есть... называется Цангова Мельница. Мельница была раньше, лет 25 как она разрушилась, хозяин жил Цангов Юган, эстонец».

Как видно из приведенного материала, немотивированные названия имеют довольно широкое распространение.

Многие из них кажутся на первый взгляд бессмысленными, и даже предания местных жителей не всегда помогают восстановить их происхождение.

Приведенная особенность местных названий сохраняться на месте исчезнувшего объекта будет использована при рассмотрении таких вопросов, как древняя заселенность исследуемого района и изменение его береговой линии.

Рассмотрим теперь соотношение географических и местных названий.

Официальные и местные названия крупных объектов (деревень, больших островов и заливов и т. п.), как правило, совпадают. Примеры: деревни Подборовье, Чудская Рудница, Чудские Заходы, Самолва и др., о-ва Городец, Горушка, Вороний, Станок и др.; р. Желча, зал. Раскопельский^[84] и т. п.

Часто наряду с официальным названием старожилками употребляется и местное название того или иного объекта:

Официальное	Местное
Р. Самолва	— Самоловка
Мыс Сиговец	— Сиговица и Сиговицы
О. Озолец	— Озоблица и Озолица
Дер. Мда	— Омда
Р. Ровья	— Верховская и Верховянка
Дер. Мехикорма	— Изменка

Часто употребляются только местные названия; как правило, это относится к объектам, официально не нуждающимся в названии: небольшие участки тростника, ничем не примечательные на первый взгляд участки поля, луга, леса, с которыми связаны какие-то предания (бугор Карла, ухаб Пифтерик, троста Домаха и т. п.).

При этом интересно отметить, что часто один и тот же объект носит несколько названий — либо аналогичных, либо не имеющих между собой ничего общего (рис. 2).

Ряпушья троста, Ряпуший наволок, Намастырь. «Потом называется Ряпушья троста, после Обларницы; там рыба така ряпушка ловилась. Еще по-другому — Ряпуший наволок. А кто говорит — Намастырь^[85] — это же место называют; старики говорят, там намастырь был».

Среднее поле, Береговое поле. «Между Рудницей и берегом Среднее поле. Его же мы называем Береговое поле».

Тихановская лядина, Тихановщина. «Тихановщина, небольшая така Тихановска лядина; тоже был лес, теперь-то один заросель оставши. Там какой-то умер пастух Тихон, вот в знак его и назвали Тихановщиной. Я-то можа и жил в то время, да не запомнил».

С другой стороны, существуют аналогичные названия для разных объектов: *Печища* — участок тростника к югу от дер. *Пнево* — и *Печная троста* — севернее дер. Рудницы; *Смолище* — небольшая поляна к востоку от Рудницы и Смоляха — несколько кустов возле дер. Заходы; *Каменная Гора* — берег, напротив о. Горушка и Каменья — значительно южнее, возле Самолвы, и т. п.

Таковы основные особенности приведенных топонимических названий. В дальнейшем мы их рассмотрим в связи с задачами, которые стояли перед

экспедицией. В этом своем значении они распадаются на:

I. Названия, по которым можно судить о древней заселенности данной местности.

II. Названия, показывающие изменение береговой линии и дна озера.

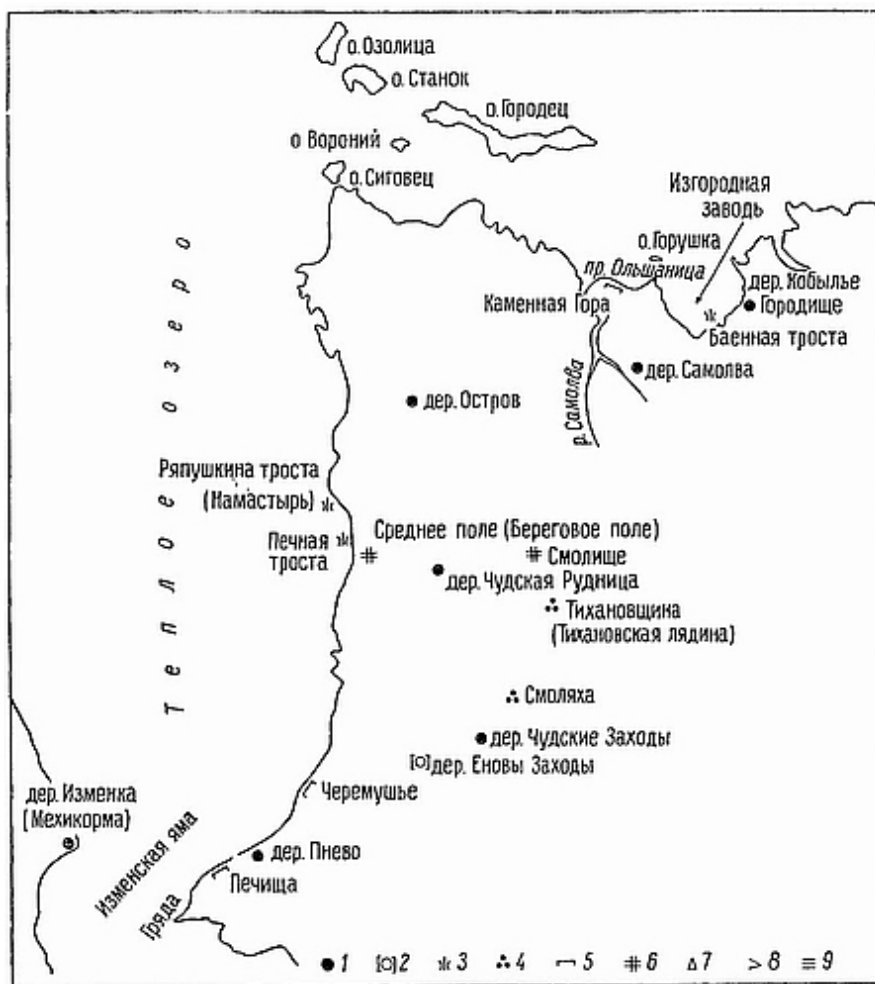

Рис. 2. Схема разных названий одного объекта и названий, отразивших изменение береговой линии. Обозначения те же, что на рис. 1

Названия близлежащих объектов по аналогии.

В самостоятельный раздел выделены фольклорные материалы.

Следует заметить, что ни один из этих разделов не существует изолированно. Так, некоторые названия, намекающие на древние поселения, показывают в то же время изменение береговой линии (Баенная троста), В свою очередь, когда речь идет об изменении береговой линии, широко используются предания, и т. п. Кроме того, при рассмотрении каждого раздела приходится ссылаться на общие особенности микротопонимики, изложенные выше.

Рассмотрим отдельно каждый из указанных видов названий.

1. Названия, по которым можно судить о древней заселенности района

Особенно интересен в этом отношении о. Городец. В настоящее время это узкая полоса суши, сплошь заросшая кустарником и тростником, тянется с запада на восток, параллельно берегу против Самолвы (рис. 3). Никаких признаков жилья, построек он не хранит.

На мысль о прежней заселенности наталкивает прежде всего название острова — Городец — укрепленный населенный пункт (вспомним сохранившиеся названия исчезнувших объектов). Кроме того, отдельные части острова носят названия, которые подтверждают эту мысль (такие названия, как Паствище, Выгонец и т. п. говорят сами за себя). Старожилы так комментируют эти названия:

Городец. «Городец — тоже остров большой; как выезжаешь с реки Самоловки — с правой стороны. В конце — озеро, а конец Липецом называется — там, видать, липы росли».

«Есть остров Городец, там город был — это еще до Александра Невского. Там еще и Выгонец есть — они там тоже скотину выгоняли. Там теперь камыш, заростель такой. Это ближе к Самолве — маленький остров, метров 100 поперечины».

«Выгонец — это на Городце — он большой остров, а Выгонец — скот выгоняли пасть».

«А на Городце — Заплавье, берег, там покос, плавья там».

«Огорок тот Муры называется, это в Городце — там трава такая — мурья, мурь».

И действительно, произведенные археологические раскопки на Городце обнаружили остатки древнего поселения XIII в. (большое количество керамики).

Кроме о. Городец, можно назвать некоторые другие объекты:

Домаха. «А после Мешковицы на берегу Домаха; может делили эти тросты, это ближе к домам попала — так вот и Домаха».

Баенная троста (рис. 2). «А против самой церкви^[86] — Баенна троста; байны там стояли, когда был город».

«Как раз против Кобыльего — Баенна троста. Там суши нет, одна троста, метров около двухсот от берега будет, от Кобыльего как раз на запад. А называют так потому, что там, говорят, бани стояли, это не при мне. Там сухо было, это всё примыкало к берегу — за долгие годы все отбило».

II. Названия, показывающие изменения береговой линии и дна озера

Как уже отмечалось, в этом разделе используются не только сами названия, но и связанные с ними предания. Часто название само по себе не отражает изменения береговой линии (о. Сиговец, например), но старики помнят сами это изменение или слышали о нем от дедов и рассказывают об этом.

Но есть и такие названия, которые говорят сами за себя и не нуждаются в объяснении (прол, Ольшаница, Изгородная заводь и др.) (рис. 2).

Местные жители рассказывают:

Гряда. «Туды на юг — узкое место, называется Гряда: было еще уже, а стало разливаться и стало поширьше; мыс такой между Псковским озером и Чудским».

«У Пнева Гряда есть — это наволок называется Гряда, потому что здесь мелко место, а на Гряды жил кузнец такой — эстонец».

«Где Гряда, там самое узкое место Чудского озера, а дальше оно значительно расширяется».

Горушка^[87]. «Остров Горушка как раз против Синезяти, там огорок, там сухо; в прежно время сплошное было, туда свиней гоняли, а теперь — остров, при моей памяти он так остров и был — это деды говорили, что свиней гоняли».

«А вот есть еще остров Горушка; бывало, мне лет шестнадцать, — засучишь солохи^[88] и перейдешь туда, а теперь пароходы ходят, катера».

На Горушке тоже разные названия. С восточной стороны — Семский наволок, почему так называется, я не знаю. А с южной стороны — Подгорье называется, все в той же Горушке; под этой Горушкой берег такой песчаный».

Изгородная заводь. «Есть еще тоня Изгородная, в воды, сразу за камышом, — заводь такая, большая, без камыша, а называется потому, что изгорода раньше впираля туда в озеро, потому и изгородная; она от берега метров сорок».

Изменская яма. «Изменская яма — 12 метров ширина была, и сюда передавала клюку баба бабе».

Прол. Ольшаница. «Между Горушкой и Синезятью промой Ольшаница — тоня такая; там ольха бывши, только не при нас».

Печная троста. «После Бударья Дна — Бабий наволоок... а потом будет Печная троста; тут рыбозавод был — печи стояли, а завод и сейчас есть».

Черёмушье (Чёрёмуша). «Черёмушье — это место такое, берег называется, там троста есть, рыбу ловят; недалеко на севере, метров 400 будет, там Пнево стояло по писанию, а потом деревню-то перенесли подалей от берега. Это много лет назад прошовши».

«А вот она самая Черёмушья — это как бы напоминает большой полуостров; он содержит громадное количество камней, причем глубина озера меняется — где глубже, где мелче, перевалами такими».

«Черёмушье — как каменистый полуостров, по дну идет гривой камни, исключительно камни».

«Где Гряда, там самое узкое место Чудского озера, а дальше оно значительно расширяется. И это каменистое место Черёмуша, очевидно, не давало озеру размывать берег».

«Мне кажется, будто здесь каким-то человеческим трудом эти камни выложены — в Черёмушье-то. Говорят, в Черёмушье какая-то стройка была».

Сравнение приведенных названий вдоль всего побережья исследуемого района не позволяет, конечно, установить с точностью прежнюю береговую линию, но со всей очевидностью показывает, как namного

продвинулась она в сторону суши. Причем процесс этот продолжается непрерывно и в настоящее время^[89].

III. Названия близлежащих объектов по аналогии

Известно, что близлежащие географические объекты часто называются одним и тем же или аналогичным названием: общее название населенного пункта и водоема, на котором он расположен, дороги и объекта, к которому она ведет, и т. п.

В местных названиях эта закономерность распространяется и на самые, казалось бы, незначительные объекты: аналогичные названия присущи, например, участку берега и примыкающему к нему тростнику; деревне — и расположенной поблизости полянке, реке — и острову в ее устье, и т. п.

Эти аналогии в названиях представлены не только с большой последовательностью, но и очень полно (рис. 3). Сиговец — остров; Сиговица — участок озера со слабым льдом.

Бабья троста, Бабий наволок. «После Бударья Дна — Бабий наволок — это напротив Рудницы; рядом Бабья троста; говорили, бабы гулять ходили; там сухо было, а теперь озеро — троста в озере».

Влáсова Грива (Уласовщина), Уласовская канава. «Власова Грива — это была эстонская деревня; мы-то зовем Уласовщина — это то же самое... Это как от Заход, эта деревня восточнее, километра полтора. Там дворов 17 было, теперь там ничего нет, одни усадьбы [фундаменты]».

«И там речка есть, называем Уласовская канава. Она впадает в Верховскую речку... а канава от деревни Уласовщины как раз на юго-восток, недалеко».

Запедерик, Запедрикская заводь и Запедрикский наволок. «Запедрикская заводь — по берегу 100 м, в

сушу тоже метров 100».

«Запедрик — это берег, тростой заросши, метров 250–300 в северо-западном направлении от Острова; он оканчивается Запедрикским наволоком, выделяется метров на 8–10 в озеро».

Замошье, р. Замушская (Замошская). «Замошска речонка до самого Замушья идет, впадает в ту же реку [Самолву]».

«Замушская речка — она приток такой, а только так называется, она начинается с Замошья, впадает в Самоловскую речку — от Рудницы 2 километра. Она начинается так и слывет Замушская речка, километра полтора длиной».

Яновы Заходы (Еновы Заходы, Ена), Еновские Ворота и Еновский мох. «Яновы Заходы — это деревня, после войны много домиков было, но все дома растащены; один домик стоит полуразрушенный».

«Там эстонская деревня была — Ена. Сейчас нет ничего — немец выселил. Как в него ехать, так туда сейчас одна халупка там оставши, как моя, а было много, жителей тридцать — немец всех выселил».

«Черемушина Грива, она идет с востока на запад, она под водой. По обе стороны, к северу и к югу, идет углубление — Еновские Ворота».

«Еновский мох сразу за углом. Там Чудские Ены были — эстонская деревня — вот мох и назвали».

Каменная Гора и Каменная троста. «Пристань, где пароходы пристают, Кострище, а подальше — Каменная Гора, камень были».

«Как в устье въезжать Самоловки, по леву руку остров Самоловец, а тут дальше Каменная троста. Там камень, чистый камень и троста растет».

Дер. Кобылье Городище и р. Кобылка (Кобыльская речка). «А за Чайкой речка Кобылка, или Кобыльская речка. Она небольшая, а устье как раз, где Чайка. Она такая болотистая речонка, только как раз с юга на

север, до Жалчи-то километра два или полтора — от Кобылья Городища».

Дер. Луг и Луговая поляна. «Луг поближе к Чудским Заходам. От Заход до Луга километра четыре. От Самолвы прямо на юг километра четыре, не больше».

«Дорога на Луг зимняя; так там полянка. Называется Луговая полянка, расстояние небольшое».

Марковщина и Марковская дорога. «Когда была 25 лет служба солдата, там два солдата жили, Сокол и Марко, так и поляны там называются, Марковщина и Соколовщина, они в одно время жили и колодец себе выкопали».

«Марковска дорога — заход к этому кургану, к Марковщине».

Мудольский ручей и Мудольская троста. «После Домахи Ручейная Губа... Потом будет Мудольская троста, и ручей там Мудольский, он прямо в тросту идет, с покоса».

Р. Островская и дер. Остров. «Там деревня Остров. Речка Островская, она не природная — может выкопана в стариках».

Оз. Подмиколье и берег Подмиколье. «В Станку тоже названья: Подмиколье, берег, а после — Подмиколье озеро, посередке, тоже Подмиколье».

Рудницкий Уголок и дер. Рудница. «А поправей Глубокого Ручья, есть местечко такое, Рудницкий Уголок называется, лесок такой. Почему так назвали, я уж не знаю, это от Рудницы к Заходам».

Р. Самоловка (р. Самолва), дер. Самолва, о. Самоловец. «Самоловка река есть. По реке и деревню назвали Самолва».

«Самоловец остров — кличка ему Самоловец».

Совополь и Совопольская заводь.

«Совополь — огорок^[90] такой, по эту сторону Острова, от берега двести метров или триста».

«Совопольская заводь вдаётся в берег метров на 300, длина 600 метров. Напротив заводи, на восток, курган бывши... это называется Совопольский курган или бугор».

Тетерица, Тетерицкая троста и Тетерицкая канава. «За Щучьей Губкой — Тетерица, Старая и Новая. Там раньше деревня была Тетерица, потом перевели всех в Самолву, остались одни фундаменты».

«Залив Бобровицы, он за Тетерецкой тростой, там и Тетерецка канава, она текет с севера на запад».

Ярицища (Ярицище). «Ярицища тут еще есть, полянка така небольшая — полкилометра не будет».

Ярицинская дорога. «Там еще есть Ярицинска дорога, ведет на Ярицище».

Эта тенденция называть близлежащие объекты одним или сходным названием сказывается и в том, что местные жители часто употребляют не официальное название, хотя оно им известно, а свое, причем непременно связывают его с названием объекта, расположенного рядом.

Например, официальное название р. Ровья известно многим местным жителям. Но они предпочитают называть ее Верховянкой, Верховской речкой, объясняя это тем, что на этой реке стоит деревня Верховье.

Вот, там, далеко — озеро и река. Называется Верховская река, а озеро — Чудское; и деревня есть Верховье — от нее и текет Верховская река».

«Река есть Верховянка, потому что впадает в деревне Верховье».

Рассмотренный материал дает все основания предполагать, что Вороний Камень, упоминаемый в летописи как место Ледового побоища, должен был находиться в непосредственной близости от о. Вороний, который в настоящее время существует и известен как местной, так и официальной географии. Останец девонского песчаника, обнаруженный при подводных

исследованиях возле самого Вороньего острова, как нельзя лучше подтверждает это. Песчаник, как известно, интенсивно размывается водой, а это говорит о том, что купол его, и сейчас сохранивший значительные размеры, 700 лет назад был, вероятно, настолько высоким, что вполне мог служить ориентиром.

Кроме того, в народных преданиях, Вороний Камень почти всегда упоминается в одном контексте с Вороньим островом, а нередко эти понятия даже смешиваются.

Подробнее об этом будет сказано в следующем разделе.

IV. Фольклорные материалы

По своему содержанию фольклорные материалы можно разделить на несколько групп:

- 1) предания, связанные с изменением береговой линии;
- 2) предания о древней расселенности;
- 3) предания, непосредственно связанные с Ледовым побоищем.

Наибольшую ценность, на мой взгляд, представляют собой предания 1-й группы. Все они последовательны, не противоречат одно другому и с большой наглядностью подтверждают данные гидрологических исследований берегов и дна озера.

Что же касается преданий двух других групп, то к ним следует подходить с большой осторожностью и не брать их за основу каких-либо самостоятельных выводов. Особенно это относится к преданиям о Ледовом побоище. Дело в том, что популярность Александра Невского среди местных жителей чрезвычайно велика, и каждый из них стремится

рассказать о своем любимом герое как можно больше и красочнее.

Сохранились, однако, народные предания, которые несомненно представляют интерес как дополнительный материал, подтверждающий некоторые выводы.

Предания, связанные с изменением берегов и дна озера, уже приводились во II разделе. Рассмотрим предания, так или иначе относящиеся к Ледовому побоищу.

Вороний Камень. «Вороний остров, где была битва Александра Невского, это недалеко от Самоловки, там бакенщик живет в своей халупе, там же Вороний Камень недалеко под водой».

«А люди-то, что погибли в битве, похоронены; лед треснул, а у нас такой вертолет^[91] — с Наровы вода, и с Гряды вода, вот и не выбраться, — они и могилу нашли в озере. Песчаные горы смешались с кровью, говорят, а Александр Невский сидел на Камне Вороньем и руководил».

Вороний Камень. «Вороний остров, где была битва Александра Невского, на этом островке спасались. Наверное, фамилия начальника была Вороний или еще что — я не знаю, не могу сказать. Около самого Вороньего Камня была битва Александра Невского».

Дер. Заходы. «Заходы — заход войско далеко; между Заходом и Рудницей очень много погибло людей, и это место назвали Рудницей».

Дер. Рудница (Чудская). «Я слышала легенду, что Рудница названа Рудницей, потому много людей там полегло, много крови пролито, а кровь будто называлась "руда"».

«Чудская Рудница — там чудо произошло великое, так и вот и названа Чудская Рудница, и озеро тоже Чудское».

«В древности живши чукши, качуры — 13 племен. По этому названью и назвали озеро Чудским, и Рудница

тоже Чудская; это давно, не помню».

Дер. Путьково. «Путьково названо, будто тут путь прокладывался во время Александра Невского — путь на Заходы от озера».

Чудское озеро. «Там битва была, лед весь побагровел, много утонуло людей — рыцарей там каких-то; действительно здесь бывши чудо — так и названо — Чудское озеро».

Большой интерес представляют предания, относящиеся непосредственно к месту битвы^[92].

«Бой Александра Невского происходил около Вороньего Камня, который находился на севере от деревни Пнево в промоине» (И.Н. Светцов, 70 лет, дер. Пнево).

«Бой происходил у Воронин Камени, около острова Сиговец» (И. Шуров, 90 лет, дер. Чудская Рудница).

«Бой происходил между Вороньим Камнем, что около острова Сиговец и Изменкой» (Ф.Н. Романов, 70 лет, дер. Чудская Рудница).

«Бой был сразу за Самолвой у Узмени» (Ф.В. Бралов, 45 лет, дер. Казаковцы).

«Бой был у Ворония Камени, Невское кладбище под водой» (А.Е. Егоров, 65 лет, дер. Таборы).

В настоящей работе предания, касающиеся места битвы, не берутся за основу выводов. Знаменателен, однако, факт, что разные люди, из разных деревень, расположенных часто на значительном расстоянии одна от другой, указывают одно и то же место. Это — несомненное свидетельство достоверности народных преданий.

Таковы в основных чертах топонимические и фольклорные материалы, которые нам удалось собрать.

Выводы

1. Только очень незначительное число местных названий исследуемого района отражено в летописи. Все остальные названия либо возникли позже, либо не были известны летописцу.

2. Часто объект названия исчезает, само же название сохраняется. Эта закономерность представлена в наших материалах довольно полно и может использоваться при рассмотрении таких вопросов, как вопрос о древней заселенности исследованного района и изменении береговой линии.

3. Если речь идет о более крупном географическом объекте, то местное его название совпадает с географическим. В других случаях географическое название употребляется наряду с местным. Что же касается микрообъектов, то они обычно носят только местное название. Следует помнить о том, что народные названия не всегда четко определяют объект: либо один и тот же объект носит разные названия, либо, наоборот, одинаковые или сходные названия принадлежат разным объектам.

4. Некоторые названия позволяют предполагать древнюю заселенность данного объекта. Раскопки на о. Городец подтвердили эти предположения.

5. Другая группа топонимических названий свидетельствует об изменении берегов и дна озера (о постепенном затоплении берегов водой). Это вполне соответствует данным гидрологических исследований.

6. С большой последовательностью прослеживается тенденция называть близлежащие объекты одним или аналогичным названием. Приведенный материал позволяет предполагать, что большой останец девонского песчаника, обнаруженный аквалангистами на дне озера рядом с о. Вороний и называемый местными жителями тоже Вороньим — именно тот Вороний Камень, который упоминается в летописи при указании места битвы.

7. Народные предания, приведенные в настоящей работе, служат дополнительным материалом к топонимическим данным, касающимся изменения береговой линии, древней заселенности района; некоторые из них (преданий) рассказывают непосредственно о битве и ее месте.

В заключение следует отметить, что выводы относительно древней заселенности и изменения береговой линии полностью совпадают с данными археологических, гидрологических и геологических исследований.

Г.Н. Караев. Ледовое побоище и его трактовка на основе работ экспедиции

Произведенное в течение пяти лет комплексное исследование южной части Чудского озера и озера Теплого в той его половине, которая лежит к северу от линии деревень Мехикорма — Пнево, позволило с возможной на сегодняшний день точностью определить место древней Узмени, на котором к 5 апреля 1242 г. сосредоточилось войско новгородского князя Александра Ярославича и произошла битва, вошедшая в историю под названием Ледового побоища.

Как это видно из помещенных в настоящем сборнике статей непосредственных участников экспедиции: П.А. Раппопорта, Я.В. Станкевич, И.К. Голуновой (археологи), В.С. Кузнецовой (инженер-геолог), Т.Ю. Тюлиной (инженер-гидролог), Г.Н. Шестериковой (филолог), А.С. Потресова (ст. инструктор по туризму и краевед-исследователь), — в ходе экспедиционных изысканий удалось восстановить с научной достоверностью состояние исследованного района, каким он был 700–800 лет тому назад. Впервые оказались выясненными те конкретные условия, в которых действовало здесь более 700 лет тому назад русское войско. На основе этого стало возможным понять, какими соображениями могли руководствоваться русские военачальники, перенося военные действия в район северной части Узмени, а следовательно, возможно ближе подойти и к решению вопроса о том месте, которое было ими избрано, чтобы дать решительный отпор врагу.

Что же представлял собой в середине XIII в. район северной части Теплого озера (в прошлом упоминаемой

летописцем Узмени), где по всем данным произошло Ледовое побоище? Коротко, результаты экспедиционных изысканий, в этой их части, могут быть сведены к следующему:

Под летописной Узменью следует понимать сравнительно узкий проток, соединявший Псковское и Чудское озера и носящий в настоящее время название Теплого озера. Это последнее образовалось из разлившейся Узмени как следствие протекающего на протяжении многих столетий медленного, хотя и неравномерного тектонического процесса, в результате которого происходит подъем северо-западной части Прибалтики и, в частности, района, лежащего между Чудским озером и Финским заливом. Воды Чудского озера при этом перемещаются в юго-восточном направлении, что вызывает подъем их уровня в Теплом озере (Узмени). Изменение конфигурации берегов Узмени происходило главным образом за счет систематического размыва восточного торфянистого берега — его постепенное затопление продолжается и в настоящее время. Берега Узмени были покрыты вековым лесом (преимущественно дуб, сосна, ель) и густым кустарником (ивняк), исключавшими возможность, особенно в условиях глубокого снежного покрова, движения значительного войска с обозом без дорог. Многочисленные остатки этого леса обнаружены экспедицией на дне Теплого озера при подводных изысканиях.

Ледовый режим заставлял к началу апреля прекращать движение через Узмень в наиболее ее узких местах, т. е. между деревнями Мехикорма и Пнево, и особенно в той части ее, которая находится в настоящее время между северной оконечностью мыса Сиговец, о. Станок и западной оконечностью о. Городец. Наименее благоприятны были условия движения по льду на этом последнем участке Узмени, где на крепость льда при его

образовании, кроме ускорения течения и нагонных явлений, оказывали отрицательное влияние выходы на дне напорных грунтовых вод. Вследствие этого лед в этом месте имел пористую, менее прочную, структуру и этим резко отличался от ледяного покрова на остальной поверхности озера. В теплые зимы тут оставались незамерзающие полыньи. Этот участок озера с давних времен получил название «сиговица». Наоборот, состояние льда между мысом Сиговец на севере и дер. Пнево (исключительно) на юге позволяло в начале апреля еще совершенно уверенно переправляться через Узмень.

Непосредственно у восточного берега Узмени находилась широкая полоса мелководья, на которой вода промерзала зимой до дна. Как показали гидрологические изыскания, на этой полосе образовались едва покрытые водой мели. Подобные мели, обычно поросшие камышом, — частое явление и в настоящее время. Зимой, при замерзании воды, на ледяной поверхности остаются торчать из-под снега, подобно островкам, поросшим травой, заросли камыша.

Район юго-восточной части побережья Чудского озера и северо-восточной части Узмени не был в XIII в. глухим. Он находился на пересечении водных и сухопутных торговых путей, связывавших Новгород и Псков с Дорпатом (древний Юрьев, ныне Тарту), Ригой и побережьем Финского залива. Этот район был, по материалам археологических изысканий, заселен значительно гуще, чем остальное побережье. Кроме того, летописный текст приводит под 1459 г. такие данные об этих местах, которые позволяют предполагать, что они уже в то время, исстари, занимали особое место в экономике Пскова. В летописи говорится, что «князь Александр Черторизьский и посадники и псковичи, ехавше на землю и воду святыя

троица на Озолицю и на Жалочко... и сено покосиша и ловцем своим повелеша рыбы ловити по старине»^[93].

Слова «ловцем своим повелеша» и «по старине» говорят о том, что в указанном районе находились, по-видимому, обширные угодья, на которых со стародавних времен производились заготовки рыбы, сена и других сельскохозяйственных продуктов. Все вместе взятое делало район северной части Узмени с устьем р. Желчи и островами Озолица (ныне от нее остались небольшие острова Станок и Лежница), Жалочко (затопленная юго-восточная часть о. Пириссар) и Городецкий весьма удобным местом сосредоточения значительного по своей численности войска; район этот (главным образом Озолица и Жалочко), имея в стратегическом и экономическом отношении важное значение как для новгородцев и псковичей, так и для немецких рыцарей, был предметом постоянных споров и вооруженной борьбы между ними. Он был поэтому укреплен в соответствии с тем уровнем военного искусства, на котором оно находилось в XIII в.

Согласно данным, полученным в результате археологической разведки, можно считать, что к середине XIII в. единой системы обороны восточных берегов Чудского озера и Узмени еще не существовало. Она состояла в основном из возникших разновремененно, и притом значительно раньше, укрепленных городищ, расположенных в труднодоступных местах, отступя на несколько километров от берега озера. Городища эти сооружались на возвышенностях в непосредственной близости от воды. На них отчетливо видны остатки валов, следы эскарпирования склонов и т. п. Не случаен, по-видимому, и выбор места для городища с таким расчетом, чтобы можно было сообщаться с Чудским озером водой (по реке). Хотя на территории городища на Глебовой Горе (рис. 1) и обнаружен культурный слой с керамикой XIII в., можно полагать, что подобные

городища использовались преимущественно в качестве городищ-убежищ, куда при нападении врага спасалось местное население. Характерна в этом отношении гора — Городище, находящаяся среди непроходимых болот между Лахтинским заливом Чудского озера и низовьем р. Желчи.

В районе устья р. Желчи, прикрывая доступ в нее, находились, по-видимому, укрепленные поселения. К ним следует отнести и ныне существующую дер. Кола, которая в XIII в. имела, вероятно, вид большого укрепленного посада. Непосредственно в устье реки, на небольшой возвышенности, носящей название Старые Гривки, находился в те времена небольшой выселок, население которого могло нести сторожевую службу. Как на территории дер. Кола, так и на Старых Гривках обнаружена в культурном слое керамика XIII в.

Крупнейшее значение для выполнения стоявших перед экспедицией задач имело определение с помощью геологических и подводных археологических изысканий места, упомянутого летописцем в качестве ориентира, — вороньего Камня.

Его местонахождение на западной оконечности о. Городецкий и большие размеры не могли не обратить на него внимания. Доказательством этого служат обнаруженные у подножья Вороньего Камня остатки искусственного вала, как можно предполагать, ограждавшего находившееся здесь укрепление — «городец». Возвышаясь над окружающей местностью, Вороний Камень обеспечивал ее широкий обзор и был очень удобным местом для сторожевого поста, наблюдающего за скрещивавшимися в этом районе озерными путями сообщения и за противоположным берегом Узмени, где начинались владения Ливонского ордена. Находившееся у его подножья сооружение играло, по-видимому, роль пограничной заставы и одновременно прикрывало вход в устье р. Желчи.

Наличие укрепленных поселений и «городца» у Вороньего Камня в районе низовья и устья р. Желчи, как показали экспедиционные изыскания, объясняется особым значением, которое имела в XIII в. эта река. Будучи единственной судоходной рекой, впадающей в Узмень с востока, она вместе с тем представляла собой удобный путь (летом на судах, зимой по льду) для проникновения во внутренние области Новгородского княжества. Как выяснило изучение бассейнов рр. Желчи, Плюссы, Луги и отчасти Шелони, по этим рекам и их притокам проходила в древности сеть местных водных путей, соединенных между собой волоками. Результаты исследований показали, что в середине XIII в. эти пути были уже освоены населением и связывали южную часть Чудского озера с Новгородом.

Все это дает достаточно оснований считать, что место для решительного сражения с немецко-рыцарским войском, как его определяет летописный текст — «на Чюдскомъ озеръе, на Узмени, у Воронѣя камени»^[94] — было избрано русским командованием не случайно.

Рис. 1. Глебова Гора (городище у дер. Сторожинец). Укрепленный пункт XIII в.

Произведенные за время работ экспедиции изыскания показывают, что место битвы не могло непосредственно примыкать к Вороньему Камню, как к таковому, так как слабый лед Сиговицы был недостаточно прочен, чтобы выдержать тяжесть сражающихся. Указание летописца в этом случае на Вороний Камень следует понимать как на ближайший к месту битвы широко известный ориентир.

Необходимо было, руководствуясь приведенными результатами экспедиционных работ и теми топографическими данными, которые содержатся в летописном тексте, найти такое место, которое им соответствовало бы и удовлетворяло бы одновременно военным соображениям.

Если, учитывая все это, внимательно исследовать очертания, береговой линии островов Узмени, какими они были в XIII в., согласно произведенным экспедицией гидрологическим изысканиям, становится очевидным следующее:

1) непосредственно у Вороньего Камня битва произойти не могла вследствие слабости льда на Сиговице;

2) к северу от Вороньего Камня, т. е. между ним и Подборовским мысом, это тоже исключается, так как в летописи сказано, что разбитого врага «гоняче, биша ихъ на 7-ми версть по леду до Суболичьскаго берега», а к западу от этих мест простирались обширные поросшие лесом острова, и, таким образом, вести преследование «по леду» не представлялось возможным;

3) к юго-западу от Вороньего Камня находился полуостров, значительная часть которого в настоящее время затоплена; он носит теперь название Сиговец (мыс), так как своей самой северной оконечностью соседствует с «сиговицей».

Этот участок восточного берега Узмени находился в XIII в. (как и сейчас) против самой широкой ее части — до противоположного берега, если смотреть прямо на запад, к дер. Парапалу в настоящее время более 6 км, а до мыса Ухтинка, куда, весьма вероятно, бежали разбитые остатки немецко-рыцарского войска, — до 8 км. Таким образом, в этом отношении участок у западного берега мыс Сиговец очень близко подходит к указанию летописи. Он находится, вместе с тем, неподалеку от Вороньего Камня — менее 1.5 км; это вполне объясняет то обстоятельство, что летописец при указании места битвы назвал именно этот широко известный в данном районе ориентир.

Необходимо, кроме того, иметь в виду, что расстояние между берегами в те времена никто не измерял и око могло быть названо лишь очень приблизительно теми участниками победоносного похода, которые потом, по памяти, рассказали о нем летописцу. Кроме того, в связи с тем, что описание битвы, помещенное в летописи, приукрашено религиозными измышлениями летописца, закономерно предположить, что и цифра «семь» названа им в данном случае как апокрифическая с тем, чтобы выразить полноту одержанной над врагом победы.

Среди других географических названий, упомянутых в летописях при описании Ледового побоища, а позднее утраченных, мы встречаем «Суболичьский берег», до которого русские воины преследовали остатки разбитого рыцарского войска. Как известно, этот вопрос первым исследовал Ю. Трусман, который отнес данное название к местности, прилегающей к юго-западному побережью Чудского озера. Ближе к истине подошел Э.К. Паклар, распространивший его и на западный берег Узмени в ее северной части. О том же рассказывают долгожители дер. Чудская Рудница, связывая

происхождение этого названия с водившимся в старину в лесах западного берега соболем.

Обращают на себя внимание, кроме того, слова летописи «а иных вода потопи». Стремясь вернуться как можно скорее на свой берег, спасавшиеся от преследования рыцари и «чюдь» бежали, придерживаясь, естественно, того направления, которым они оттуда шли. На этом направлении лед был вполне надежен, и трудно предположить, чтобы они стали под него проваливаться. Гораздо вероятнее, что русские воины, зная о соседстве слабого льда на участке «сиговицы», намеренно старались загонять их туда в одиночку или небольшими группами.

Таким образом, место Ледового побоища довольно точно определяется из сопоставления результатов экспедиционных изысканий и тех топографических данных о нем, которые содержатся в летописном тексте. В связи с тем, что береговая линия у мыса Сиговец к настоящему времени изменилась и отодвинулась на 300–400 м к востоку, под местом битвы следует подразумевать участок Теплого озера, находящийся примерно в 400 м к западу от современного берега мыса Сиговец, между его северной оконечностью и широтой дер. Остров. Именно здесь немецкие рыцари атаковали ставшее на защиту своих родных рубежей новгородско-псковское войско. В летописи об этом говорится: «...и наехаша на полк немци и чюдь, и прошибошася свиньею сквозе полк, и бысть сеча ту велика немцемь и чюди».

Имея возможность в настоящее время восстановить на основе экспедиционных работ состояние северо-восточной части Узмени (очертания берегов и их характер, поселения, пути сообщения и пр.) ко времени побоища, можно считать, что при выборе места для битвы Александр Ярославич и состоявшие при нем военачальники руководствовались следующими соображениями:

1. Выбор места на ледяной поверхности Узмени обуславливался тем, что глубокий снежный покров и лесисто-болотистый характер окружающей местности не позволяли развернуть боевой порядок на суше. В то же время известно, что постоянные ветры сдувают излишний снег с ледяной поверхности озера, а тот, который остается, бывает настолько уплотнен, что хорошо выдерживает тяжесть не только пехотинца, но и всадника. Таким образом, именно ледяная поверхность озера, примыкавшая к тогдашнему восточному берегу Узмени, была наиболее благоприятна для вступления в бой с врагом.

2. Лесистый характер берега позволял в известной мере не обнаруживать до момента решительного столкновения действительный численный состав войска. Издали он определялся лишь очень приблизительно по числу дымов от костров. Непосредственно же на берегу находилась только «сторóжа», т. е. охранение. Что касается до немецко-рыцарского войска, то расположением русского войска на восточном берегу Узмени оно вынуждалось к лобовому движению по ее совершенно открытой ледяной поверхности и должно было при этом издали не только заблаговременно показать свои силы, но и свое боевое построение и направление удара.

3. При развертывании боевого порядка русского войска на Узмени, у восточного ее берега, правый фланг его был защищен благодаря наличию севернее, примерно в километре, «сиговицы», через которую немецко-рыцарское войско не могло пройти. Что касается до левого фланга, то его обход был невозможен, так как гладкая поверхность льда Узмени просматривалась вплоть до дер. Изменка (ныне Мехикорма) и даже дальше.

4. Данный участок Узмени в качестве поля предстоящего сражения имел существенные выгоды

еще и в том отношении, что в случае успеха опрокинутого врага можно было при благоприятном обороте дела потеснить к северу, на слабый лед «сиговицы», который не мог выдержать тяжести рыцарского войска. В том же случае, если бы обстановка сложилась неблагоприятно, у русского командования сохранялась возможность отступить вверх по р. Желче во внутренние области Новгородского княжества и вывести, таким образом, свое войско из-под удара врага.

5. Непосредственно боевой порядок русского войска строился, конечно, с трезвым учетом особенностей боевых действий немецко-рыцарского войска, его сильных и слабых сторон. Русские военачальники хорошо знали большую пробивную способность компактного построения (летописная «свинья») рыцарской кавалерии, устоять перед которой пехота, как правило, не могла. В том случае, если бы это произошло, рыцарская конница оказалась бы перед занесенным глубоким снегом лесистым берегом Узмени, который был для нее непроходим. Русские военачальники не могли не знать при этом о неповоротливости этого вражеского построения на поле боя, невозможности его движения в лесу по глубокому снегу, уязвимости его флангов. Русское командование не могло не учитывать, кроме того, невысокие боевые качества вражеской пехоты, набранной главным образом из местных прибалтийских племен и игравшей в рыцарском войске лишь вспомогательную роль.

Кроме приведенных военных соображений тактического характера, русское командование не могло не учитывать и других благоприятных для расположения войска условий, имевшихся в той части Узмени, которая примыкала к устью р. Желчи:

1) более плотная заселенность этого района обеспечивала снабжение войска продовольствием и

фуражом; последнее было особенно важно в условиях зимнего времени года;

2) расположение войска за замерзшей водной преградой, т. е. за Узменью, облегчало обеспечение его от внезапного нападения врага;

3) наличие в тылу р. Желчи, связанной с сетью внутренних водных путей, позволяло русскому командованию сообщаться с Новгородом непосредственно, минуя Псков;

4) сосредоточение русского войска в районе северо-восточной части Узмени имело еще и то важное значение, что лишало немецко-рыцарское командование возможности предпринять поход в южном направлении, на Псков, не вступив с ним в решительное сражение.

Из всего сказанного видно, что результаты произведенных во время экспедиции комплексных изысканий не только позволяют убедительно раскрыть и уточнить летописный текст о месте Ледового побоища, но и впервые устанавливает ряд таких факторов, которые не могли не учитываться русскими военачальниками. Все это дает веские основания для утверждения, что как сосредоточение русского войска в районе северо-восточной части Узмени, так и выбор места Ледового побоища являются взаимосвязанными составными частями общего плана русского командования, нашедшего в сложившихся к весне 1242 г. трудных условиях политической и военной обстановки правильное решение и сумевшего использовать те все же значительные возможности, которые в этих условиях имелись.

* * *

Какова же может быть в настоящее время трактовка Ледового побоища? Дают ли результаты, полученные на

основе экспедиционных изысканий, возможность, кроме определения места битвы, уточнить и дополнить те ее описания, которые до настоящего времени были опубликованы?

Полагаю, что на этот вопрос следует ответить утвердительно. Хотя в задачу экспедиции входило лишь определение места битвы, но совершенно понятно, что, решая этот основной вопрос, невозможно было абстрагироваться от многих других, тесно с ним связанных. В том числе необходимо было решить, какие обстоятельства предшествовали Ледовому побоищу и как, хотя бы в основных чертах, оно произошло. Изучая летописный текст, сопоставляя его с теми данными, которые содержатся в ливонской «Рифмованной хронике», исследуя на месте район сосредоточения русского войска, местные природные условия, с учетом тех данных XIII в., которые получены в результате экспедиционных изысканий, глубже вникаешь в события того далекого времени, лучше понимаешь обстановку, в которой они происходили. Возникающие при этом гипотетические предположения, соответствующие тем сведениям, которые дают первоисточники (летописи, данные археологических изысканий и т. п.), заслуживают, на наш взгляд, внимание историка.

К числу вопросов этой категории прежде всего следует отнести вопрос о том, какое место по отношению к Ледовому побоищу занимают предшествовавшие ему события.

Из Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов мы знаем, что:

1) изгнав немцев из Пскова, князь Александр Ярославич «сам поиде на чюдь. И яко быша на земли, пусти полк в зажития», т. е. вторгся в пределы владений Ливонского ордена;

2) Домаш Твердиславич и Кербет были выдвинуты вперед для разведки; «у моста» они встретили немцев и

вступили с ними в бой; Домаш был убит, а его отряд разбит; остатки отряда прибежали к Александру Ярославичу;

3) узнав о том, что отряд Домаша разбит, князь Александр Ярославич «въспятися на озеро», т. е. отступил обратно на озеро;

4) «Немци же и Чюдь поидоша по них», т. е. стали его преследовать.

Об этом же ливонская «Рифмованная хроника» рассказывает так:

1) князь Александр ворвался «в землю братьев»,^[95] имея при себе войско из Суздаля и лучников;

2) вторжение сопровождалось пожарами и уводом населения в полон;

3) узнав об этом, епископ сразу же направил своих воинов в состав рыцарского войска, чтобы вступить в борьбу с русскими;

4) рыцарское войско быстро изготовилось и выступило в поход.

О столкновении с отрядом Домаша и Кербета ливонская «Рифмованная хроника» не упоминает. Можно предполагать поэтому, что оно не было по своим размерам значительным.

Рис. 2. Ледовое побоище. Обстановка перед началом битвы

Из сопоставления этих двух источников можно видеть, что:

а) Александр Ярославич, вторгнувшись во владения Ливонского ордена, «пусти полк весь в зажития», т. е. разместил находившееся при нем войско по населенным пунктам, не углубляясь далеко в рыцарские земли;

б) вперед, по-видимому в сторону Дорпата, был выслан в конную разведку отряд Домаша и Кербета;

в) говоря о составе русского войска, совершившего нападение, ливонский хронист упоминает «her von Susdal», что может быть понято как дружина Александра Ярославича и лучники, т. е. легкая пехота;

г) вторжение русского войска вызвало сильную тревогу в Дорпате; для отпора ему были мобилизованы все силы ордена, вплоть до епископских копейщиков;

д) рыцарское войско быстро собралось и выступило против русских;

е) оно встретило отряд Домаша и Кербета и разбило его; остатки отряда «к князю прибегоша в полк»;

ж) узнав о приближении рыцарского войска, князь Александр Ярославич отступил обратно на озеро.

Эти данные опровергают убедительным образом утверждения тех авторов, которые трактуют вторжение Александра Ярославича на территорию ордена как завоевательный поход, нацеленный на овладение Дорпатом, с переносом всех военных действий в пределы вражеской земли.

Такой образ действий русского войска был бы в явном противоречии с политической обстановкой, сложившейся в это время в Новгородском княжестве. Слишком тяжело было положение русской земли, подавленной и разоренной монголо-татарами, с

разграбленными и сожженными городами, с погибшими в огне пожаров многочисленными памятниками культуры и зодчества, чтобы возможно было в такую годину бедствия и великого испытания народного думать о походе, целью которого был бы захват орденских земель. Тем более, что орден меченосцев к этому времени, после жестокого поражения, нанесенного ему литовцами при Шавлях в 1236 г., утратил былую самостоятельность и признал свою зависимость от Тевтонского ордена. Последнее означало, следовательно, что при походе на Дорпат затрагивались непосредственно интересы не только ордена меченосцев, но и его могущественного в то время сюзерена — Тевтонского ордена.

Не считаясь с этим важным обстоятельством, игнорируя сложившуюся к весне 1242 г. политическую обстановку в Восточной и Центральной Европе, некоторые авторы видят в произведенном князем Александром Ярославичем вторжении во владения рыцарей-меченосцев начало похода против Ливонского ордена.

Так, например, А.А. Строков по этому вопросу прямо пишет: «После взятия Пскова Александр не стал ждать немцев и повел войско в орденские владения. Не ждать врага, а перенести военные действия в занятую немцами Эстонию — таков был стратегический план русского полководца»^[96]. К этому мнению присоединяется и Е.А. Разин, указав, что «Александр решил продолжать войну на территории самого ордена»^[97]. Еще дальше пошел в этом отношении М.С. Ангарский. Не имея к тому никаких оснований, он стал утверждать, что «ближайшей задачей предпринимаемого похода было овладение городом Юрьевом (!), где находились главные силы немецких рыцарей»^[98].

Нет никакой необходимости доказывать, что приписывать русскому командованию подобные «решения» означает явно не учитывать той исключительно тяжелой обстановки, в которой приходилось русскому народу в это время вести борьбу против агрессивного немецко-рыцарского ордена в Прибалтике.

В очень сложной международной обстановке было необходимо, не откладывая, найти такое стратегическое решение, которое упреждало бы намерения врага и обеспечивало бы надежную защиту западных границ новгородско-псковских земель в Прибалтике.

Это решение не приведено ни в русской летописи, ни в ливонской хронике. Его содержание, однако, довольно отчетливо видно из тех военных действий, которые последовали после освобождения Пскова. В основном оно могло сводиться к следующему:

1) не ждать врага в Пскове и не подвергать город новому нападению, так как было совершенно очевидно, что понеся перед тем поражение, рыцарское командование произведет летом 1242 г. новое нападение на Псков, собрав для этого большое войско;

2) выступив из Пскова возможно скорее, упредить врага в готовности к военным действиям; использовать это для того, чтобы захватить в свои руки инициативу;

3) произведя при этом вторжение в пределы владений Ливонского ордена, вызвать его на сражение с решительными целями в благоприятных для русского войска условиях.

Прямым результатом, вытекавшим из такого решения, и явилось сосредоточение русского войска за Узменью, между нею и устьем р. Желчи. По своему положению на скрещении зимних путей сообщения, не говоря уже о требованиях хозяйственного характера, этот пограничный с Ливонским орденом район мог

лучше, чем какой-либо другой, отвечать требованиям русского командования.

Рис. 3. Ледовое побоище (рисунок из Лаптевского списка Лицевого свода)

Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о том, какими силами было произведено Александром Ярославичем вторжение во владения ордена, можно утверждать, что оно не ставило своей целью глубокое проникновение в орденские земли, а тем более захват Дорпата, так как вместо движения к этому последнему войско расположилось «в зажития».

Это не было, по-видимому, и обычным набегом, так как произведя тревогу во вражеском стане и захватив «полон», Александр Ярославич не торопился с

возвращением в свои пределы. Лишь после того как отряд Домаша и Кербета вступил в бой с рыцарским войском и выяснил его силы, Александр Ярославич «въспятися на озеро», т. е. отступил за Узмень.

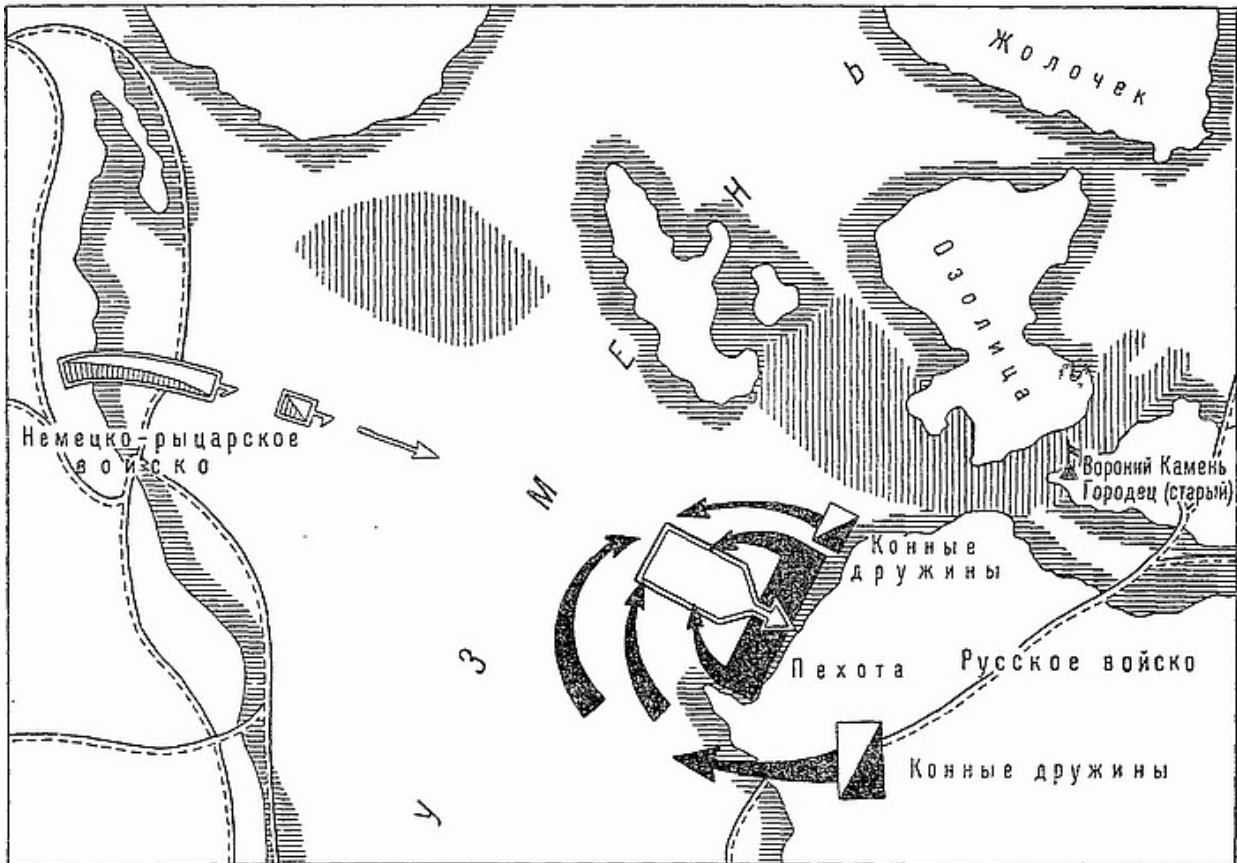

Рис. 4. Ледовое побоище. Окружение рыцарского войска

Образ действий русского войска на территории Ливонского ордена, упоминание в «Рифмованной хронике» о «войске из Суздаля», а также слово «въспятися», употребленное русским летописцем применительно к отходу Александра Ярославича за Узмень, позволяют предполагать, что в нападении на ливонскую приграничную территорию участвовало не

все русское войско, а лишь часть его, может быть, сильный конный отряд с пехотой. Главная задача его была в выяснении сил врага, для чего передовая часть — отряд Домаша и Кербета — вступила в бой с рыцарским войском. Слово «вспятися» означает примерно «вернуться назад», «отступить туда, откуда пришел» и наводит на мысль о том, что русские военачальники предприняли вторжение во вражеские владения из-за Узмени, т. е. из района сосредоточения за ней русского войска, и затем вернулись обратно туда же, полностью выполнив стоявшую перед ними задачу.

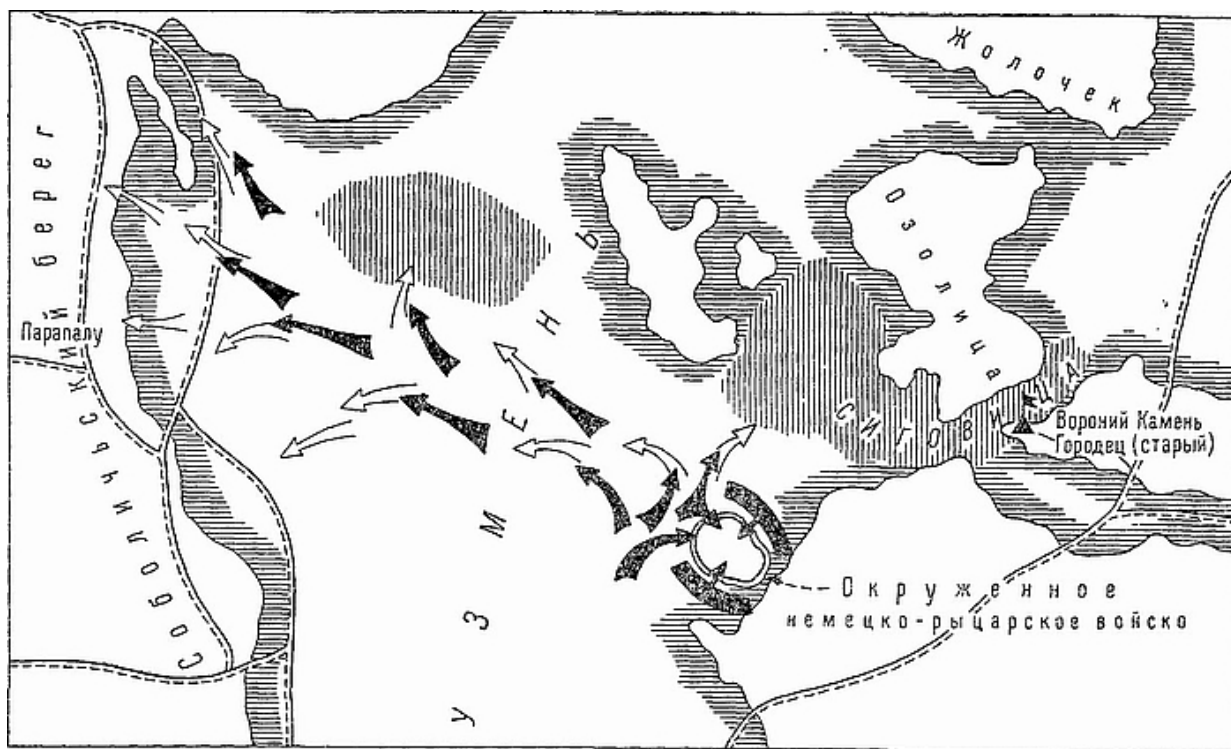

Рис. 5. Ледовое побоище. Преследование рыцарского войска

В пользу того предположения, что в предпринятом Александром Ярославичем вторжении на территорию ордена участвовало не все русское войско, говорит и то

обстоятельство, что рыцари, предприняв преследование, не сумели воспрепятствовать его быстрому возвращению на Умень. В том случае, если бы в нападении участвовало все войско, состоявшее, как известно, преимущественно из пехоты, ему было бы гораздо труднее, если не сказать невозможно, оторваться от преследующего его конно-рыцарского войска и оно, вероятнее всего, оказалось бы вынужденным принять бой в явно невыгодных условиях.

О последующих событиях Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов сообщает:

1) Александр Ярославич «поставиша полкъ на Чюдьскомъ озере, на Умени, у Воронѣя камени», т. е. построил войско в боевой порядок для встречи врага;

2) «и наѣхаша на полкъ Немци и Чюдь и прошибошася свиньею сквозь полкъ» — рыцари в сопровождении пехоты атаковали русское войско и своим компактным боевым построением прорвали его строй;

3) произошла «сѣча ту велика Нѣмцемъ и Чюди», т. е. ожесточенный бой, в котором рыцари и находившаяся с ними пехота из прибалтийских племен подверглись избиению; «немци ту падоша, а Чюдь даша плеща», — сообщает летопись;

4) «и, гоняче, биша их на 7-ми версть по льду до Суболичьского берега» — битва закончилась избиением бегущих по льду на протяжении семи верст до противоположного Суболичского берега.

Это свидетельство русского летописца очень интересно сопоставить с записью, сделанной ливонским хронистом. В «Рифмованной хронике» читаем:

1) в начале битвы было видно, как войско рыцарей, подавив стрелков, проникло в расположение русского войска, т. е. первый успех был на стороне рыцарей;

2) затем завязалась ожесточенная сеча — «был слышен звон мечей и видно было, как рассекались

шлемы. С обеих сторон убитые падали на траву»;

3) «wer in der brüdere her was, die wurden ummeringet gar» — это свидетельство врага о полном окружении всех, кто находился в рядах рыцарского войска, существенным образом дополняет русские летописные источники (рис. 4).

Далее ливонская хроника сообщает, что рыцари дрались очень хорошо, но были перебиты.

Как можно видеть, описание Ледового побоища в Новгородской 1-й летописи старшего и младшего изводов в целом ряде моментов совпадает со свидетельством ливонской «Рифмованной хроники». Учитывая, что авторы этих первоисточников не только не знали друг друга, но и не были знакомы с текстами сделанных ими записей, следует исключить возможность какого-либо заимствования. Это заставляет отнестись к обоим источникам с доверием. Как же протекала битва, если сопоставить русский летописный текст с «Рифмованной хроникой» ливонского хрониста?

а) местоположение поля сражения в хронике совпадает с определением, имеющимся в летописи; отсутствие упоминания о Вороньем Камне вполне понятно, так как ливонцы, естественно, о нем не знали;

б) в обоих источниках упомянуто о первоначальном успехе, который был одержан рыцарским войском;

в) в обоих говорится в дальнейшем об ожесточенной сече, в ходе которой, видимо, успех перешел на сторону русского войска;

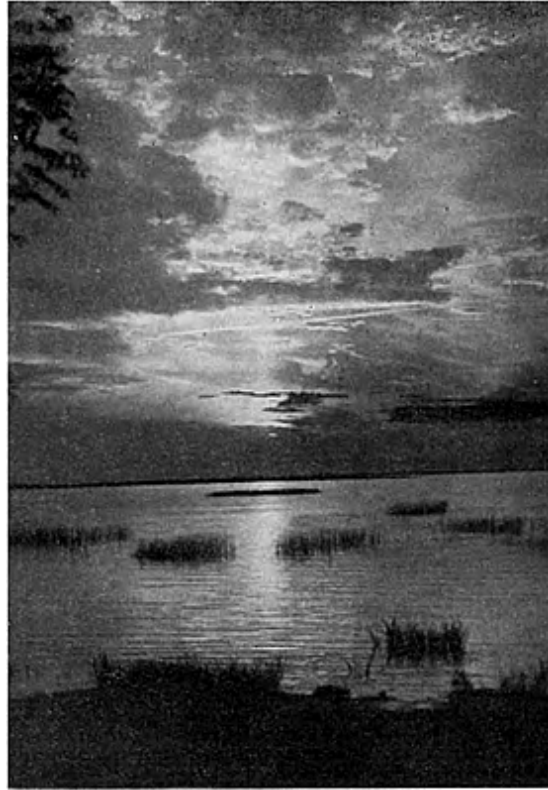
г) большой интерес представляет свидетельство «Рифмованной хроники» об окружении рыцарского войска; поскольку это войско было в основном конным, трудно предположить, что окружение его могло быть произведено силами только русской пехоты, гораздо вероятнее, что это было осуществлено с участием конницы, т. е. дружины Александра Ярославича, его брата Андрея и др.;

д) оба источника одинаково свидетельствуют далее о том, что немецкие рыцари дрались стойко, но были перебиты;

е) русская летопись дополняет это последнее сообщением о бегстве «чуди», т. е. пехоты рыцарского войска, и преследовании, которому она подверглась на ледяной поверхности Узмени (рис. 5).

Таким образом, при сопоставлении текста Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов с теми сведениями, которые сообщает ливонская «Рифмованная хроника», мы получаем весьма полное и достаточно достоверное описание Ледового побоища. Это описание можно только дополнить некоторыми гипотетическими соображениями.

Ни тот, ни другой источник не сообщают нам, в каком боевом порядке вступило в битву русское войско. Небольшой намек на это делает то место «Рифмованной хроники», в котором говорится о том, что было видно, как войско рыцарей проникло в ряды русских. Учитывая те боевые порядки, которые применялись русским войском в XIII–XIV вв., и приведенное свидетельство ливонского хрониста, можно предполагать, что пехота, т. е. ополченские воины, среди которых было немало добровольцев из местного населения, была построена широким флангообразным многошереножным строем. Конница, основу которой составляла новгородская княжеская дружина, судя по ходу битвы, могла быть помещена за одним из флангов, вероятнее — левым флангом, с тем, чтобы, используя свою подвижность, вступить в сражение там, где это окажется наиболее необходимым. Не исключается при этом и ее помещение не за одним, а за обоими флангами.

***Рис. 6. Заросли камышей на мелководье у восточного берега
Теплого озера***

Окружению рыцарского войска способствовало искусно выбранное русскими военачальниками место битвы. Дело в том, что своим тылом боевой порядок русского войска почти примыкал к лесистому восточному берегу Узмени. Когда в начале битвы рыцарское войско одержало успех и прорвало боевой порядок русского войска, оно уткнулось в непроходимый для него, занесенный глубоким снегом и покрытый лесом и густым ивняком берег и вынуждено было остановиться. Утратив в ходе боя четкость своего первоначального компактного боевого построения, оно оказалось под ударами обступивших его с боков русских воинов. В это примерно время, как можно предполагать,

вступила в бой русская конница. Обладая повышенной подвижностью, она могла не только охватить тот или другой фланг рыцарского войска, но и захлестнуть его тыл.

Это создавало для рыцарского войска страшную угрозу полного окружения. Первой увидела эту опасность, попав под удары дружинников, «чюдь», т. е. следовавшая за рыцарями пехота. Она обратилась в бегство и этим поставила меченосцев в еще более тяжелое положение, так как обнажила их тыл. После этого меченосцы сбились в плотную массу и утратили способность к маневру. С этого момента исход битвы был уже предрешен.

Текст ливонской «Рифмованной хроники» сообщает нам при этом интересную подробность, имеющую прямое отношение к определению места Ледового побоища.

Дело в том, что, рассказывая о кровавом побоище, которое развернулось на льду Узмени, хроника сообщает, что с обеих сторон убитые падали на траву. Как уже упоминалось выше, построившись на примыкавшей к восточному берегу Узмени полосе мелководья, русское войско оказалось среди торчащих из-под снега зарослей камыша, который упомянут в хронике как «трава». Будучи и в настоящее время весьма распространенными на мелководных местах, эти камышовые заросли, находившиеся на месте Ледового побоища (рис. 6), являются лишним доказательством того, что битва произошла именно на том участке современного Теплого озера, который определен в результате экспедиционных изысканий.

Весьма интересно в этом последнем отношении и то дополнение, которое по сравнению с цитированной выше Новгородской 1-й летописью старшего и младшего изводов содержится в тексте Софийской 1-й летописи. При описании Ледового побоища, говоря о

преследовании разбитого противника «на 7 верьст по леду до Суболичьеского берега», летописец добавил: «а иных вода потопи»[\[99\]](#).

***Рис. 7. Место Вороньего Камня (у о. Вороний) и Ледового побоища
(фотоснимок с вертолета)***

Это свидетельство приобретает особое значение, если учесть, что определенный в результате гидрологических экспедиционных исследований участок «сиговицы» находился примерно в одном километре к северу от места Ледового побоища. Построив свой боевой порядок на мелководном, промерзшем до дна прибрежном участке Узмени, русское войско вполне могло воспользоваться близостью «сиговицы» и загонять на ее слабый лед пытающихся спастись от его ударов врагов.

Таким образом, и это свидетельство подтверждает правильность определения места Ледового побоища согласно тому, как это произведено на основе экспедиционных долевого изысканий. Современные

очертания береговой линии против того места, где произошло Ледовое побоище, можно видеть на рис. 7.

* * *

Одержав полную победу над немецко-рыцарским войском и оградив этим западные пограничные рубежи новгородско-псковских земель от новых вторжений со стороны агрессивного Ливонского рыцарского ордена, князь Александр Ярославич и состоявшие при нем военачальники, несмотря на полную к тому возможность, не предприняли завоевательного похода в рыцарские владения — русское войско вернулось в Псков, а затем и в Новгород.

Это последнее обстоятельство является еще одним, если не прямым, то весьма убедительным дополнительным доказательством того, что предшествовавшее Ледовому побоищу вторжение русского войска в пределы Ливонского ордена никак не следует рассматривать как поход на Дорпат и т. п. После же одержанной победы, воздержавшись от такого похода, русские военачальники во главе с князем Александром Ярославичем проявили глубокое понимание той общей политической обстановки, в которой находилось Новгородское княжество, и государственную мудрость.

Как видно из всего сказанного, комплексные изыскания, предпринятые экспедицией первоначально с узкой целью определения места, где произошло 5 апреля 1242 г. Ледовое побоище, позволили не только с научной обоснованностью определить это место, но и уточнить ряд вопросов, освещающих обстановку, в которой произошла эта битва. Сделанные при этом некоторые предположения или выводы, имеющие гипотетический характер, направлены на уточнение тех

мест летописного текста, которые не содержат совсем или содержат в недостаточной степени вытекающие из общего контекста положения.

На основе полученных во время экспедиции материалов и их сопоставления с русским летописным текстом и текстом ливонской «Рифмованной хроники» впервые удалось не только установить место Ледового побоища, но и с необходимой для научного исследования достоверностью восстановить и объяснить ряд связанных с Ледовым побоищем действий русского войска.

Приложения

Ю.К. Бегунов, И.Э. Клейненберг и И.П. Шаскольский. Письменные источники о Ледовом побоище^[100]

Сражение Александра Невского с немецкими рыцарями на Чудском озере уже с очень давних пор было объектом исследования со стороны русских историков: о нем еще в XIX в. писали Н.М. Карамзин, И.Д. Беляев, Н.И. Костомаров, Ю. Трусман, Е.В. Чешихин, А.И. Бунин и др.^[101] Однако в дореволюционной науке этому событию не придавали должного значения и оно изучалось довольно поверхностно; авторы, касавшиеся Ледового побоища, обычно лишь кое-как пересказывали текст летописи. Углубленным источниковедческим исследованием данного вопроса дореволюционные историки не занимались.

Только советская наука в 1930-е годы смогла установить выдающееся значение битвы на Чудском озере в истории нашей Родины и шире — в истории всей Восточной Европы. В работах советских историков было доказано, что на льду Чудского озера героические русские воины остановили надвигавшуюся на Русь волну немецко-рыцарской агрессии, остановили многовековой немецко-рыцарский *Drang nach Osten*, ранее приведший к покорению и порабощению ряда народов центральной и Восточной Европы.

С 1937–1938 гг., с момента появления первых советских работ о Ледовидом побоище, накопилось огромное количество научных и научно-популярных сочинений, посвященных этому сражению и другим событиям, связанным с деятельностью Александра Невского^[102]. Кроме того, Ледовому побоищу уделяется видное место во всех общих трудах, курсах и учебных

пособиях по истории СССР, по истории военного искусства, и т. д.

Правда, подавляющее большинство (из общего числа нескольких сот) вышедших за последние четверть века работ о Ледовом побоище носит популярный характер; их авторы не ставят перед собой никаких исследовательских задач и просто пересказывают уже известные факты, изложенные еще дореволюционными учеными и первыми советскими историками, писавшими о данном сражении. Обычно этими авторами Ледовое побоище освещается только по данным русской летописи (и то в большинстве случаев — не на основании подлинного летописного текста, а по пересказам летописных известий, сделанных в более ранних работах). Наряду с правильными положениями популярные сочинения, начиная с брошюры А.И. Козаченко (и под большим влиянием этой первой крупной брошюры на данную тему),^[103] внесли в научную литературу о Ледовом побоище много ошибок и неточностей, повторявшихся многократно самыми различными авторами^[104]. Распространению этих ошибочных положений способствовало то обстоятельство, что довольно долго и битва на Чудском озере, и другие победы Александра Невского большинству ученых казались исследованными до конца и представляющими интерес лишь для популяризаторов; за прошедшие четверть века лишь очень немногие авторы, писавшие о Ледовом побоище, занимались не рассказом об этом сражении (точнее — не пересказом одних и тех же фактов), а научным исследованием данного события с позиций марксистской науки. В числе последних авторов прежде всего должно быть названо имя М.Н. Тихомирова, первым из советских ученых опубликовавшего несколько исследовательских работ о Ледовом побоище и других событиях, связанных с деятельностью Александра Невского^[105].

Почти все исследовательские работы советских ученых о Ледовом побоище выполнены за последние 10–15 лет^[106]. Наибольшее внимание ученых привлекал вопрос о месте Ледового побоища; данному вопросу были посвящены и полевые исследования экспедиции Академии наук (результаты которых публикуются в настоящем томе)^[107]. Некоторые авторы специально изучали битву на Чудском озере с военно-исторической точки зрения^[108]. Исследовалась также предыстория Ледового побоища^[109]. Была сделана и первая в нашей литературе попытка источниковедческого анализа одного из главных источников для изучения Ледового побоища — «Рифмованной хроники»^[110].

Перед советскими историками, обращавшимися к изучению битвы на Чудском озере, обычно сразу же возникали значительные трудности, не всеми авторами осознанные, но заметно отражавшиеся на результатах их работы — неразработанность данной темы в источниковедческом плане. Это касается и русских источников, и особенно источников западного происхождения. До сих пор в русской историографии не было специальных исследований источников о Ледовом побоище, и это обстоятельство вынуждало каждого автора, желавшего не просто переписывать рассказ своих предшественников (как это делали авторы многих популярных работ), самому в меру своих возможностей разбираться в сохранившихся источниках; но, не зная специфических особенностей этих источников, многие авторы принимали за реальные факты литературные домыслы и украшательство, имеющиеся в тексте жития Александра Невского (особенно — в его поздних редакциях) и в тексте ливонской «Рифмованной хроники».

Поэтому назрела настоятельная необходимость произвести специальное изучение всех сохранившихся

источников, освещающих историческое сражение на Чудском озере.

Русские источники

Рассказы о Ледовом побоище русских летописей и Жития Александра Невского являются основными источниками, сообщающими о событиях, происшедших 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера — о времени, месте, характере и ходе сражения. Однако до сих пор вопрос о сравнительной ценности и достоверности этих рассказов в научной литературе не обсуждался.

По словам одного из исследователей, Э.К. Паклара, «опираясь на известный летописный рассказ — на тексты Новгородских (главным образом Новгородской 1-й) — Псковских, Софийских, Никоновской летописей, различные авторы высказывали весьма разноречивые мнения о месте Ледового побоища»^[111]. Рассказ о Ледовом побоище в летописях разного происхождения представлялся большинству историков единым и относительно достоверным. При цитировании предпочтение отдавалось тексту Новгородской 1-й летописи, как наиболее обстоятельному и компактному, но, кроме него, охотно цитировались и наиболее яркие отрывки из Софийской 1-й летописи, Воскресенской, Симеоновской и других летописей и из Жития Александра Невского, дополняющие характеристику Ледового сражения яркими батальными сценами и отдельными реалиями (А.И. Козаченко, А.А. Савич, А.И. Яковлев, В.Т. Пашуто, Э.К. Паклар, А.А. Строков, Е.А. Разин, С.В. Липицкий и многие другие). При этом историки пользовались источниками некритически, т. е. не отделяя исторически достоверных известий от литературного вымысла, не учитывая время и место происхождения цитируемых ими рассказов о Ледовом побоище. Очень часто исследователи обращались к литературному произведению — Житию Александра

Невского, считая его свидетельства абсолютно достоверными. Так например, А.И. Козаченко пишет: «До нас дошло сказание "О велицем князе Александре". Автор этого сказания был современником Александра, знал его и был свидетелем его подвигов, был "самовидец возраста его". Этот свидетель имел возможность и сам видеть и слышать от участников похода и от самого князя Александра о настроении русского войска. Продолжение сказания в погодной записи, посвященной событиям 1242 года, подтверждает, что и летописец заметил необыкновенный подъем духа, царивший в русском войске перед битвой на Чудском озере. Войско заявляло единодушно, что оно готово положить свои головы за Русь, за народ, возглавляемый витязем Александром Невским: "Тако бо бяше у князя великого Александра множество храбрыхъ, яко же древле у Давыда царя силнии и крѣпции; тако же воя великого князя Александра исполнишася духа ратна: бяху бо сердца ихъ же, акы лвомъ, и ркоша: «О княже нашъ честный и драгий! Нынѣ приспѣ время положити главы своя за тя»»^[112]. И далее: «Это было невиданное по ожесточению сражение. Треск от ломающихся копий, звуки ударяющихся мечей, топоров наполнили воздух. Кровь скоро покрыла место боя, и красные ручьи начали разливаться по льду. Летописец со слов очевидца пишет: "И бысть ту съча зла и велика Нѣмцемъ и Чюди, и трускъ отъ копей ломления и звукъ отъ мечного сѣчения, яко же морю померзшю двигнутися. И не бѣ видети леду: покрыло бо есть все кровию"»^[113].

Однако ни древнему летописцу, ни свидетелю подвигов князя Александра, ни несуществующему сказанию «О велицем князе Александре» рассказы «о необыкновенном подъеме духа» в русском войске и подробное описание сечи не принадлежат. Эти рассказы являются литературным домыслом монаха

Рождественского монастыря во Владимире, составлявшего в 80-е годы XIII в. Житие Александра Невского, и основаны на традиционной литературной манере описания сражений того времени, а не на впечатлении очевидцев. Если верить автору Жития, то «самовидец» не только слышал пламенную речь дружинников Александра и горячую молитву князя на поле битвы, но и видел «полк божий на въздусѣ», пришедший на помощь великому князю Александру Ярославичу. Такое безграничное и слепое доверие историка к своему источнику может неожиданно привести его к признанию достоверности «чудес»^[114].

Об исторической ценности известий литературного произведения Жития Александра Невского справедливо пишет академик М.Н. Тихомиров: «Составитель упомянутой биографии Александра (Жития Александра Невского, — Ю.Б.) сравнивает его с известными историческими лицами; по красоте — с Иосифом Прекрасным, по силе — с библейским Самсоном, по храбрости — с римским императором Веспасианом, взявшим и разорившим Иерусалим. Тот же биограф добавляет, что Александр имел "возраст (т. е. рост, — М.Т.), паче иных человек, глас его, яко труба в народе". На этом основании некоторые историки довольно наивно представляли Александра Ярославича человеком громадного роста, с зычным, трубоподобным голосом. На самом деле эти сравнения дают очень мало для суждения о внешности героя — князя, т. е. они заимствованы из книжных источников, хотя и говорят о том, что Александр производил на современников незаурядное впечатление»^[115]. По справедливому замечанию Тихомирова, все это относится к области литературы, а не к истории.

Однако некоторые историки даже после выхода в свет упомянутой выше работы М.Н. Тихомирова все еще продолжают слепо верить в буквальную достоверность

известий литературного Жития: «Летописцы, которые обычно не распространяются о внешности других князей, — пишет А.И. Яковлев, — любят изображать наружность Александра. Из их описаний мы заключаем, что он был очень хорош собой, могуч, высок ростом, широк в плечах и обладал звучным голосом. Когда он говорил с шумным новгородским вечем, то голос его, по словам летописца, "гремел, как труба"»^[116]. Как мы видим, Яковлев пользуется известиями Софийской 1-й или Воскресенской летописи, не задумываясь над тем, что эти известия проникли в летопись из литературного Жития Александра Невского.

В.Т. Пашуто, например, пишет: «Не удалось крестоносным грабителям "укорить Словенский язык ниже себе"», ссылаясь при этом на текст Новгородской 1-й летописи младшего извода и не указывая, что эти слова принадлежат не летописцу, а автору Жития Александра Невского^[117]. А.И. Козаченко пишет следующее: «Орден бросил клич, призывавший к покорению русских. Рыцари, по свидетельству летописца, так и говорили, хвалясь: "Укорим Словенский язык!"»^[118]. И далее: «В марте 1242 года под начальством брата Александра — князя Андрея прибыли низовые полки. Это была помощь "в множестве дружины", как говорит современник. Можно сказать, что войско, собранное Александром, было первым многочисленным войском, которое Русь собрала после разгрома ее татарами»^[119]. В том же духе пишет и С.В. Липицкий: «"Унизим славянский язык", — говорили рыцари, собираясь в поход... Спесивые рыцари не сомневались в успехе похода и хвастливо заявляли: "Пойдем победим великого князя Александра и имем его руками"»^[120]. Ни Пашуто, ни Козаченко, ни Липицкий не учитывают, что похвальба врага перед битвой и выражение «во множестве дружины» не могут иметь

силу исторического источника, так как являются проявлением средневекового этикета в литературе (трафарет ситуаций и трафарет формул).

Военный историк А.А. Строков пишет: «Наш летописец сообщает: "Они же гордии, совокупишася и реша: Пойдем, победим великого князя Александра и имем его руками"», [\[121\]](#) ссылаясь на текст Софийской 1-й летописи, не указывая, что эти слова принадлежат не летописи, а Житию Александра Невского, и не замечая, что переданы они в Софийской 1-й летописи с искажением: вместо «инин же городи» — «они же гордии».

Другой военный историк Е.А. Разин пишет: «Судя по летописным миниатюрам, боевой порядок был обращен тылом к обрывистому крутому берегу озера, а лучшая дружина Александра укрылась в засаде за одним из флангов» [\[122\]](#). Очевидно, Разин имеет в виду миниатюры Лаптевского тома Лицевого летописного свода третьей четверти XVI в., изображающие Александра Невского с войском у Вороньего Камня, встречу с рыцарским войском на льду Чудского озера и Ледовое побоище [\[123\]](#). Однако на основании этих миниатюр невозможно судить ни о боевом порядке войск, ни о засадном полке. «Средневековые миниатюры, — пишет А.В. Арциховский, — являются не столько зарисовками средневековых городов и войск, сколько условными схемами, живущими своей книжной жизнью... Миниатюристы вообще верно следовали тексту, тем не менее сведения, сообщаемые текстом рукописей, в рисунках иногда существенно дополнены, иногда своеобразно истолкованы» [\[124\]](#). Миниатюрист третьей четверти XVI в. искусно, в условной, символической манере, иллюстрировал текст Никоновской летописи о Ледовом побоище (лл. 931 об. — 940). Текст Никоновской летописи внизу под миниатюрой на л. 937 обчитается следующим образом: «И, укрепився силою крестною,

ополчивси поиде на них, наступиша же озеро Чюдское. Бысть же обоих множество велми. Отець же его великий князь Ярославъ Всеволодич прислал ему на помочь брата его меншаго князя Андрѣа со множеством вой своих. Тако бо бяше у великаго...».

Очевидно, миниатюрист попытался изобразить в правом верхнем углу князя Ярослава в городе, посылающего князя Андрея с дружиной на подмогу князю Александру, в левом верхнем углу — князя Андрея с дружиной, а в центре — встречу русского и немецкого войск на льду Чудского озера. Никакого засадного полка на миниатюре нет (рис. 1).

Некоторые историки, признавая, что Житие Александра Невского является главнейшим источником и оказало большое влияние на летописные рассказы о Ледовом побоище, тем не менее строят свои работы на неопределенном сводном тексте рассказа о Ледовом побоище. Так, например, А.А. Савич пишет следующее: «Главнейшим источником, на основании которого мы восстанавливаем историю победы новгородского князя Александра Ярославича Невского над шведами в 1240 г. и немцами в 1242 г., является его Житие»^[125]. И далее: «Мы в настоящем докладе не подвергаем изучению проблему, в каком из летописных сводов наиболее точно передается первоначальный текст Жития Александра Невского. Отдельные варианты Жития, очень часто — результат редакторской руки составителя того или иного свода, не вносят существенных изменений в рассказы о Невской и Чудской победах Александра Невского над врагами русского народа. Варианты эти интересны в том отношении, что они показывают нам, как жил и развивался текст самого Жития»^[126].

Однако в дальнейшем А.А. Савич так ни разу и не обратился к тексту первой редакции Жития Александра Невского — он излагает ход Ледового побоища по Новгородской 1-й, Псковской 1-й, Воскресенской,

Львовской, Никоновской летописям, так и не выяснив, какое же отношение эти тексты имеют к Житию Александра Невского и как они соотносятся между собой^[127].

В настоящей работе мы попытаемся восполнить этот пробел, выяснить взаимоотношение всех русских письменных источников о Ледовом побоище между собой и определить их сравнительную ценность как исторического источника.

По месту своего происхождения все ранние письменные известия XIII в. о Ледовом побоище можно разделить на следующие группы: I— новгородские, отразившиеся в Новгородской 1-й летописи старшего извода; II — псковские, отразившиеся в Псковских 1-й, 2-й и 3-й летописях; III — ростовские, отразившиеся в Суздальской летописи; IV — суздальские, отразившиеся в Лаврентьевской летописи; V — владимирские ранние, отразившиеся в Житии Александра Невского первой редакции. В шестую группу мы условно выделяем владимирские поздние известия, отразившиеся во «Владимирском летописце» XVI в. Каждая из первых пяти групп известий XIII в. возникла независимо одна от другой, имея своим прямым и непосредственным источником события, происшедшие на льду Чудского озера в начале апреля 1242 г.

I. Наиболее обстоятельный и подробный рассказ о Ледовом побоище находится в Новгородской 1-й летописи старшего извода (рис. 3).

«В лѣто 6750. Пойде князь Олександръ с Новгородци и с братомъ Андрѣемъ и с Низовци на Чюдскую землю на Нѣмци и зая вси пути и до Пльскова. И изгони князь Пльсковъ, изъима Нѣмци и Чюдь, и, сковавъ, поточи в Новъгородъ, а самъ пойде на Чюдь. И яко быша на земли, пусти полкъ весь в зажития, а Домашъ Твердиславичъ и Кербетъ быша в розгонѣ, и усрѣтоша я Нѣмци и Чюдь у моста, и бишася ту. И убиша ту Домаша,

брата посадника, мужа честна, и инѣхъ с нимъ избиша, а инѣхъ руками изымаша, а инии къ князю прибѣгоша в полкъ. Князь же въспятися на озеро, Нѣмци же и Чюдъ поидоша по нихъ. Узрѣвъ же князь Олександръ и Новгородци, поставиша полкъ на Чюдьскомъ озерѣ, на Узмени, у Воронья камени. И наѣхаша на полкъ Нѣмци и Чюдъ, и прошибошася свиньею сквозѣ полкъ. И бысть съча ту велика Нѣмцемъ и Чюди. Богъ же и святая Софья и святою мученику Бориса и Глѣба, еюже ради Новгородци кровь свою прольяха, тѣхъ святыхъ великими молитвами пособи богъ князю Александру. А Нѣмци ту падоша, а Чюдъ даша плеща; и, гоняче, биша ихъ на 7-ми верстѣ по леду до Суболичьскаго берега. И паде Чюди бещисла, а Нѣмецъ 400, а 50 руками яша и привелоша в Новѣгородъ. А бишася мѣсяца априля въ 5, на память святого мученика Клавдия, на похвалу святыхъ Богородица, в субботу»^[128].

В Синодальном списке этот рассказ написан третьим полууставным почерком 30-х годов XIV в., однако, очевидно, он восходит к одному из новгородских летописных сводов середины XIII в., составлявшихся при церквях св. Якова и св. Софии^[129]. Этот рассказ имеет специфическую новгородскую окраску (говорится о помощи св Софии и князей Бориса и Глеба, в отличие от псковских летописей, где говорится о помощи св. Троицы) и сообщает интересные подробности:

1) в освобождении Пскова участвовали, кроме новгородцев с князем Александром, суздальцы с братом Александра князем Андреем;

2) прежде чем изгнать немцев из Пскова, князь Александр занял все дороги, ведущие к городу;

3) изгнав немцев из Пскова, князь Александр отправил пленных в Новгород, а сам перенес военные действия на Чудскую землю;

4) Домаш Твердиславич, брат посадника, и Кербет были отправлены в «розгон», т. е. в конную разведку,

[130] в то время как основные силы были заняты военной операцией с целью сбора продовольствия и фуража у населения вражеской стороны; [131]

Рис. 1. Ледовое побоище (рисунок из Лаптевского списка Лицевого свода)

5) русская разведка встретила немцев на гати, «у моста» (может быть, около нынешнего Моосте) и была разгромлена: Домаш Твердиславич был убит, а остальные были либо взяты в плен, либо бежали к князю Александру;

6) узнав о движении немецких сил, князь Александр повернул обратно на лед Чудского озера;

7) немцы и чудь стали его преследовать;

8) князь Александр поставил свои войска на Узмени, у Вороньего Камня;

9) немцы и чудь пробили строй русского войска «свиньею», но были разгромлены;

10) бегущих врагов русские преследовали и били на протяжении 7 верст до Суболичского берега;

11) потери немцев составили 400 человек убитыми, 50 — пленными, потери чуди были большими — «бещисла»;

12) дата Ледового побоища — 5 апреля 1242 г., суббота, день памяти «мученика» Клавдия и похвалы богородице;

13) всех пленных привели в Новгород.

В этом рассказе особо подчеркивается (трижды) роль новгородцев в битве. Полнота и точность являются характерными чертами новгородского рассказа о Ледовом побоище. Прав М.Н. Тихомиров, когда он пишет: «Наиболее древним летописным свидетельством надо считать запись о битве на Чудском озере в Синодальном харатейном списке XIV века... Заметка новгородской летописи — самая древняя по происхождению и сделана каким-либо новгородцем, судя по термину "Низовци", которым в Новгороде обозначали жителей Владимиро-Суздальской земли. Об этом же говорит и характерная фраза: "Узрѣвъ же... Олександръ и Новгородци", а также отсутствие упоминания о псковичах, которые были только что освобождены от немецких захватчиков»^[132].

II. Интерес для историка представляют летописные записи псковичей, бывших участниками описываемых событий.

Псковская 1-я летопись (по Тихановскому списку)

«В лѣто 6750. Пришед князь Александръ и изби Нѣмецъ во градъ Псковъ, и градъ Псковъ избави от безбожных Нѣмецъ, помощию святыя троица. И бишася с ними на леду; и пособи богъ князю Александру и мужемъ Новгородцемъ и Псковичами; овы изби и овы

связавъ босы поведе по леду. Сий бой бысть месяца апрѣля въ 1 день; и бысть во градѣ Псковѣ радость велия. И рече князь Александра: «О муже Псковичи, се же вамъ глаголю: аще кто и напослѣдь моих! племенникъа или прибѣжит кто в печали или тако приидет жити во град Псков, а вы его не примете и не почтете его, и наречетеся вторая Жидова»^[133].

Псковская 2-я летопись

«В лѣто 6750. Князь Александръ, помощию святыя трица, изби Немець во Пскове, и тако избави град Псковъ от иноплеменных Немець; и бися с ними на леду и одолѣ, месяца априля 1, овы изби, овы извязавъ поведе босы по леду. И тако клятвою извѣща Псковичемъ, глаголя: "Аще кто и напослѣди моих племенникъ прибѣжить кто в печали или так приедет к вамъ пожити, а не примете, ни почьстете его акы князя, то будѣте окаанни и наречетеся вторая Жидова, распеншеи Христа"»^[134].

Псковская 3-я летопись

«В лѣто 750. Александръ князь изби Немець въ Псковѣ и град Псковъ избави от безбожныхъ иноплеменник Немець помощию святыя трица. И бися с ними на леду; и пособи богъ князю Александру и мужемъ Новгородцемъ и Псковичемъ, ови изби, ови извяза, руками поймав, и повѣде босы по леду, априля 1, и бысть во Пскове радость велика. И рече Александръ Псковичемъ: "Се же вамъ глаголю: аще напослѣдокъ моих кто соплѣменникъ или кто прибежит в печали или такъ приедет жити к вамъ во Псковъ, а не примѣте его, а не почтете его, и наречетеся втораа Жидова"»^[135].

А.Н. Насонов считает, что запись о Ледовом побоище в Псковских 1-й и 2-й летописях относится к числу древнейших псковских летописных записей середины XIII в. В это время в Пскове при церкви св. Троицы начинает создаваться летописный свод, впоследствии послуживший источником протографа псковских

летописных сводов середины XV в.^[136] По поводу этой записи М.Н. Тихомиров замечает: «Замечательнее всего, что псковские летописи не сообщают ничего дополнительного об этой памятной битве и только в число участников битвы вставляют псковичей»^[137]. Однако это не совсем так. Из псковских летописей мы узнаем следующие факты: 1) в 1242 г. князь Александр вначале освободил г. Псков от немцев, 2) а затем бился с немцами на льду 3) при помощи войска, состоявшего из новгородцев и псковичей; 4) победил немцев 1 апреля 5) и повел пленных в Псков «босыми» по льду озера; 6) в Пскове была большая радость по случаю победы; 7) князь Александр обратился к псковичам с укоризненной речью, призывая их никогда не забывать то, что он сделал для Пскова, и всегда с исключительным вниманием принимать у себя князей из его рода.

На наш взгляд, эта речь может быть истолкована не как подлинная речь князя Александра, обращенная к соучастникам измены посадника Твердилы Иванковича, а как речь самого летописца, сочувствовавшего суздальским князьям из рода Александра Ярославича. Почти сто лет, до середины XIV в., военная власть над Псковом находилась у князей, связанных с этим родом: у Андрея (1252 г.) и Ярослава (1253–1254 гг.), братьев Александра Невского; Василия (1257 г.), сына Александра Невского; Святослава Ярославича (1264–1266 гг.), племянника Александра Невского; литовского князя Довмонта — Тимофея (1266–1299 гг.), женатого на Марии, дочери Дмитрия, сына Александра Невского и т. д.^[138] Не исключена возможность, что псковский летописец знал местное предание о какой-то речи, произнесенной князем Александром после Ледового побоища. Однако точной записи этой речи не сохранилось и летописец прибегнул к импровизации. Судя по тому, что летописец как бы призывает псковичей помнить о военных заслугах князя

Александра и хорошо принимать князей из его рода, можно предполагать, что «речь князя Александра» была составлена во второй половине XIII в. и, следовательно, вся летописная запись псковских летописей о Ледовом побоище датируется второй половиной XIII в. Все остальные известия псковских летописей, за исключением неверно названной даты — 1 апреля, кажутся нам вполне заслуживающими доверия.

III. Ростовские летописные известия о Ледовом побоище, отразившиеся в Академическом списке Суздальской летописи, отличаются лаконичностью:

«В лѣто 6750. Ходи Александра Ярославичь с Новѣгородци на Нѣмци и бися с ними на Чюдскомѣ озерѣ, у Ворониа камени, и победи Александръ и гони по льду 7 верстъ, сѣкучи их»^[139].

Эти записи, составленные в Ростове при епископской кафедре и вошедшие в ростовский свод 60–70-х гг. XIII в.,^[140] сообщают только лишь три факта: (1) битва князя Александра с немцами состоялась в 1242 г. (2) на Чудском озере, у Вороньего Камня (3) и окончилась полной победой русских, гнавших врагов по льду 7 верст. Этот же летописный рассказ читается в тексте реконструированной М.Д. Приселковым Троицкой летописи и в Летописном своде XV в.^[141]

IV. Суздальский рассказ о Ледовом побоище находится в Лаврентьевской летописи, составленной в 1377 г. монахом Лаврентием. Эта летопись представляет собой «Летописец 1305 г.», отразивший в известиях 40-х годов XIII в. ростовское или суздальское летописание^[142].

«В лѣто 6750. Великий князь Ярославъ посла сына своего Андрѣа в Новѣгородъ Великий, в помочь Олександрови на Нѣмци, и победиша я за Плесковом на озерѣ, и полонъ многъ плѣниша, и возвратися Андрей къ отцю воему с честью»^[143].

Этот рассказ подробно проанализирован М.Н. Тихомировым. Он пишет следующее: «Известие Лаврентьевской летописи интересно тем, что оно сохранило суздальскую версию о битве на Чудском озере. В этой версии ни слова не сказано о новгородцах и только упоминается о главном герое битвы Александре, вся честь битвы приписана Андрею, об участии которого в битве в свою очередь молчат новгородские летописи. Таким образом, перед нами несомненное суздальское известие, причем известие древнее, потому что князь Андрей Ярославич не представлял собой фигуры, которая оставила благодарный след у потомков и современников»^[144].

V. Владимирский ранний рассказ о Ледовом побоище отразился в Житии Александра Невского первой редакция, составленной в Рождественском монастыре во Владимире в 80-е годы XIII в. младшим современником князя, — монахом Рождественского монастыря во Владимире. Приводим здесь текст рассказа о Ледовом побоище по реконструированному нами первоначальному тексту^[145].

«По побѣдѣ же Олександровѣ, яко же побѣди короля, в третий год, в зимнее время, поиде на землю Немецкую в велицѣ силѣ, да не похвалятся, ркуще: "Укоримъ Словеньскый языкъ ниже себе". Уже бо бяше град Плесковъ взят, и тиуни их посажени. Тѣх же князь Олександро изыма, град Плесковъ свободи от плѣна. А землю их повоева и пожже, и полона взя бес числа, а овѣх иссече. Инии же гради совокупишася Нѣмечьстии и рѣкоша: "Пойдемъ и побѣдим Олександра и имемъ его рукама". Егда же приближишася ратнии, и почюша я стражие Олександрови. Князь же Олександръ оплѣчися и поидоша противу себе, и покриша озеро Чюдское обои от множества вой. Отець же его Ярославъ прислалъ бѣ ему брата меньшаго Ондрѣя на помощь въ множествѣ дружинѣ. Тако же и у князя Олександра

бѣше множество храбрыхъ, яко же древле у Давыда царя силнии, крѣпции. Тако и мужи Олександрови исполнишася духомъ ратнымъ: бяху бо сердца ихъ, акы сердца лвомъ, и рѣша: "О, княже нашъ честный! Нынѣ приспѣ время намъ положити главы своя за тя". Князь же Олександръ, воздѣвъ руцѣ на небо, и рече: "Суди ми, боже, и разсуди прю мою отъ языка велерѣчна и помози ми, боже, яко же древле Моисѣви на Амалика и прадѣду моему Ярославу на окааннаго Святополка".

Бѣ же тогда субота, възходящу солнцю, и съступишася обои. И бысть сѣча зла и трускъ отъ копий ломления и звукъ отъ сѣченія мечнаго, яко же и озеру померзѣшу двигнутися. И не бѣ видѣти леду: покры бо ся кровию.

Си же слышахъ отъ самовидца, иже рече ми, яко видѣхъ полкъ божий на въздузѣ, пришедши на помощь Олександрови. И тако побѣди я помощию божиею, и даша ратнии плеща своя и сѣчахуть я, гоняще, акы по аеру, и не бѣ камо утещи. Зде же прослави богъ Олександра предъ всѣми полкы, яко же Исуса Наввина у Ерегона. А иже рече: "Имемъ Олександра рукама", сего дастъ ему богъ в руцѣ его. И не обрѣтесе противникъ ему въ брани никогда же.

И возвратися князь Олександръ с побѣдою славною. И бѣше множество много полоненыхъ в полку его, и ведяхуть я босы подле коний, иже именуютъ себе божиимъ ритори.

И яко же приближися князь къ граду Плескову, игумени же и попове в ризахъ со кресты и весь народъ срѣтоша ѿ предъ градомъ, подающе хвалу богови и славу господину князю Олексаидру, поюще песнь: "Пособивый, господи, кроткому Давыду побѣдити иноплемьеники и вѣрному князю нашему оружиемъ крестнымъ и свободити градъ Плесковъ отъ иноязычникъ рукою Олександровою".

О, невѣгласи плесковичи! Аще сего забудете и до правнучать Олександровых, и уподобитесь Жидом, их же препита господь в пустыни манною и крастелми печеными, и сихъ всѣхъ забыша и бога своего, изведшаго я от работы изъ Египта.

И нача слыти имя его по всѣмъ странамъ, и до моря Египетъскаго, и до горъ Араратьскихъ, и обону страну моря Варяжъскаго, и до великаго Риму».

Житие Александра Невского — это типичное литературное произведение в жанре княжеского жизнеописания. Оно создано для прославления князя Александра Ярославича как непобедимого воина, подобного Веспасиану, Самсону, Давиду, заступника Русской земли и местнопочитаемого святого, поэтому в центре Жития находится образ князя, дорогой и близкий для современников, а исторические события являются не чем иным, как второстепенным фоном. Общей тенденцией автора Жития Александра Невского было стремление усилить церковную окраску рассказа о Ледовом побоище: князь Александр одерживает победу с помощью бога и «небесных сил», патрональных святых Пскова, Новгорода и Русской земли. Рассказ Жития о Ледовом побоище изобилует массой реминисценций и устойчивых формул, взятых из библейских книг, из паремийного чтения в честь Бориса и Глеба, из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, из южнорусских летописей (типа Галицко-Волынской летописи)^[146]. Как доказал В.И. Мансикка, автор Жития воспользовался описанием сражения между Ярославом Мудрым и Святополком Окаянным из паремийного чтения в честь Бориса и Глеба:

«И прииде Ярославъ в силѣ велицѣ и ста на Лтѣ поле, идеже убиша Бориса; и възрѣвъ на небо, и рече: "Крѣвь брату моею въпиеть к тебѣ, владыко! Мъсти крѣвь правѣднующую, яко же мъстилъ еси кровь Авьлеву и положилъ на Каинѣ стѣнание и трясение; тако положи и

на семь оканьнѣмь". И помоливъся и рече: "Брата моя, аще теломъ отшла еста отсуду, нъ молитвою ми помозита на противнаго сего и убийцю гордаго"! И се ему рекшю, и поидоша противу сему, и покрыта поле Льтское обои отъ множества вой. Бѣ жь пятъкъ тѣгда, възходящю солнцю, приспѣ бо во тѣ чинѣ Святопѣлкѣ с Пѣченѣгы, и съступишася обои, и бысть сѣча зла, и по удолисмъ крѣвь тѣчаше, и съступишася тришьды, и омеркоша биющеся. И бысть громъ великъ и тутнѣ, и дожгъ великъ, и мѣлния блистание. Егда же облистяху мѣлния, и блистяхуся оружия в руках ихъ, и мнози вѣрнии видяху ангелы помогающа Ярославу. Святополкъ же, давъ плещи, побѣжъ»^[147].

Описание победы и бегства врагов, как заметил еще В.И. Мансикка, сходно с подобным же описанием победы Тита над евреями у Генисаретского озера из третьей книги «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия: «Тит же и вой его, по полю гоняще, сѣчяху. И хотящим к граду бѣжати, и възвращаху, преже гнавше, мало же ихъ утѣче»^[148]. Автор Жития широко пользуется сравнениями и параллелями из библейской истории (из киши «Царств» и из книги Иисуса Навина): «мужи» Александра сравниваются с «сильными и крепцами» «храбрами» Давида, князь Александр, победивший немцев, — с кротким Давидом, победившим филистимлян; дважды — в уста молящегося на поле битвы князя и в уста встречающих князя-победителя горожан вкладываются вариации на темы псалмов Давида; возвращение князя Александра с Ледового побоища имеет параллель с возвращением Давида после победы над филистимлянами, а слава князя Александра — со славой Иисуса Навина и Давида^[149].

Укоризненное обращение автора Жития к псковичам «о невелигласи (невежды, — Ю.Б.) плесковичи» сходно с речью князя Александра в Псковских 1-й и 2-й летописях и, на наш взгляд, либо заимствовано автором Жития из

псковской летописи второй половины XIII в., либо восходит к общему с ним источнику (псковскому преданию?).

Таким образом, рассказ Жития Александра Невского о Ледовом побоище может быть использован в качестве исторического источника лишь с большими ограничениями. Если из этого рассказа вычесть все то, что приходится на долю заимствований, традиционных литературных формул и литературного вымысла, то останутся следующие факты, в пользу достоверности которых свидетельствуют и другие источники (например, Новгородская 1-я летопись старшего извода, Псковская и Суздальская летописи):

1) поход князя Александра на немецкую землю состоялся на третий (по мартовскому летосчислению) год после Невской битвы, т. е. зимой — 1242 г.;

2) Псков был освобожден от немцев, и военные действия были перенесены на немецкую территорию;

3) немецкие города объединились в военный союз, и их войска выступили навстречу русским;

4) дозорная стража первая заметила приближение немецких ратных;

5) князь Александр повернул назад и заставил противника выйти на лед Чудского озера;

6) князь Ярослав прислал на помощь дружину своего сына князя Андрея;

7) битва началась в субботу, на восходе солнца;

8) Ледовое побоище окончилось полной победой русских, преследовавших бегущих врагов;

9) в плен было взято много вражеских воинов и в том числе тот, кто хвастался перед битвой пленить князя Александра;

10) победители вели пленных рыцарей босыми возле своих коней;

11) горожане торжественно встретили князя Александра в Пскове.

Итак, большинство известий владимирского Жития восходит либо к известиям новгородским 2, 5, 8, либо к известиям псковским 1, 10, 11, либо к известиям суздальским 6. Новыми являются известия 3, 4, 7 и вторая часть известия 9, благодаря чему рассказ о Ледовом побоище Жития Александра Невского сохраняет ценность исторического источника.

По своим литературным достоинствам рассказ Жития о Ледовом побоище заслуживает высокой оценки. Глубоко эмоциональный, динамичный и патетичный, изобилующий традиционными литературными формулами, рассказ о Ледовом побоище относится к числу лучших образцов описания сражений в русской прозе XIII в.

Все остальные рассказы о Ледовом побоище в русских летописях и в различных редакциях Жития Александра Невского, хотя они и содержат богатый материал для изучения летописного и агиографического стилей, сами по себе почти никаких новых фактов о Ледовом побоище не содержат, так как в конечном итоге восходят к указанным выше группам известий. Наиболее распространенным среди них является рассказ, соединяющий известия новгородские и владимирские; этот рассказ впервые появляется под пером составителя Новгородско-софийского свода 30-х годов XV в. Он отразился в Новгородской 1-й летописи младшего извода (вторая редакция Жития Александра Невского)^[150]. Вторая редакция Жития Александра Невского известна нам в трех видах: в Новгородской 1-й летописи младшего извода (первый вид), в Софийской 1-й летописи (второй вид) и в Лихачевском сборнике конца XV в. (третий вид). Приводим текст рассказа о Ледовом побоище из Новгородской 1-й летописи младшего извода по Комиссионному списку.

«В лѣто 6750. Пойде князь Александръ с Новгородци и с братомъ Андрѣемъ и с Низовци на Чюдскую землю на

Нѣмци, в зимѣ, в силѣ велицѣ, да не похвалятся, ркуще: "Укоримъ Словенскый языкъ ниже себе". Уже бо бяше Псковъ взят, и тиюнѣ их посаженѣ. И князь Александръ зая вси пути до Плесков а. И изгони князь Псковъ, и изима Нѣмци и Чюдъ, и, сковавъ, поточи в Новъгород, а самъ поиде на Чюдъ. И яко быша на земли, пусти полкъ всь в зажить я, а Домашъ Твердисланицъ и Кербетъ быша в розгонѣ. И убиша ту Домаша, брата посадница, мужа честна, и иных с нимъ избиша, а иных руками изимаша, а инѣи къ князю прибѣгоша в полкъ. Князь же въспятися на озеро, Нѣмци же и Чюдъ поидоша по нѣх. Узрѣвъ же князь Александръ и Новгородци, поставиша полкъ на Чюдскомъ озерѣ, на Узменѣ, у Воронья камени. И наступиша озеро Чюдское, бяше бо обоих множество много. Бяше бо ув Олександра князя множество храбрых, яко же древле у Давыда цесаря силни, крѣпци. Тако же мужи Александрови исполнишася духа ратна, и бяху бо сердца имъ акы лвомъ, и ркоша: "О княже нашъ честный и драгый! Нын ѣ приспѣ время положити главы своя за тя". Князь же Александръ, въздѣвъ руцѣ на небо, и рече: "Суди, боже, и расуди прю мою от языка велерѣкчѣна. Помози ми, господи, яко же древле Моисиеви на Амалика и прадѣду моему Ярославу на оканьнаго Святополка".

Бѣ бо тогда день суботный, възходящю солнцю, и наихаша полкъ Нѣмци и Чюдъ, и прошибошася свинье ю сквозѣ полкъ. И бысть ту сѣча велика Нѣм цом и Чюдѣ, трускъ от копий ломления и звукъ от мечнаго сѣчѣния, яко и морю померзѣшю двигнутися. И не бѣ видѣти леду: покрыло всю кровию.

Се же слышах от самовидца, и рече ми, яко видѣх полкъ божи и на въздусѣ, пришедший на помощь Александровѣ. И побѣди я помощью божиею и святой Софѣи и святую мученику Бориса и Глѣба, еюже ради древле крови прольяха. И Нѣмци ту падоша, а Чюдъ даша плещи и, гонящие я, билѣ на 7 верѣсть по леду до

Соболичькаго берега. И паде Чюди бещисла, и Немѣць 500, а иных 50 руками яша и приведоша в Новѣгород. А бися априля въ 5, на память святого мученика Феодула, на похвалу святыя Богородица, в субботу. Здѣ же прослави богъ Александра предъ всѣми полкы, яко Исуса Навгина у Ерихона. Они же рекли: "Имемъ Александра руками", и сих дасть ему богъ в руцѣ его. И не обрѣтесе противникъ ему во брани никогда же.

Възвративъ же ся Александръ съ славною побѣдою, бяше бо полна множество в полку его, и ведяху их подлѣ конь, иже именуются божии рыторѣ.

Яко приближися князь Александръ къ граду Пскову, и стрѣтоша его многъ народ, а игумены и попове в ризахъ такоже срѣтоша съ кресты и предъ градомъ, поюще славу господню князю Александру: "Пособивый господи кроткому Давыду побѣдити иноплеменники и вѣрному князю нашему оружьемъ крестынымъ свободити град Псковъ от иноязычныхъ рукою Александровою".

О невѣгласии псковичи! Аще се забудете до правнучать Александровъ, уподобитесе Жидомъ, их же препита господь в пустыни крастели печены. И сии всѣхъ забыша бога своего, изведшаго из работы египетския.

И нача слыти имя Александрово по всѣмъ странамъ, и до моря Хупожьскаго, и до горъ Аравитьскихъ, и обону страну моря Варяжьскаго, и до самого Рима»^[151].

В рассказ о Ледовом побоище Новгородской 1-й летописи младшего извода сравнительно с рассказом Новгородской 1-й летописи старшего извода внесены лишь небольшие изменения: цифра убитых немцев «500» вместо «400» и вместо «на память святого мученика Клавдия» — «на память святого мученика Феодула»^[152]. Составителем Новгородско-Софийского свода 30–40-х гг. XV в., отразившегося в сокращенном виде в Новгородской 4-й и 5-й летописях, в летописи Авраамки, Рогожском летописце и в полном виде в Софийской летописи, были добавлены новые

подробности: новгородцы взяли в плен «50 нарочитых воевод... а иных вода потопи, а инии злѣязвени отбегоша»^[153]. Только в Софийской 1-й летописи вместо «на память святаго мученика Феодула» опять восстановлено — «на память святаго мученика Клавдия».

Новым в Софийской 1-й летописи является известие о том, что немецкий «местерь» (гроссмейстер Ливонского ордена?) «съ всеми бискупы (епископами, — Ю.Б.) своими и съ всѣмъ множеством языка ихъ» вышел против князя Александра, «с помочью королевою», т. е., по всей вероятности, с военной помощью датского короля, во владении которого (с 1219 г. по 1346 г.) находилась Эстляндия. Однако источник, из которого заимствовано это известие, нам неизвестен. В остальном Софийская 1-я летопись повторяет текст, идентичный тексту Новгородской 1-й летописи младшего извода, с небольшими добавлениями отдельных фраз и выражений из первой редакции Жития Александра Невского.

Приводим текст рассказа о Ледовом побоище из Софийской 1-й летописи по списку Оболенского.

«В лѣто 6750. Пойде великий князь Александръ Ярославичъ съ братомъ своимъ Андрѣмъ и с Новогородьци и с Низовци на Немецьскую землю в силѣ велице, да не хвалится, ркуще: "Укоримъ Словѣньскый языкъ, нежели себя". Уже бо бяше взятъ градъ Псковъ, и тиуни ихъ посажени въ градъ. Великий же князь Александръ Ярославичъ зая всѣ пути до Пскова, и изгони градъ, и изъймавъ Нѣмци и Чюдъ и намѣстники Немѣцьскыя и сковавъ, и поточи в Новъгородъ, а градъ Псковъ свободи отъ плѣна. А землю ихъ повоева и пожже, и полона много взя, а иныхъ иссѣче. Они же гордии совокупишася и рѣша: "Пойдемъ, побѣдимъ великаго князя Александра и имемъ его руками".

Егда же приближишася, и почюдишася стражие великаго князя Александра Ярославича силѣ

Немецъской. Самъ же великий князь Александръ поклон и ся святой Троицѣ и поиде на землю Немецъскую, хотя мьстити кровь крестияньскую. Бѣ бо зима в то время, яко же бысть на земли ихъ. И пусти вся полкы своя в зажития, и Домашъ Твердиславичъ и Кербетъ быша в розгонѣ. И убиша Домаша ту, брата посаднича, мужа добра, и иныхъ много избиша с нимъ, а иныхъ руками яша, а инья прибѣгоша к великому князю в полкы. Се же слышавъ, местерь изыде противу ихъ съ всѣми бискупы своими и съ всѣмъ множествомъ языка ихъ и власти ихъ, что ни есть на сей сторонѣ, и с помочью королевою. И снидоша на озеро, глаголемое Чюдское, Великий же князь Александръ Ярославичъ въспятися на озеро. Немьци же и Чюдъ поидоша по нихъ. Князь же великий постави полкы на озерѣ Чюдскомъ, на Узмени, у Воронья камени. Укрѣпився силою крестной и ополчи в с я, поиде на нихъ. Наступиша же озеро Чудское, бысть же обоихъ множество велми. Отець же его, великий князь Ярославъ Всеволодичъ, прислалъ бѣ ему на помощь брата его меншаго, князя Андрѣя, со множествомъ вой своихъ. Ако бо бяше у великаго князя Александра множество храбрыхъ яко же древле у Давида царя силнии и крѣпции. Тако же воя великаго князя Александра исполнишася духа ратна: бяху бо сердца имъ, акы лвомъ и ркоша: "О, княже нашъ, честный и драгий! Нынѣ приспѣ время положити главы своя за тя". Великий же князь Александръ, въздѣвъ руцѣ на небо и рече: "Суди, боже и рассуди прго мою отъ языка велерѣчива. Помози ми, господи, яко же древле Моисѣви на Малика, и прадѣду моему великому князю Ярославу на окаяннаго Святополка".

Бѣ бо тогда день суботный, възходящу солнцю, и съступишася обои полци, и Нѣмци же и Чюдъ пробишася свиньєю възквозѣ полкъ. И бысть ту сѣча зла и велика Нѣмцемъ и Чюди, трускы отъ копий ломления и звукъ отъ мечнаго сѣчения, яко же морю померзѣшу

двигнутися. И не бѣ видѣти леду: покрыло бо есть все кровию.

Се же слышахъ отъ самовидьца, и рече ми, яко видѣхъ полкы божии на въздусѣ, пришедъше на помощь великому князю Александру Ярославичю. И побѣди я силою божиего и святыя Софьи и святую мученику Бориса и Глѣба, его же ради кровь свою прольяха. И даша ратни плещи своя на раны и сѣчахуть я, гонящи, яко по аеру, и не бѣ имъ камо утещи, и биша ихъ на 7 верьсть по леду до Суболическаго берега. И паде Немѣць 500, а Чюди бесчислено множество. А руками яша Немѣць 50 нарочит ыхъ воеводъ и приведоша я въ Новъгородъ, а иныхъ вода потопа, а инии злѣ язвен и отбѣгоша. А бысть бой сий апреля месяца въ 5, на похвалу святыя богородица, а на память святого мученика Клавдия. Здѣ же прослави богъ великаго князя Александра Ярославича предъ всѣми полкы, яко Исуса Навгина у Ерегона. Сии же ркли Нѣмци: "Имемъ великаго князя Александра руками", и сѣхъ ему богъ предасть в руцѣ его. И не обрѣтесе противникъ ему въ брани никогда же.

Възвратившу же ся великому князю Александру съ славною побѣдою, бяхе же много полона въ полку его: ведяхуть бо я подлѣ кони, иже именуются риторы.

И яко же приближися великый князь Александръ Ярославичъ къ граду Пскову, и срѣтоша его съ кресты игумени и попове в ризахъ и народъ многъ предъ градомъ, поюще славу господню великому князю Александру Ярославичю: "Пособивы, господи, кроткому си Давиду побѣдити иноплеменикы и вѣрному князю нашему оружиемъ крестнымъ свободити градъ Псковъ от иноязычникъ и от иноплеменникъ рукою великаго князя Александра".

О невѣгласи псковичи! Аще забудете се и до правнучать великаго князя Александра Ярославича, уподобистесе Жидомъ, ихъ же препита господь въ

пустыни крастели печеными. И забыша благость бога своего, изведшаго ихъ изъ работы егупетьскыя Моисѣемъ. Се же вамъ глаголю: "Аще кто приидеть и на послѣдь рода его великихъ князей или въ печали приѣдетъ к вамъ жити въ Псковъ, а не примите его или не почтете его, наречетея вторая Жидова".

И нача имя слыти великаго князя Александра Ярославича по всѣмъ странамъ отъ моря Варяжескаго и до моря Понтейскаго, и до моря Хупожескаго, и до страны Тивирискыя, и до горъ Араратскихъ, обону страну моря Варяжескаго и горъ Аравитскихъ, даже и до Рима великаго. Распространи бо ся имя его предъ тмы тмами, предъ тысуца тысящами. И тако прииде къ Новгороду с великою побѣдою»^[154].

В Лихачевском сборнике и в третьей редакции Жития отразился этот же рассказ, но если в Лихачевском сборнике он дополнен отдельными словами и выражениями из первой редакции Жития,^[155] то в третьей редакции этот рассказ сильно сокращен^[156]. Через посредство московского летописания XV в. рассказ Софийской 1-й летописи о Ледовом побоище широко проникает в общерусское, тверское, ростовское, холмогорское, вологодское и псковское летописание XV–XVI вв. От текста первой редакции Софийской 1-й летописи зависят рассказы о Ледовом побоище в Никаноровской^[157] и Вологодско-Пермской летописях,^[158] от текста второй редакции Софийской 1-й летописи (близкого к списку Царского) зависят рассказы о Ледовом побоище в Московском своде конца XV в.,^[159] Воскресенской,^[160] Симеоновской^[161] летописях. В Ермолинской,^[162] Львовской,^[163] Уваровской,^[164] Прилуцкой,^[165] Типографской^[166] летописях и в Тверском сборнике,^[167] восходящих в конечном итоге не к своду 1479 г., а к своду 1477 г., редактировавшим текст московского свода 1472 г.^[168] рассказ о Ледовом

побоище был значительно сокращен. Тенденция к сокращению своего источника, в том числе и к сведению на нет повествования об Александре Невском, на наш взгляд, также может быть объяснена местным характером летописания конца XV — начала XVI в., отразившегося в названных выше Ермолинской и других летописях. В стилистически переработанном и дополненном виде рассказ Софийской 1-й летописи встречается в Никоновской летописи^[169].

Владимирский рассказ о Ледовом побоище из первой редакции Жития Александра Невского в соединении с известиями московских летописных сводов первой половины XVI в. нашел распространение в поздних редакциях Жития Александра Невского XVI–XVII вв.: во Владимирской редакции 1547–1552 гг.,^[170] в редакции псковича Василия-Варлаама середины XVI в.,^[171] в Степенной книге 1563 г.,^[172] в редакции Ионы Думина 1591 г.,^[173] в Прологе,^[174] в сокращенных редакциях XVII в. — Викентия и Тита^[175].

Итак, основу известий о Ледовом побоище Новгородской 1-й летописи младшего извода и Софийской 1-й летописи, а также всех зависимых от них рассказов о Ледовом побоище других летописей составляют известия I группы (новгородские) и известия V группы (владимирские ранние). При их использовании как исторических источников необходимо принимать во внимание, что летописные тексты XV–XVII вв. значительно отстоят по времени от самого события (1242 г.) и за весь этот период неоднократно подвергались большому литературному редактированию.

VI. Владимирский поздний рассказ о Ледовом побоище отразился во Владимирском летописце XVI в. Приводим текст этого рассказа:

«Того же лѣта, в зиму, ходиша князь Александръ Ярославичъ Нѣвский с Новгородци на Немци. И сшедшимся им на озере Плесковском и ту на озере том бысть бой великъ с Нѣмци. И победи Нѣмецъ Александръ князь, а Плесковъ взя опять Новугороду. В лѣто 6750. Посла князь великий Ярославъ сына своего князя Андрѣя в Великий Новѣгород в помощь сыну своему Александру на Нѣмцы. Приидоша Нѣмци к Новугороду, и князь Александръ съ братом своим княземъ Андрѣем и с Новгородци стрѣтишяся с ними на Ладожском озере, и бысть бой великъ и побишя князь Александръ Нѣмецъ, а иных руками яша, а князь Одрѣй възвратися къ отцу своему с честию великою»^[176]. Согласно М.Н. Тихомирову, в основе «Владимирского летописца» лежит свод, близкий к Троицкой летописи, в соединении с московскими, владимирскими и новгородскими известиями^[177]. В тексте летописи заметно удвоение известий о Ледовом побоище. Это удвоение произошло в результате механического соединения двух разных рассказов из разных летописных сводов: 1) известия новгородского по происхождению о сражении на Плесковском озере, окончившемся победой и возвращением Плескова «опять Новугороду» и 2) известия суздальского по происхождению об участии князя Андрея со своей дружиной, при этом неверно названо место сражения — Ладожское озеро вместо Чудского. Как исторический источник о Ледовом побоище владимирские поздние известия особого интереса не представляют.

На рис. 2 предлагаем схему взаимоотношения известий русских письменных источников о Ледовом побоище.

Итак, все изученные нами русские письменные рассказы о Ледовом побоище, находящиеся в летописях и в литературных памятниках XI–XVII вв., не содержат новых заслуживающих доверия историка сведений, чем-

либо дополняющих известия пяти названных выше групп известий XIII в. Они лишь повторяют (или искажают) владимирские, новгородские, псковские, ростовские и суздальские известия XIII в. и потому не могут служить достоверным историческим источником. Таким образом, вышеназванные I — новгородский, II — псковский, III — ростовский, IV — суздальский и V — владимирский ранний, VI — владимирский поздний рассказы о Ледовом побоище могут использоваться в качестве исторического источника не в одинаковой мере, а с учетом тенденции, места и времени происхождения каждого рассказа и относительной достоверности сообщаемых в нем сведений. Наиболее важным и ценным историческим источником является рассказ XIII в о Ледовом побоище Новгородской 1-й летописи старшего извода.

Разумеется, все сказанное выше не означает, что мы отрицаем ценность различных редакций «Жития Александра Невского» XVI-XVII вв. например редакции Ионы Думина, и их контаминаций с летописными текстами как исторических источников^[178].

Широкое распространение этого важнейшего патриотического памятника древнерусской литературы свидетельствует о том, что и Житие Александра Невского, и летописи на протяжении столетий служили целям прославления Русской земли и героя Ледового побоища великого полководца Александра Невского.

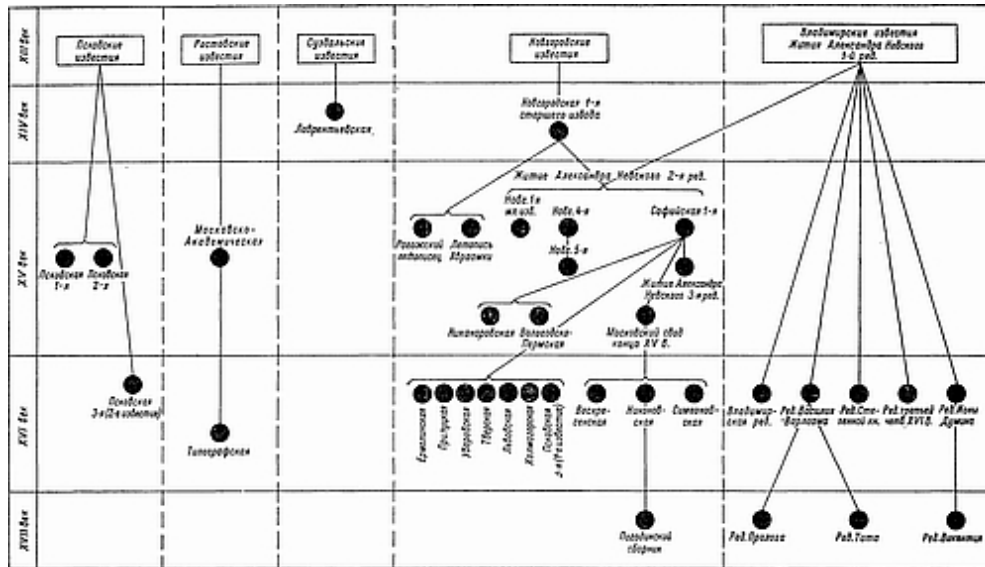

Рис. 2. Схема взаимоотношения текстов известий о Ледовом побоище русских летописей

На этом мы ограничиваем наше изучение русских письменных источников о Ледовом побоище. Кругом перечисленных источников исчерпываются наши знания о текстах, посвященных славным событиям 1242 г, в древнерусской письменности.

Западные источники

Для изучения исторической битвы на Чудском озере особенно необходимо специальное исследование западных источников,^[179] которые если и были в какой-то мере известны нашим авторам, то лишь по неквалифицированным, кустарным переводам (выполнявшимся случайными людьми по просьбе некоторых авторов), искажавшим подлинный смысл текста. Единственный существующий до сих пор печатный перевод текстов некоторых прибалтийских хроник, описывающих Ледовое побоище, был выполнен более 80 лет тому назад Е.В. Чешихиным и носил любительский характер;^[180] Чешихин не обладал необходимым для этой цели знанием особенностей немецкого языка XIV–XVI вв., да и не стремился к особенной точности передачи текста^[181]. Перевод Чешихина дает лишь весьма приблизительное представление о тексте источников^[182]. И, что самое важное, Чешихиным были переведены лишь тексты двух поздних хроник (Вартберге и Руссова); основной же прибалтийский источник по истории Ледового побоища — «Старшая ливонская Рифмованная хроника» — ни разу не издавался в русском переводе.

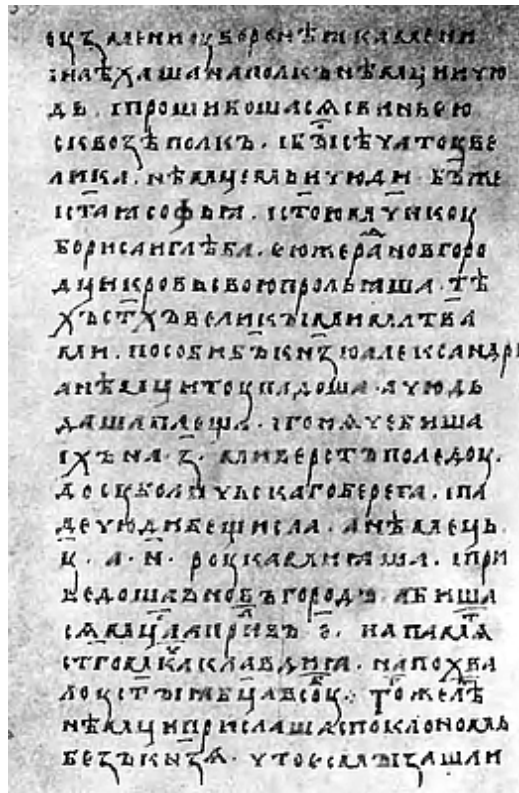

Рис. 3. Текст рассказа о Ледовом побоище Новгородской 1-й летописи старшего извода под 1242 г. (рукопись, Государственный исторический музей, Синодальное собрание, № 786, лл. 128 об. —

129)

Использованию в подлиннике текста «Рифмованной хроники» препятствовали трудность ее языка и сложная литературная форма, вводившая в заблуждение многих наших авторов, буквально принимавших на веру некоторые чисто литературные элементы текста хроники.

Отсутствие научного перевода, пользование недоброкачественными эрзацами породило ряд ошибочных толкований текста названной хроники, повторявшихся во многих научных и популярных сочинениях.

Для более углубленного изучения Ледового побоища советским ученым необходим серьезный комментированный научный перевод текстов западных источников, чтобы иметь правильное и точное представление, что дают эти источники для исследования одного из крупнейших событий в истории нашей Родины.

Ледовое побоище — одно из немногих крупных событий военной истории древней Руси IX–XIV вв. которое освещается источниками двух сторон — как русскими, так и источниками враждебной стороны; для большинства русских сражений этого периода мы имеем только односторонние сведения (или русские, или сведения противника)^[183]. Наличие сведений о Ледовом побоище в западных источниках — весьма важное обстоятельство, которое может существенно пополнить наши данные об этом событии; притом особенно ценно, что в западных источниках мы имеем не простое упоминание о событии, а связный рассказ, по своему объему не уступающий рассказу летописи об этом сражении.

Текст о Ледовом побоище и предшествовавших ему событиях имеется в 5 прибалтийско-немецких хрониках XIII–XVI вв.: в «Рифмованной хронике» (конец XIII в.), «Хронике Ливонии» Германа Вартберге (XIV в.), «Хронике Тевтонского ордена» (XV в.), «Истории Ливонии» Иогана Реннера (XVI в.) и «Хронике Ливонии» Бальтазара Руссова (XVI в.). Для изучения событий 1240–1242 гг. эти хроники не равноценны. Собственно говоря, только первая из названных хроник имеет важное значение как источник для нашей темы. Однако, чтобы дать советским исследователям исчерпывающее представление об освещении Ледового побоища и предшествовавших ему событий в западных источниках XIII–XVI вв., мы приводим в настоящей статье комментированные переводы текстов всех названных

выше хроник о борьбе Руси с немецкими рыцарями 1240–1242 гг.

1. Старшая ливонская Рифмованная хроника

Единственным западноевропейским источником, который содержит оригинальные известия о Ледовом побоище, является «Старшая ливонская Рифмованная хроника». Все сведения об этом крупнейшем поражении немецких агрессоров в XIII в. у других, более поздних западных хронистов прямо или косвенно восходят к рассказу «Рифмованной хроники». Герман фон Вартберге (XIV в.), компилятор «Хроники Тевтонского ордена» (XV в.) и автор «Истории Ливонии» Иоган Реннер (XVI в.) пользовались непосредственно текстом «Рифмованной хроники», в то время как Бальтазар Руссов свои сведения об отражении натиска немецких крестоносцев Александром Невским черпает из «Хроники Тевтонского ордена».

Старшая ливонская «Рифмованная хроника» содержит 12.017 стихов. Она сохранилась в двух пергаменных рукописях: рижской, которая относится к середине XIV в, и гейдельбергской, выполненной в XV в. В рижской рукописи отсутствуют (вырваны) стихи 2561–3840, гейдельбергская же пропусков не имеет^[184].

Обе рукописи содержат материал о Ледовом побоище и о предшествовавших ему событиях в стихах 2065–2294. Разночтений, влияющих на смысл рассказываемого, в этих двух рукописях нет, существующие же расхождения касаются лишь орфографии.

«Рифмованная хроника» издавалась отрывками и полностью несколько раз^[185].

Укажем здесь на несколько изданий, заслуживающих внимания. В 1817 г. Л. Бергман осуществил первое

полное издание рижской рукописи^[186]. Гейдельбергский список хроники был опубликован в 1844 г. Францем Пфейффером^[187]. На этих двух публикациях основывается текст «Рифмованной хроники», напечатанный в I томе «Собрания ливонских хроник»; это издание хроники снабжено ее пересказом на современном немецком языке^[188]. Лучшим изданием является до сих пор издание Лео Мейера^[189]. Достоинство этой публикации состоит в том, что издатель имел возможность пользоваться при своей работе обеими рукописями в оригинале, чего не мог сделать ни один из его предшественников. Издание снабжено хорошим аппаратом: перечнем разночтений, примечаниями, указателем личных имен и словарем.

Исследование «Рифмованной хроники» как источника породило обширную литературу в середине XIX в., которая исчерпывающе приведена в библиографии по истории Ливонии Э. Винкельмана^[190]. Позже «Рифмованная хроника» стала предметом монографического исследования трех диссертаций^[191]. В русской исторической литературе хроника подвергнута разностороннему источниковедческому разбору Я. Зутисом^[192]. Характеристику «Рифмованной хроники» мы находим также в источниковедческой главе труда В.Т. Пашуто, посвященного становлению Литовского государства, и в его статье о значении этой хроники для изучения русской истории^[193].

Ливонская «Рифмованная хроника» принадлежит к литературному жанру, чрезвычайно широко распространенному в странах Западной Европы в XII–XIV вв. Развитие этого жанра, кроме того, особенно поощрялось в среде духовных рыцарских орденов, в частности и в Тевтонском ордене^[194]. Руководство католической церкви и ордена нуждалось в особом виде литературы для идеологического воздействия на

орденскую братию, сосредоточенную в общежитиях отдельных замков. Если в монастырях для этого служили написанные на латинском языке книги Священного писания, жития святых и духовные трактаты, то для большинства орденских рыцарей, не владевших в достаточной мере латынью и вообще грамотой, вся эта литература была мало пригодна. Кроме того, для рыцарей требовались еще произведения, содержание которых должно было возбуждать и поддерживать среди них жажду славы и готовность проявить силу и храбрость во время военных действий. Поэтому в среде Тевтонского ордена большое распространение получили, кроме рифмованных пересказов на немецком языке библейских книг и легенд о деве Марии — покровительнице ордена, также и рифмованные изложения истории самого ордена, его походов и завоеваний, т. е. собственно рифмованные хроники. Все эти прикладные стихотворные произведения в обязательном порядке читались вслух во время совместных трапез и собраний рыцарей и имели своей целью воспитание из них фанатичных распространителей христианства огнем и мечом.

Ливонская «Рифмованная хроника» была посвящена изложению исторических судеб ливонской ветви Тевтонского ордена. По своей направленности она является апологией ордена.

Имя автора «Рифмованной хроники» не известно. На основании приписки к рижской рукописи автором хроники первоначально считали некоего Дитлеба фон Альнпеке (*Ditleb von Alnpeke*); под этим именем она получила широкую известность как исторический источник^[195]. Когда эта приписка была определена как более поздняя подделка, единственным источником сведений об авторе стал анализ содержания самой хроники. Таким образом было установлено, что анонимный автор прибыл в Ливонию в 1278–1279 гг. и

состоял там на службе у ордена, причем не в качестве духовного лица, а скорее всего как герольд или военный слуга, что позволило ему много ездить по стране и стать участником некоторых походов. Композиционно у хроники отсутствует заключительная часть, рассказ обрывается на событиях рубежа 1280–1291 гг. Установлено, что хроника была составлена в последнее десятилетие XIII в. [\[196\]](#)

Содержание «Рифмованной хроники» охватывает период от начала немецкой агрессии в Прибалтике (XII в.) до последнего десятилетия XIII в. С точки зрения достоверности сообщаемых в хронике сведений, она может быть разделена на три части. Первая часть, которая заканчивается разгромом ордена меченосцев и слиянием его остатков с Тевтонским орденом в 1237 г., мало достоверна. Вторая часть, к которой относятся также интересующие нас события 1238–1242 гг., содержит более подробное и правдоподобное описание событий, что может быть объяснено тем, что автор мог для своего рассказа пользоваться воспоминаниями некоторых оставшихся в живых участников событий, а также, возможно, и рядом официальных документов, как списки должностных лиц ордена и номинальные списки павших в том или ином бою рыцарей. В.Т. Пашуто на основе анализа известий хроники, касающихся русско-ливонских военных столкновений, приходит к выводу, что ее автор, хотя и являлся воинствующим апологетом Тевтонского ордена, тем не менее значительно лучше был осведомлен о деятельности тартуских епископов и о событиях на их территории, чем об одновременных событиях в среде ордена. Пашуто объясняет эту особенность тем, что автор хроники пользовался при изложении русско-ливонских отношений текстом не дошедшей до нас дерптской (тартуской) епископской хроники, аналогичного же орденского письменного источника в его распоряжении не было [\[197\]](#). На

возможное существование такой тартуской хроники (*Annales Dorpatenses*) указывал еще Ф. Вахтсмут^[198].

Третья часть, с 1280 г. по 1290 г., является с точки зрения достоверности наиболее интересной, так как написана автором как участником многих описываемых событий, по личным впечатлениям. Те же происшествия, при которых он не мог присутствовать, описаны им по рассказам современников, бывших их очевидцами^[199].

Но ценность изложения автора даже в последней части хроники сильно снижается стихотворной формой, в которую он был вынужден облачить свой рассказ. Автор не обладал талантом поэта, он был только знатоком-начетчиком немецкой рыцарской эпической поэзии XII–XIII вв. Поэтому он не был в состоянии творчески использовать художественные средства классического рыцарского эпоса, а применял их как готовые языковые штампы, как постоянные сравнения, стандартные рифмы. Отсюда его изложение часто однообразно и полно «высокопарных трескучих фраз»^[200]. При описании событий, отстоящих друг от друга и территориально, и во времени, он употребляет одни и те же слова и стилистические трафареты.

Язык «Рифмованной хроники» относился к средневерхненемецкому периоду развития немецкого языка (*mittelhochdeutsch*), с точки зрения территориальных диалектов — это средненемецкий (*mitteldeutsch*)^[201].

Публикуемый ниже перевод стихов 2065–2294 «Рифмованной хроники» не ставит целью сохранить и передать средствами русского языка ритм, рифмы и стилистические особенности этого стихотворного произведения. Переводчик руководствовался в своей работе двумя принципами: с одной стороны, желанием по возможности точно передать смысл отдельных предложений хроники, с другой стороны — необходимостью сохранить содержание отдельных

стихов. Последнее в большинстве случаев удалось, что облегчает сравнение перевода с оригиналом и позволяет при цитировании ссылаться на номер стиха.

Для того чтобы читатели данной работы могли пользоваться не только нашим переводом, но и подлинным текстом хроники (и сами проверить правильность выполненного нами перевода), ниже приводятся параллельно тексты подлинника и перевода. Подлинный текст хроники, а также нумерация стихов даются по цитированному выше изданию Лео Мейера. Имеющиеся в примечаниях и комментарии ссылки на номер стиха, отсутствующего в данной публикации, даются также по изданию Мейера.

***Текст «Старшей ливонской Рифмованной хроники».
Стихи 2065-2294***

2065 Nû lege wir die rede nider^[202]
und sprechen abir wider,
wie iz dem dûtschen hûs in hant^[203]
zû dem êrsten gienc in Nieflant^[204].
Von Darbete^[205] bischof Herman^[206]

2070 bie den zîten began
zeisen mit den Rûzen.
Die wolden sich ûf strûzen
kegen dem christentûme^[207] als ê.
In tet ir unsâlde vil wê^[208].

2075 Sie tâten leides im^[209] genûc.
Dô er daz lange vertrûc
die brûdere^[210] er zû hulfe bat.
Der meister^[211] quam im ûf der stat
und brâcht im manchen rischen^[212] helt

2080 beide kûne und ûz irwelt.
Des kuniges man^[213] quâmen dar

mit einer hovelîchen schar;
des was bischof Herman vrô.
Mit deme here sie kârten dô
2085 vrôlîchen in der Rûzen lant^[214].
Ez gienc in dâ vil wol in hant^[215].
Vor eine burg sie quâmen dô,
die^[216] was irre kumft unvrô.
Sturmes man mit in began,^[217]
2090 daz hûs gewonnen sie in an.
Îsburc^[218] die bure hiez.
Der Rûzen man keinen liez,
man brêchte in in nôt.
Welcher sich zû were bôt,
2095 der wart gevangen oder geslagen.
Man hôrte rûfen und clagen:
in deme lande ubir al
erhûb sich ein michel schal.
Die von Plezcowe^[219] dô
2100 wâren diser mêre unvrô.
Eine stat^[220] ist sô gênant,
die liet in Rûzen lant.
Dâ sint lûte harte sûr,^[221]
die wâren diser nâkebûr.
2105 Von den wart nicht gespart,
sie hûben sich ûf die vart
und jageten grimmelîchen dar
mit mancher brunjen^[222] lîchtvar;
ir helme lûchten als ein glas^[223].
2110 Vil manich schutze^[224] dâ mite was.
Sie quâmen ûf der brûder her;
die satzten sich kein^[225] in zû wer.
Die brûdere und des kuniges man
die Rûzen vrôlîchen riten an^[226].
2115 Bischof Herman der was dar
als ein helt mit sîner schar.

Sich hûb ein ungevûger strît:
die dûtschen hiwen wunden wît, [\[227\]](#)
die Rûzen liden grôze nôt: [\[228\]](#)
2120 man slûc ir achte hundert tôt,
die bliben ûf deme wal.
Bie Îsburc nâmen sie den val.
Die anderen [\[229\]](#) nâmen dâ die vlucht,
man jagete sie âne zucht
2025 vaste [\[230\]](#) hin zû lande [\[231\]](#) wert.
Die Rûzen manten sêre ir preert
beide mit geiseln und mit sporn;
sie wânten alle sîn verlorn:
der wec dûchte sie gar lanc.
2130 Der walt von jâmerschalle clanc.
Zû lande was in alien gâch;
der brûdere her zogete hin nâch.
Die Mode [\[232\]](#) ein wazzer ist gênant:
nâ in uber ûf daz lant
2135 die brûdere vuren mit gewalt;
sie brâchten manchen. degen balt.
Die von Plezcowe dô
wâren der geste unvrô.
Die brûdere slûgen ir gezelt
2140 vor Plezcowe ûf ein schône velt.
Der bischof und des koniges man
ir legirstat vil wol gewan.
Manich ritter und knecht
vordienten wol ir lêhenrecht [\[233\]](#).
2145 Man liez gebieten in dem her,
man solde bereiten sich zûr wer,
und liez sie dâ bie verstân,
man solde ouch zû sturme [\[234\]](#) gân.
Die Rûzen wurden des gewar,
2150 daz sturmen wolde manich schar
beide bure unde stat [\[235\]](#).

Die Rûzen wâren strîtes mat
dâ vor bie Îsburc worden:
sie boten sich^[236] dem orden,
2155 wan sie vorchten ungemach.
Um einen vride man dô sprach.
Der vride wart gemachet dô
mit den Rûzen alsô,^[237]
daz Gêrpolt,^[238] der ir kunic^[239] hiez,^[240]
2160 mit sîme gûten willen liez
burge und gûte lant
in der dûtschen brûdere hant,
daz ir der meister solde pflegen.
Dô bleib daz sturmen under wegen.
2165 Dâ die sûne^[241] geschach,
nicht lange sûmete man dar nâch,
daz her brach ûf gemeine dô.
Sie wâren alle in gote vrô
und gâben gote die êre:
2170 sie dankten im vil sêre.
Dô daz her was bereit
vrôlich iz von dannen reit.
Zwêne brûdere man dar liez
die man daz lant bewaren hiez,^[242]
2175 von dûtschen eine cleine macht^[243].
Daz wart in sint zû schaden brâcht:
ir hêrschaft werte unlange vrist^[244].
Eine stat in Ruzen lande ist,
Nogarden^[245] ist sie genant.
2180 Dem kunige wart daz mêre bekant,
er hûb sich ûf mit mancher schar
kegen Plezcowen, daz ist wâr^[246].
Dar quam er mit grôzer macht;
er hette manchen Rûzen brâcht
2185 zû lôsene die von Plezcô.

Des wâren sie von herzen vrô.
Dô er die dûtschen irsach,
nicht lange sûmete er dar nâch, [\[247\]](#)
die zwêne brûdere er verstiez
2190 der vogetîe er sie erliez, [\[248\]](#)
und alle ir knechte [\[249\]](#) man vertreib.
Der dûtschen keiner dâ bleib:
den Rûzen liezen sie daz lant.
Den brûderen gienc iz sus in hant:
2195 wêre Plezcowe dâ behût
daz wêre nû dem cristentûme gût
biz an der werlde ende.
Ez ist ein missewende, [\[250\]](#)
der gûte land betwungen hât
2200 und der nicht wol besetxet hât:
der claget wen er den schaden hât,
wan iz im vil lîchte missegât.
Der kunic von Nogarden [\[251\]](#) kârte wider.
Ez stûnt dar nâch nicht lange sider.
2205 ein stat ist grôz unde wiet
die ouch in Rûzen lande liet:
Susdal [\[252\]](#) ist sie genant.
Alexander was genant
der bie der zît ir kunic hiez, [\[253\]](#)
2210 sîn volc [\[254\]](#) er sich bereiten liez.
Den Rûzen was ir schade leit; [\[255\]](#)
snelle wurden sie bereit.
Dô vûr kunic Alexander,
mit im vil manich ander
2215 Rûze her von Susdal.
Sie vûrten bogen âne zal,
vil manche brunje wunneclîch [\[256\]](#).
Ir banier die wâren rîch, [\[257\]](#)
ir helme die wâren liecht bekant [\[258\]](#).

2220 Sus zogeten sie in der brüder lant
dâ gewaldeclîch mit her.
Die brüdere dâ mit sneller wer
brâchten in daz kegenzil;
ir was aber mâzen vil^[259].

2225 Zû Darbete wart vernomen
kunic Alexander wêre komen
mit her in der brüder lant
und stifte roub und brant^[260].

Der bischof des nicht enliez,
2230 des stiftes^[261] man er snelle hiez
îlen zû der brüdere her
kegen den Rûzen zû wer.

Waz er gebôt daz geschach.
Nicht lange sûmeten sie dar nâch,^[262]

2235 sie quâmen zû der brüdere macht.
Sie hatten zû cleine volkes brâcht;
der brüdere her was ouch zû klein.

Îdoch sie quâmen uber ein,
daz sie die Rûzen ritten an^[263].

2240 Strîtes man mit in began.
Die Ruzen hatten schutzen^[264] vil,
die hûben dô daz êrste spil^[265]
menlîch vor des kuniges schar.

Man sach der brüder banier^[266] dar

2245 die schutzen underdringen,
man hôrte swert dâ clingen
und sach helme schrôten.

An beider sît die tôten
vielen nider ûf daz gras^[267].

2250 Wer in der brüdere her was,
die wurden ummeringet gar.

Die Rûzen hatten sulche schar,
daz ie wol sechzic^[268] man
einen dûtschen ritten an.

2255 Die brüdere tâten wer gnûc,
îdoch man sie dar nider slûc.

Der von Darbete quam ein teil
von deme strîte, daz was ir heil:
sie mûsten wîchen durch die nôt.

2260 Dar bliben zwenzic brüder tôt
und sechse wurden gefangen.
Sus was der strît ergangen.

Kunic Alexander was vrô,
daz er den sig behielt alsô.

2265 Er kârte wider zû lande.

Er liez doch dar zû pfande
sumelîchen rischen man, [\[269\]](#)
der reisen nimmer mêr began.

Waz brüder in dem strîte was

2270 geslagen, dâ ich nû von las, [\[270\]](#)

die wurden sider wol verclait
mit manchem helde unverzait.

Die sich durch got hân gegeben
in der dûtschen brüdere leben,

2275 der ist biz her von jenen tagen
vil mancher in gotes dienste geslagen.

Sie haben ouch mit werender hant
betwungen sider gûte lant,
als ûch her nâ wol wirt bekant.

2280 Nû dise rede ist volant.

Meister Herman Balke [\[271\]](#)

der was in deme walke
mit Rûzen und mit heiden [\[272\]](#).

Der mûste er sich beiden

2285 mit grôzeme urlouge weren
und helfen gotes viende heren.

Der bischof und des kuniges man,
wes er mit den began,
daz trûc allez uber ein

2290 als ez an den werken wol schein.
Daz bûch saget uns vor wâr,
daz iz werte sechstehalb jâr
daz meister Herman Balke riet.
Dar nâch er von der werlde schiet.

Перевод

2065 Прервем теперь это повествование^[273]
и поговорим опять [о том],
как дела Тевтонского ордена
первоначально шли в Ливонии.
Дерптский епископ Герман^[274]
2070 в это время начал
враждовать с русскими.
Те хотели подняться
против христианства,^[275] как прежде.
Их кощунство принесло им много горя^[276].
2075 Они причинили ему^[277] достаточно зла.
Долго он это терпел,
пока не попросил помощи у братьев-рыцарей^[278]
Магистр^[279] прибыл к нему немедленно
и привел к нему много отважных героев,
2080 смелых и отменных.
Мужи короля^[280] прибыли туда
со значительным отрядом;
Епископ Герман возрадовался этому.
С этим войском они^[281] двинулись тогда
2085 радостно на Русь.
Их дела пошли там очень хорошо.
Там они подошли к замку,
в замке не возрадовались их приходу.
Пошли на них [русских] приступом,
2090 захватили у них замок.

Этот замок назывался Изборск.
Ни одному русскому не дали [уйти] невредимым.
Кто защищался,

2095 тот был взят в плен или убит.

Слышны были крики и причитания:
в той земле повсюду начался великий плач.

Жители Пскова тогда

2100 не возрадовались этому известию.

Так называется город,

который расположен на Руси.

Там люди очень крутого нрава,

они были соседями этого [захваченного замка
Изборска].

2105 Они не медлили,

они собрались в поход

и грозно поскакали туда,

многие были в блестящей броне;

их шлемы сияли, как стекло.

2110 С ними было много стрелков [\[282\]](#).

Они встретили войско братьев-рыцарей;

те оказали им сопротивление,

Братья-рыцари и мужи короля

смело атаковали русских.

2115 Епископ Герман там был

как герой со своим отрядом.

Начался жестокий бой:

немцы наносили глубокие раны,

русские терпели большой урон:

2120 их было убито восемьсот [человек],

они пали на поле брани.

Под Изборском они потерпели поражение.

Остальные тогда обратились в бегство,

их беспорядочно преследовали

2125 по пятам по направлению к их дому.

Русские сильно понукали своих коней

плетьюми и шпорами;

они думали, что все погибли:
путь им казался очень долгим.

2130 Лес звенел от горестных криков.

Они все спешили только домой;
войско братьев-рыцарей следовало за ними.

Великой^[283] называется река:

за ними на другой берег

2135 переправились братья-рыцари с большой
силой;

они вели за собой многих смелых воинов.

Псковичи тогда

не были рады гостям.

Братья-рыцари разбили свои палатки

2140 перед Псковом на красивом поле.

Епископ и мужи короля также

очень удобно расположились лагерем.

Многие рыцари и слуги

хорошо заслужили здесь свое право на лен^[284].

2145 По войску дали приказ

готовиться к бою,

и при этом дали понять [участникам похода],

что пойдут также на приступ.

Русские заметили то,

2150 что многие отряды намереваются штурмовать

как замок, так и посад^[285].

Русские изнемогли от боя

под Изборском:

они сдались^[286] ордену,

2155 так как опасались [большого] несчастья.

Тогда повели переговоры о мире.

Мир был заключен тогда

с русскими на таких условиях,

что Герпольшт,^[287] который был их князем,^[288]

2160 по своей доброй воле оставил

замки и хорошие земли

в руках братьев-тевтонцев,
чтобы ими управлял магистр.

Тогда штурм [Пскова] не состоялся.

2165 После того как произошло это примирение,
долго не ждали,

войско тогда собралось в обратный путь.

Все они были преисполнены божьей благодати
и восхваляли бога:

2170 они были ему благодарны за очень многое.

Когда войско стало готово для обратного похода,
оно радостно ушло оттуда.

Там оставили двух братьев-рыцарей,
которым поручили охранять землю, [\[289\]](#)

2175 и небольшой отряд [\[290\]](#) немцев.

Это обернулось позже им во вред:

их господство длилось недолго.

На Руси есть город,

он называется Новгород.

2180 До [новгородского] князя дошло это известие,

он собрался со многими отрядами
против Пскова, это истина [\[291\]](#).

Туда он прибыл с большой силой;

он привел много русских,

2185 чтобы освободить псковичей.

Этому они от всего сердца обрадовались.

Когда он увидел немцев,

он после этого долго не медлил, [\[292\]](#)

он изгнал обоих братьев-рыцарей,

2190 положив конец их фогтству, [\[293\]](#)

и все их слуги [\[294\]](#) были прогнаны.

Никого из немцев там не осталось:

русским оставили они землю.

Так шли дела братьев-рыцарей:

2195 если бы Псков был тогда убережен,

то это приносило бы сейчас пользу христианству

до самого конца света.

Это — неудача.

Кто покорил хорошие земли

2200 и их плохо занял военной силой,
тот заплачет, когда он будет иметь убыток,
когда он, очень вероятно, потерпит неудачу.

Новгородский князь [\[295\]](#) опять ушел в свою землю.

После этого недолго было спокойно.

2205 Есть город большой и широкий,
который также расположен на Руси:
он называется Суздаль [\[296\]](#).

Александром звали того,
кто в то время был его князем:

2210 он приказал своему войску [\[297\]](#) готовиться к
походу.

Русским были обидны их неудачи;
быстро они приготoвились.

Тогда выступил князь Александр
и с ним многие другие

2215 русские из Суздаля.

Они имели бесчисленное количество луков,
очень много красивейших доспехов [\[298\]](#).

Их знамена были богаты,
их шлемы излучали свет.

2220 Так направились они в землю братьев-рыцарей,
сильные войском.

Тогда братья-рыцари, быстро вооружившись,
оказали им сопротивление;
но их [рыцарей] было немного.

2225 В Дерпте узнали,
что пришел князь Александр
с войском в землю братьев-рыцарей,
чиня грабежи и пожары.

Епископ не оставил это без внимания,

2230 быстро он велел мужам епископства [\[299\]](#)

поспешить в войско братьев-рыцарей
для борьбы против русских.

Что он приказал, то и произошло.

Они после этого долго не медлили, [\[300\]](#)

2235 они присоединились к силам братьев-рыцарей.

Они привели слишком мало народа,

войско братьев-рыцарей было также слишком
маленьким.

Однако они пришли к единому мнению атаковать
русских.

2240 Немцы начали с ними бой.

Русские имели много стрелков, [\[301\]](#)

которые мужественно приняли первый натиск, [\[302\]](#)

[находясь] перед дружиной князя.

Видно было, как отряд [\[303\]](#) братьев-рыцарей

2245 одолел [\[304\]](#) стрелков;

там был слышен звон мечей,

и видно было, как рассекались шлемы.

С обеих сторон убитые

падали на траву [\[305\]](#).

2250 Те, которые находились в войске братьев-
рыцарей,

были окружены.

Русские имели такую рать,

что каждого немца атаковало,

пожалуй, шестьдесят человек [\[306\]](#).

2255 Братья-рыцари достаточно упорно
сопротивлялись,

но их там одолели.

Часть дерптцев вышла

из боя, это было их спасением,

они вынужденно отступили.

2260 Там было убито двадцать братьев-рыцарей,

а шесть было взято в плен.

Таков был ход боя.

Князь Александр был рад,
что он одержал победу.
2265 Он возвратился в свои земли.
Однако эта победа ему стоила
многих храбрых мужей, [\[307\]](#)
которым больше никогда не идти в поход.
Что касается братьев-рыцарей, которые в этом бою
были
2270 убиты, о чем я только что читал, [\[308\]](#)
то они позже должным образом оплакивались
со многими бесстрашными героями,
которые по призыву бога
посвятили себя жизни среди братьев-тевтонцев;
2275 очень многие из них с тех пор
были убиты на службе богу.
Они также вооруженной рукой
с тех пор покорили хорошие земли,
как вам дальше станет известно.
2280 На этом кончается это повествование.
Магистр Герман Балк [\[309\]](#)
вел войну
с русскими и язычниками [\[310\]](#).
Он должен был от них обоих
2285 обороняться в большой войне
и помог [этим] разорению божьих врагов.
Епископ и мужи короля [его поддерживали],
всё, что он с ними предпринимал,
делалось единодушно,
2290 как это видно по самим делам.
Эта книга истинно нам говорит,
что продолжалось пять с половиной лет
правление магистра Германа Балка,
после чего он умер.

а. Описание вооружения различных народов

Автор «Рифмованной хроники» много внимания уделяет описанию вооружения воинов разных народов, с которыми немецкие захватчики столкнулись на территории Прибалтики. Возникает вопрос, насколько эти описания достоверны. Многие из того, что хронист мог видеть после своего прибытия в Ливонию (в 1278 г.), он несомненно описывает по личным впечатлениям. И эти же личные впечатления отразились на его рассказе о событиях, очевидцем которых он не был, которые происходили на несколько десятков лет раньше. Таким образом, можно предположить, что хронист, говоря о русских ратях времени Александра Невского, рисует их с такими характерными чертами, которые он лично наблюдал у русских войск последней четверти XIII в. Эту поправку нужно иметь в виду при оценке сообщаемых хронистом сведений.

Но проблема достоверности содержания «Рифмованной хроники» усложняется еще тем, что перед нами стихотворное произведение с характерным для этого жанра поэтическим языком, в котором постоянные сравнения, эпитеты, рифмы и другие элементы художественной литературы играют большую роль. Часто встречаются трафаретные предложения, которыми автор пользуется как формулами. Такие шаблоны сопровождаются, как правило, одними и теми же рифмами. Так, вводя в повествование тот или иной город, хронист в одном стихе сообщает его название, а в другом страну, где находится этот город, причем первый стих имеет обязательно последним словом *genant*, которое часто рифмуется со словом *lant* во втором стихе, например: (*Plezcowe*) *eine stat ist sô gênant, // die liet in Rúzen lant* (стихи 2101–2102); эту формулу мы встречаем также в стихах 223, 2409, 7405, 9673, 11774 и в других. Также выступление в поход, блеск вооружения, описание отдельных элементов боя изображаются с

применением стилистических штампов^[311]. Только внимательный анализ художественных приемов и словоупотребления хрониста позволяет отделить ценное для нас зерно исторической истины от литературных украшений.

Проанализируем с этой точки зрения описание вооружения в хронике. Каждый раз, когда хронист сообщает о выступающей в поход рати, он привлекает внимание слушателя к блестящей броне всадников, к их сияющим шлемам и богато украшенным знаменам. Это он делает равным образом в отношении войска эстов, про которое он пишет: «они были вооружены щитами и копьями, много брони и много шлемов блестело сквозь пыль»,^[312] в отношении войска литовцев, в котором было «много красивейших панцирей, их шлемы были богато украшены золотом, сияли как зеркальное стекло»;^[313] в отношении войска самих орденских рыцарей, которые прибыли по зову магистра в «сияющей броне» и с «богатыми шлемами»^[314]. Эти примеры можно умножить. Такими же словами хронистом описываются броня и шлемы русских войск, как псковской рати перед боем под Изборском, так и суздальской рати Александра Невского (см. стихи 2108–2109 и 2217–2219 в данной статье). Знамена конных отрядов всегда упоминаются как богато украшенные (стих 2218)^[315].

Вывод, который можно сделать на основе этих описаний, тот, что броня, шлемы и знамена русской конницы, т. е. княжеских и боярских дружин конца XIII в., в глазах хрониста мало чем отличались от соответствующих доспехов конных воинов других народов, и поэтому он считал возможным применять при их описании литературные штампы немецкого рыцарского эпоса.

Иначе обстоит дело со стрелковым вооружением русских ополчений. Хронист каждый раз подчеркивает, что в русском войске было много стрелков. Он считает нужным это сделать и при рассказе о псковском войске (стих 2110), и при рассказе о вооружении суздальских отрядов Александра Невского (стих 2216). Когда хронист описывает бой, соответствующий Ледовому побоищу русских источников, он считает нужным сообщить, что русские стрелки были построены перед княжеским отрядом (дружиной) и мужественно приняли на себя первый натиск рыцарской конницы (стихи 2241–2243). В.Т. Пашуто отмечает, что такое использование стрелков вполне соответствовало тактике того времени, и указывает на аналогичное боевое построение войск галицко-волынского князя Даниила Романовича. Только Пашуто называет оружие русских стрелков во время боя на льду «самострелами» (синоним к термину арбалет), [\[316\]](#) в то время как хронист имел в виду русских стрелков из лука. Слово *bogen* — «лук» встречается в хронике два раза и всегда в связи с русскими стрелками. В первый раз лук упомянут при описании вооружения рати Александра Невского (стих 2216), но второй раз речь идет о русских стрелках, пришедших на помощь литовскому князю Торейде (*Thoreide*)[\[317\]](#). Здесь интересно то, что литовский князь пользовался помощью именно русских стрелков, вооружение и тактика которых были, по-видимому, очень эффективны в борьбе с немецкими крестоносцами. Действенную стрельбу русских лучников хронист отмечает также во время осады тартуского вышгорода в 1262 г.[\[318\]](#)

Что же касается стрелкового вооружения гарнизонов орденских замков, то хронист неоднократно отмечает, что орденские стрелки пользовались арбалетами[\[319\]](#).

Известно, что, несмотря на повсеместное распространение лука в качестве охотничьего оружия, он только у отдельных пародов стал массовым боевым

оружием. Если, например, у древних римлян лук не был в почете и в их войсках отряды лучников, как правило, состояли из федератов, то в средневековой Англии, наоборот, лук стал действительно национальным боевым оружием. Английские лучники славились во всей Западной Европе вплоть до окончательного вытеснения лука огнестрельным ручным оружием. Англичане пользовались на войне так называемым простым длинным луком. «Этот длинный лук был очень грозным оружием и обеспечил превосходство англичан над французами при Креси...», — пишет Ф. Энгельс^[320]. Английские исследователи считают, что лучник мог произвести в минуту шесть прицельных выстрелов и поражать противника в условиях боя на расстоянии до 180 м, опытные снайперы стреляли на расстояние до 350 м.^[321]

У прибалтийского народа земгалов лук и арбалет, по-видимому, не были сильно распространены как боевое оружие. Хронист рассказывает интересный эпизод, как земгалы, взяв орденский замок, оставили в живых одного пленного немецкого стрелка, чтобы он их научил пользоваться найденными в арсенале замка трофейными арбалетами. Много орденцев, не ожидавших со стороны земгалов стрельбы на расстояние, были ранены вновь обученными земгальскими арбалетчиками^[322]. Это известие перекликается с вышеупомянутым рассказом о литовском князе Торейде, в ополчении которого тоже не хватало собственных стрелков.

Можно считать, что все эти особенности вооружения разных народов, с которыми встречался автор «Рифмованной хроники» в Ливонии, верно им подмечены и переданы.

О стрелках из лука в новгородском войске мы узнаем также из труда другого ливонского хрониста — Генриха Латвийского. Он сообщает, что новгородцы послали в

помощь эстам для обороны Тарту — Юрьева от немецких крестоносцев бывшего кокнесского князя Вячко во главе отряда из двухсот лучников. В одном из сражений 1218 г. град русских стрел обратил в бегство отряды прибалтийских племен в составе войска немецких крестоносцев [\[323\]](#).

Долгое время исследователи, изучавшие русское оружие периода феодализма, относились с недоверием к вышеприведенным свидетельствам ливонских хроник и недооценивали значение лучников в составе новгородского войска [\[324\]](#). Причиной такой точки зрения было почти полное отсутствие луков среди археологических находок.

Раскопки Новгородской археологической экспедиции внесли в этот вопрос окончательную ясность. На разных горизонтах культурного слоя в Новгороде найдено много деталей боевых луков и даже учебный детский лук. Эти находки позволяют установить, что новгородские луки были также длинными (не менее 190 см), но в отличие от английских и вообще западноевропейских луков они принадлежали к так называемому сложному типу (не в виде дуги, а в виде буквы *M*), распространенному у народов Востока.

Новгородские находки луков и стрел опубликованы А.Ф. Медведевым, там же приведено несколько стихов «Рифмованной хроники» в переводе А.В. Арциховского. По мнению Медведева, русский лук был в 3-4 раза скорострельнее арбалета [\[325\]](#).

Но так как самострел-арбалет был снабжен прикладом и механическим приспособлением для натягивания тетивы, то стрельба из него была проще и не требовала столь высокого индивидуального мастерства, как стрельба из лука. Поэтому со второй половины XIII в. самострелы получили довольно широкое распространение и на Руси, особенно при обороне городов. В Новгороде археологами найдено в разных

частях города более двух десятков наконечников для арбалетных стрел. Но тем не менее сложный лук продолжал и в XIV–XV вв. быть основным русским стрелковым вооружением^[326].

Таким образом, вывод, который можно сделать на основании вышеизложенного, тот, что автор «Рифмованной хроники» совершенно правильно заметил и отразил в тексте своего труда наличие в русском войске XIII в. большого числа стрелков, причем стрелков из лука, чем оно отличалось от ополчений некоторых прибалтийских народов и орденов, в составе которых были арбалетчики. Русские лучники умело пользовались своим оружием, нанося противникам большой урон, и западные агрессоры знали русских стрелков и правильно оценивали их как боевую силу. Лучники — это были в основном пешие вой, русский вооруженный народ, и, называя их всегда отдельно, хронист как бы противопоставлял их одетой в сияющие доспехи боярской коннице.

б. О князе «Герпольте»

Псковский князь с именем Герпольт известен только из «Рифмованной хроники». Все более поздние хронисты заимствуют это имя оттуда. Русские источники такого князя не знают, да и само имя имеет необычную форму. Несомненно оно представляет собой искаженное или переделанное на немецкий лад русское имя. Попытки расшифровки этого имени производились с конца XVII в. Они основывались на том, что в средневековой письменности стран, расположенных на берегах Балтийского моря, буквой *g* обозначался не взрывной звук, а щелевой и что вследствие этого русские слова, начинающиеся с йотированных гласных, часто транскрибировались латиницей при помощи буквы *g*.^[327] Основываясь на этом, некоторые историки не сомневались в том, что за транскрипцией *Gerpolt* скрывается русское имя, первая часть которого

образована от корня «яр», вторую же часть они подбирали по созвучию со слогом «polt», получая таким образом имя Ярополк. Это казалось тем более правдоподобным, что такая замена элемента «полк» в славянском имени на германское «bold» («bald») была уже известна из средневековых источников. В «Анналах монастыря Фульда» имя Святополк передано формами *Zwentibulchus*, *Zwentibaldus*, *Zuentipoldus*^[328].

Толкование Герпульт — Ярополк мы находим у Христ. Кельха, Иог. Г. Арндта и К.Е. Напьерского^[329]. Самый последний исследователь этого вопроса В.Т. Пашуто также придерживается такой расшифровки и высказывает предположение, что этот Ярополк был в интересующее нас время наместником новгородского князя в Пскове и что он же позже упоминается в Новгородской первой летописи под 1269 г. как участник похода на Раквере^[330]. Были и другие отождествления Герпульты «Рифмованной хроники». Так, П. ф. ОстенСакен полагает что за этим именем скрывается известный из летописи псковский посадник Твердило Иванкович^[331]. С.М. Соловьев считал возможным, что хронист так называл псковского воеводу Гавриила Гориславича^[332].

Мы считаем, что ближе всего подошли к истине П. Гетце и А.М. Амманн. Эти исследователи полагают, что Герпульт — это князь Ярослав Владимирович из рода смоленских Ростиславичей, единственный русский князь, который в те годы активно поддерживал нападение немецких крестоносцев на Русь^[333]. Летописи содержат ряд известий об этом князе-изменнике^[334]. В частности, по свидетельству летописей, Ярослав Владимирович лично участвовал в походе немецких рыцарей 1240 г. на Изборск,^[335] т. е. в том самом походе, который затем завершился захватом немцами Пскова. Весьма вероятно, что именно этого князя подразумевал

автор хроники, упоминая загадочного Герпольта, помогавшего немецким рыцарям овладеть Псковом.

Подобное предположение подтверждается соображениями филологического характера. Закономерность передачи русского «Яр» через немецкое «Ger» была уже показана выше^[336]. Вторая половина имени Ярослава претерпела в хронике такое же изменение, как и вторая половина названия Изборска — *Isburc*, т. е. была онемечена. Русский второй компонент личных имен «слав» был заменен сходным по значению элементом немецких имен «polt(d)»^[337]. Такой тип адаптации иноязычных имен, состоящий в том, что первая часть имени сохраняется, а вторая заменяется элементом того языка, который его воспринимает и приспособливает, встречается часто, в том числе и в русском языке^[338].

То, что в Герпольте «Рифмованной хроники» и в князе Ярославе Владимировиче русских источников мы должны видеть одно и то же лицо, подтверждается также всей жизнедеятельностью этого князя-изменника. Ярослав Владимирович принадлежал к той группировке псковских князей и бояр, которые с самого начала немецкой агрессии, боясь потерять в борьбе с немцами свою власть и свои доходы в эстонских и русских землях, пошли на предательский сговор с крестоносцами.

Уже отец Ярослава, псковский князь Владимир Мстиславович, был изгнан из Пскова в 1213 г. за дружбу с немцами (он выдал в 1212 г. одну из своих дочерей замуж за крестоносца Теодориха, брата рижского епископа Альберта;^[339] этим самым он породнился и с будущим тартуским епископом Германом, тоже братом Альберта). После изгнания из Пскова Владимир дважды уходил из русских земель в Ливонию, где принимал участие в качестве фогта захватчиков в ограблении и порабощении прибалтийских народов^[340]. Но очень

скоро он увидел, что немецкие феодалы не так уж охотно делят с ним свою добычу; тогда он вернулся на Русь и стал врагом ливонских немцев^[341]. Он умер после 1225 или 1226 г. (последние упоминания его имени в летописи)^[342].

По примеру своего отца Ярослав Владимирович неоднократно изменял русским интересам и переходил на сторону ливонских немцев (в 1214 г., в начале и в конце 1230-х гг.). Считая Псковскую землю своим наследием, Ярослав дважды делал попытки вернуться в Псков с помощью немцев. В 1233 г. он вместе с немцами и группой новгородских бояр-перебежчиков («Борисова чадь» летописи) «изгоном» временно захватил Изборск, но попал в плен^[343]. По-видимому, ему удалось скоро освободиться, так как в 1240 г. мы его опять находим в рядах немецко-датского войска во время его грабительского похода на Изборск и Псков^[344]. После сдачи Пскова немцам он, возможно, был ими водворен в Псков в качестве князя-марионетки, который, по данным «Рифмованной хроники», под онемеченным именем Герпольшт немедленно и «добровольно» передал по договору ордену в управление Псковскую землю.

Ставку на Ярослава — Герпольшта делал не только орден, но и римская курия, так как Ярослав был единственным русским князем, который был склонен перейти в католичество^[345]. Н.М. Карамзин предполагает, что известное письмо папы Григория IX, в котором тот старается утвердить какого-то русского князя в его желании присоединиться к католической церкви, было адресовано Ярославу^[346]. Б.Я. Рамм упоминает о письме папы Гонория III в Псков аналогичного содержания; он относит его к 1228 г.^[347] По-видимому, Ярослав незадолго до своей смерти (около 1245 г.) действительно стал католиком, так как существует документ 1299 г., где упоминается

дарственный акт Ярослава, в котором он свою отчину, Псковскую землю, передает дерптскому епископству^[348]. А.М. Амманн лично изучал оригинал этого документа в Стокгольмском государственном архиве и дает в своей работе его фотокопию. Он считает, что упоминаемый в документе дар Ярослава тождествен с его уступкой Псковской земли в 1240 г. после захвата Пскова крестоносцами^[349]. Но этому мнению противоречит то обстоятельство, что в 1240 г., по данным «Рифмованной хроники», Ярослав передал Псковскую землю в руки ордена, тогда как в стокгольмском же акте речь идет о даре еще не завоеванного Псковского княжества тартускому епископству. Орден и епископство должны рассматриваться как совершенно разные юридические лица. Видимо, князь Ярослав — Герпольт Владимирович два раза за свою жизнь изменника предал и продал свою «отчину» — Псковскую землю. Таким образом, наиболее вероятно, что под именем князя Герпольта в «Рифмованной хронике» подразумевался князь Ярослав Владимирович.

Однако объективности ради следует указать и обстоятельства, говорящие не в пользу этого вывода. В русских летописях прямо говорится, что Ярослав Владимирович пришел в 1240 г. на Русь вместе с войском немецких рыцарей. Из текста же «Рифмованной хроники» скорее следует, что Герпольт находился во Пскове и был псковским князем в то время, когда немецкие рыцари подошли к городу и начали осаду, и что Герпольт, сидя во Пскове, вел переговоры с рыцарями и отдал и город, и все княжество немецкому ордену.

Видимо, ко времени составления «Рифмованной хроники» в Ливонии сохранились лишь глухие воспоминания о том, что какой-то псковский князь Герпольт (Герцеслав) сыграл важную роль при

овладении немецкими рыцарями Псковом, но в чем конкретно состояла эта роль, в чьем стане находился князь во время похода на Изборск и Псков — об этом уже не помнили. Кроме того, ко времени составления хроники сохранялись и какие-то воспоминания о том, что во время тех же событий князь Герпульт — Ярослав официально уступил Псковское княжество немецким завоевателям. И поскольку в Ливонии наряду с этим помнили, что Псков во время данного похода не был взят военным путем, а был захвачен путем переговоров с русскими, был добровольно сдан городскими властями, хронист связал все эти сведения воедино, решив, что если Псков был сдан и в этих событиях участвовал псковский князь Герпульт, то, значит, именно он и сдал город немцам.

Иными словами, текст хроники, посвященный князю Герпульту, не может считаться вполне надежным источником и в целом, и в частности. В нем достоверен лишь сам факт какого-то участия князя Герпульты — Ярослава в изменнической сдаче Пскова немецким рыцарям. Весьма вероятно, что пришедший вместе с рыцарским войском к стенам Пскова Ярослав в ходе начавшихся переговоров использовал свои личные связи с псковским боярством и помог немецкому командованию уговорить (а может быть — сыграл в переговорах решающую роль, т. е. уговорил) значительную часть псковских бояр сдать город немцам. Кроме того, Ярослав, по всей видимости, действительно сделал какое-то устное или письменное заявление о передаче своих наследственных прав на Псковское княжество ордену или Дерптскому епископству (а может быть — в разное время два заявления, одно в пользу ордена, другое — в пользу епископства), поскольку эти сведения хроники подтверждаются другими данными; однако было ли сделано Ярославом это заявление в 1240 г. в связи с захватом немцами Пскова (может быть,

сразу после занятия города) или в совсем другое время, вне связи с данными событиями, — точно установить невозможно.

в. О магистре

Автор «Рифмованной хроники», описывая военные действия ордена против русских в первый, удачный для рыцарей период, два раза упоминает, что в этих делах личное участие принимал глава Ливонской ветви ордена — провинциальный магистр (нем. — *Landmeister von Livland*): магистр приходит с рыцарями на помощь тартускому епископу и принимает участие в походе на Изборск и Псков (стих 2078), он же берет на себя функции военно-административного управления в капитулировавшем Пскове (стих 2163). Что же касается второго периода войны, приведшего к полному поражению орденского войска, то хроника не содержит никаких указаний на то, кто же командовал братьями-рыцарями во время Ледового побоища и какова дальнейшая судьба этого неудачливого полководца.

Такое умалчивание о сановнике ордена, ответственном за его поражение, вполне соответствует назначению и стилю хроники, которая должна была восхвалять доблесть орденских рыцарей и мудрость их руководителей.

Автор хроники в своем повествовании использует как хронологическую канву периоды правления отдельных магистров. События, приведшие к битве на льду и к окончательному приостановлению наступления крестоносцев на Русь, он относит ко времени магистра Германа Балке, срок правления которого в Ливонии он определяет в пять с половиной лет (стихи 2281–2294). Но именно в этом хронист обнаруживает свою полную неосведомленность в хронологии событий внутренней жизни ордена, что можно объяснить лишь тем, что в его распоряжении совершенно не было письменных

источников (хроник, актов и грамот) по истории ордена за этот период.

В действительности Герман Балке был ливонским ландмейстером не более двух лет (1237–1238 гг.). В начале марта 1239 г. он уже умер. Его преемником в Ливонии в 1238 г. стал Дитрих фон Грюнинген, который и был главой ливонской ветви ордена в интересующие нас годы (1238–1242 и 1244–1246 гг.). Но в событиях на ливоно-псковской и ливоно-новгородской границах он непосредственного участия не принимал, так как руководил в это время орденскими войсками, действовавшими против куршей и литовцев на территории Курляндии^[350].

Так кто же был в действительности упоминаемый хронистом магистр? Этот вопрос еще в середине прошлого века поставил А. Энгельман^[351]. Он приходит к выводу, что этим лицом был Андреас фон Вельвен, который у М. Тумлера значится ливонским вице-магистром в 1241 г.^[352] Это тем более вероятно, что с этим орденским деятелем обычно отождествляют персонаж из Жития Александра Невского — Андреяша^[353]. Этот Андреяш, охарактеризованный как «нѣкто силенъ от Западныя страны, иже нарицаются слугы божия», приезжает незадолго до похода ордена на Русь к Александру, чтобы лично узнать его^[354]. Термин «слуги божия», который мы здесь находим, перекликается с летописным термином «божии рыторѣ», как в Новгородской летописи названы взятые в плен во время Ледового побоища орденские рыцари^[355]. Только в «Житии» слово «рыторѣ» заменено в соответствии с жанром произведения более общепонятным «слуги». Э. Бонель относит поездку Вельвена в Новгород к весне или лету 1240 г.^[356] Несомненно, что путешествие в это время видного орденского руководителя по

Новгородской земле носило разведывательный характер^[357].

То, что Андреас фон Вельвен заключил от имени ордена договор с сааремааским (эзельским) епископом о разделе светской и духовной власти в завоеванных русских землях, также подтверждает его руководящую роль в проведении крестового похода на Русь^[358].

г. О потерях

Сведения о потерях в боях между русскими и немцами в 1240–1242 гг. приведены в «Рифмованной хронике» два раза: в рассказе о битве под Изборском, где указаны потери псковичей в 800 человек (стих 2120), и в рассказе о Ледовом побоище, где сообщается, что орденских рыцарей тогда было убито 20 человек, а 6 взято в плен (стихи 2260–2261).

Цифра потерь под Изборском хорошо согласуется с данными Псковской 2-й летописи, в которой мы соответственно находим цифру 600. Сопоставляя эти данные, можно сделать вывод, что эта битва была действительно кровопролитной: потери исчислялись сотнями павших участников, в том числе не менее 600 псковичей. Этот вывод подкрепляется указанием Новгородской 1-й летописи, что в этом сражении «плесковиць в сугонъ много побиша»^[359]. Несомненно, что в число павших под Изборском русских включены не только бояре и другие «нарочитые» люди, как это часто бывает при указании потерь в источниках феодального периода, а действительно все убитые псковские воины, в том числе и рядовые ополченцы.

Хуже согласуются данные «Рифмованной хроники» и летописей относительно потерь крестоносцев во время битвы на льду. Незначительному числу убитых и взятых в плен орденских рыцарей (20 и 6), указанному хронистом, противостоят в летописи цифры 500 и 50^[360].

Данные «Рифмованной хроники» с самого начала стали вызывать недоверие исследователей. Еще автор

«Хроники Тевтонского ордена», писавший во второй половине XV в., увеличивает число убитых рыцарей до семидесяти. Правда, он в своем повествовании не выделяет отдельно Ледовое побоище, а объединяет его в одно сражение с военными действиями Александра Невского по освобождению Пскова и изгнанию немцев из Псковской земли. Из «Хроники Тевтонского ордена» число 70 было заимствовано Б. Руссовым, который к нему еще добавил из какого-то другого источника, возможно «Рифмованной хроники», и 6 попавших в плен рыцарей, считая их замученными в плену (см. тексты этих хроник в данной статье).

Одному из последних западноевропейских исследователей этого вопроса, А.М. Амману, число убитых рыцарей, названное в «Рифмованной хронике», показалось настолько малым по сравнению с тем значением, которое он придает их разгрому в битве на льду, что он его подсознательно (он при этом ссылается на «Рифмованную хронику») увеличивает до 60 и сразу же рядом приводит 50, как число попавших в плен рыцарей, и другие данные о потерях немцев, почерпнутые им из русских летописей, которые ему казались более достоверным источником^[361].

Из советских ученых В.Т. Пашуто выдвинул оригинальную гипотезу, чтобы объяснить вызывающие сомнения цифровые данные «Рифмованной хроники». Исходя из своего положения, что описание хроники зиждется на тексте каких-то не дошедших до нас «Дерптских анналов», Пашуто предполагает, что хронист здесь выдает за неизвестные ему потери орденских рыцарей вычитанные им из этих анналов действительные потери вассалов тартуского (дерптского) епископа, так как вряд ли он мог иметь представление о потерях орденцев, если даже не знал, кто из магистров участвовал в сражении^[362].

Мы считаем, что при критической оценке числа убитых во время Ледового побоища рыцарей, сообщенного в «Рифмованной хронике», нужно иметь в виду, что хронист говорит не о потерях крестоносного войска вообще, а только о числе убитых «братьев-рыцарей», т. е. о рыцарях — действительных членах ордена. Поэтому при анализе этого числа нужно исходить из тех данных о числе орденских рыцарей в Ливонии и Пруссии, которые сохранились в источниках.

Из самой «Рифмованной хроники» мы узнаем, что в 1236 г. в битве при Шауляй, где литовцы разгромили крестоносное войско, руководимое орденом меченосцев, было убито 48 орденских рыцарей^[363]. Это число хорошо согласуется с данными совершенно другого источника, папской буллы, которая называет число 50^[364]. Потери рыцарей в этом сражении оценивались и оцениваются как почти полное уничтожение личного состава Ордена меченосцев, и эти потери привели к слиянию остатков этого — ордена с Тевтонским орденом в Пруссии. Для сравнения можно привлечь данные Новгородской летописи. В битве при Шауляй против литовцев на стороне ордена сражался и псковский вспомогательный отряд в 200 человек. Из них вернулись домой лишь 20 человек. Следовательно, потери побежденной стороны в этой битве доходили до 90%^[365].

Для пополнения личного состава ордена в Ливонию был из Пруссии послан магистр Герман Балке с 54 рыцарями^[366]. Это число также хорошо согласуется с числом убитых под Шауляй братьев-рыцарей. Таким образом, число орденских рыцарей, действовавших в Ливонии за несколько лет до начала агрессии ордена против Новгорода и Пскова, учитывая оставшихся в живых меченосцев и вновь прибывших тевтонцев, должно было находиться где-то между пятьюдесятью и стами, приближаясь к последнему числу, но вряд ли

превышая его^[367]. К 1242 г. оно, возможно, несколько увеличилось за счет новых подкреплений из Пруссии.

О составе и комплектовании крестоносного войска в Ливонии XIII в. содержится богатый и достоверный материал в «Рифмованной хронике». Так, например, перед походом в страну земгалов магистр ордена лично объездил епископов и датских вассалов, чтобы заручиться их участием. Специальные гонцы сообщили братьям-рыцарям в разных замках срок, когда те должны прибыть в Ригу, приведя с собой ополчение из подневольных общинников своей округи, ливов, лэттов, эстов^[368]. Отдельные рыцари приводили с собой отряды до ста человек. Упоминается также большое число оруженосцев и военных слуг. Вместе с рыцарями отправлялись в поход по старой традиции бюргеры города Риги и паломники-крестоносцы из Германии, которые обычно прибывали морским путем сроком на год под водительством видных феодалов, чтобы участвовать в военных действиях по завоеванию Ливонии^[369].

Это разношерстное войско на месте сбора разбивалось на отдельные отряды (знамена — *baniere*), командование которыми поручалось наиболее опытным и смелым рыцарям. Этим начальникам отрядов придавались проводники из местных жителей, и войско выступало в поход^[370]. Число братьев-рыцарей, участвовавших в таких походах, мы находим у хрониста для более позднего времени (1268 г.). Мы узнаем, что из замков Вильянди, Леаль и Вейсенштейн прибыло 34 рыцаря (часть рыцарей из Вильянди была в это время в другом походе)^[371]. Для осады Пскова в этом году магистр привел с собой 180 орденских рыцарей, в то время как все крестоносное войско исчислялось 18 тысячами^[372]. На эти цифры уже указывал В.Т. Пашуто в неоднократно нами цитированной статье.

Из всего вышесказанного вытекает, что орденских братьев-рыцарей следует рассматривать не как основную массу крестоносного войска в Ливонии, а только как его главную организующую силу, как его командный состав и ядро тяжелой кавалерии.

Нужно также учесть, что одновременно с военными действиями против Новгорода и Пскова, приведшими к битве на льду, орден вел также войну в стране куршей, чтобы захватить эту территорию, разъединявшую прусские и ливонские владения ордена. Этими действиями руководил лично ливонский магистр Грюнинген во главе крупного отряда братьев-рыцарей^[373].

А.А. Строков полагает, что в Ледовом побоище с каждой стороны участвовало примерно по 15 000 человек. Указанные в летописи потери крестоносцев убитыми и пленными в 550 тяжело вооруженных всадников он оценивает для того времени как исключительно большие^[374]. Е.А. Разин высказывает мнение, что немецкое войско могло насчитывать 10–12 тыс., а новгородское — 15–17 тыс. человек^[375].

В свете вышеизложенного нужно признать, что цифровые данные о потерях крестоносцев во время битвы на льду, которые мы находим как в летописях, так и в «Рифмованной хронике», заслуживают доверия. Они остаются в пределах, допустимых для численности войск, действовавших в данное время на данных территориях. Только «Рифмованная хроника» называет нам лишь число убитых и плененных рыцарей, действительных членов Тевтонского ордена, в то время как летописи приводят число всех убитых и взятых в плен «нарочитых» немцев, участников боя. Количество же убитых воинов из отрядов подвластных немцам чудизов никто не считал, им, по выражению летописи, «несть числа».

д. Об источниках «Рифмованной хроники»

Большой интерес представляет собой вопрос об источниках «Рифмованной хроники», в частности вопрос о том, откуда автор хроники почерпнул свои сведения о развитии и конце орденового наступления на Русь в 1240–1242 гг. До настоящего времени многие исследователи полагают, что у хрониста был под руками какой-то письменный источник. При этом указывают на то, что в тексте хроники часто упоминается какая-то книга (*buch*) и грамоты (*briefe*). В свое время Ф. Вахтсмут, а совсем недавно В.Т. Пашуто выдвинули предположение, что этой книгой могли быть не дошедшие до нас «Тартуские [Дерптские] анналы», которыми хронист воспользовался для изложения русско-ливонских отношений в интересующий нас период^[376].

Такой точке зрения можно противопоставить вывод, к которому пришел П. Экке на основе очень внимательного анализа всех мест хроники, где говорится о «книге» и «грамотах». П. Экке установил, что под «книгой» хронист всегда подразумевает свое собственное произведение^[377]. Ввиду того что его хроника была предназначена для чтения вслух, он, резюмируя уже прочитанное или предупреждая о событиях, рассказываемых в последующих главах, очень часто прибегает к стереотипным фразам типа «как вам сообщает (сообщила) эта книга» или «эта книга вам все расскажет»^[378].

Что же касается упоминаемых в хронике грамот, то они фигурируют в тексте там, где это требуют описываемые события, например, когда сообщается, что папский легат Вильгельм Моденский написал в Рим письмо о совершившемся в Ливонии чуде, или когда меченосцы пишут Герману фон Зальца письмо с просьбой принять их в состав Тевтонского ордена^[379]. Сообщая о таких письмах, хронист никогда не говорит о

том, что он их лично видел, читал и на их содержании строит свое повествование.

П. Экке приходит к выводу, что хронист не пользовался письменными источниками: там, где он не описывает события как современник и очевидец; он опирается лишь на устную традицию; о том же, что он пользовался списками магистров ордена, можно только предположить, прямых указаний на это текст хроники также не содержит^[380].

В том месте, где хронист сам прямо ссылается на источники своих сведений, он пишет, что получил эти сведения от «мудрых людей»^[381].

Произведенный нами повторный просмотр и анализ мест хроники с упоминанием «книги» и «грамот» полностью подтверждает наблюдения и выводы П. Экке об отсутствии у хрониста письменных источников.

Отсутствие каких-либо анналов в качестве источника у хрониста видно также из того, что он только три раза во всем тексте называет нам год^[382]. Это, во-первых, 1143 г., к которому он на основании недостоверной традиции относит рукоположение первого епископа Ливонии Мейнарда (в действительности это произошло в 1186 г.). Кроме этого года, мы находим в хронике упомянутыми еще 1278 и 1290 гг. Оба эти года относятся к периоду, когда хронист лично находился в Ливонии, он их, следовательно, восстанавливает по собственной памяти, не нуждаясь для этого в каком-либо письменном источнике. Анналы (летописи) строятся как погодная запись событий. Если бы хронист пользовался в качестве источника каким-нибудь письменным трудом такого типа, то это несомненно отразилось бы на хронологической канве его изложения: он чаще приобщал бы события к тем или иным календарным датам, называя год. Хронист же организует свое изложение по периодам правления

отдельных магистров ордена, не упоминая ни года их вступления в должность, ни года их выбытия.

Разберем теперь вопрос, откуда у хрониста могли быть известия о непосредственно интересующих нас событиях 1240–1242 гг. Отвергая возможность наличия письменного источника типа аннал, попытаемся определить принадлежность информатора хрониста к той или иной группировке ливонских немцев того времени. Ведь хронист прибыл в Ливонию в конце 70-х годов XIII в. и в это время вполне мог там встретить людей в возрасте шестидесяти лет и старше, которые были активными участниками похода на Псков и Ледового побоища.

Кто же был информатором хрониста? Мы считаем, что им не могло быть какое-нибудь руководящее лицо католической церкви (епископ или каноник) или ордена (магистр или комтур), так как хронист совершенно не видит в описываемых действиях ливонских духовных феодалов выполнение заранее составленного римской курией плана комбинированного крестового похода на Русь. В изложении хрониста все эти военные действия просто крупные, но обычные столкновения ливонских феодалов с русскими, вызванные чисто местными поводами (набеги псковичей на земли тартуского епископа).

Мы считаем также, что информация хрониста вообще не могла исходить от лица, так или иначе связанного с орденом (брата-рыцаря или клирика), так как в его рассказе совершенно не отражены такие важные самостоятельные действия орденцев, как захват Водской земли, постройка замка в Копорье, набеги на плодородные районы по р. Луге, а также позорный конец всей этой авантюры, их изгнание из этих захваченных земель Александром Невским.

Все исследователи единодушны в том, что события 1240–1242 гг. изложены хронистом очень узко, как бы с

тартуской колокольни, по линии Тарту — Изборск — Псков, такими, какими мог их видеть участник тартуского епископского войска, не задумывающийся особенно о целях и планах своего сюзерена. Таким образом, мы склоняемся к тому, чтобы искать информатора хрониста среди рыцарей-вассалов тартуского епископа. Укрепленным местом жительства большой группы таких рыцарей-вассалов тартуской епископии был замок Медвежья голова (Отепя, Оденпэ), часто упоминаемый в русских летописях. Этот епископский рыцарь, по-видимому, лично принимал участие в походе на Изборск и Псков и принадлежал к той части тартуского войска, которая, согласно тексту «Рифмованной хроники», в ходе битвы на льду своевременно вышла из боя (стихи 2257-2259), или, как сказано в летописи, «даша плещи»^[383]. Сохранив себе таким образом жизнь, этот вассал тартуского епископа смог около сорока лет спустя рассказать любознательному хронисту об исторических событиях, участником которых ему удалось быть. Но ни он, ни хронист не были в состоянии правильно определить истинное значение этих событий.

2. «Хроника Ливонии» Германа фон Вартберге

Автор этой хроники — духовное лицо, капеллан магистра Ливонского ордена. Хроника написана латинской прозой. Дошла она до нас в единственной рукописи, хранившейся в Данцигском архиве. Описание событий в ней доведено до 1378 г. Считают, что она составлена несколькими годами позже. Падение Пскова и последующее его освобождение новгородцами описаны в ней очень лаконично. По неизвестной причине Вартберге относит эти события ко времени

существования ордена меченосцев, т. е. ко времени до 1237 г.

Публикуемый ниже перевод отрывка из хроники Вартберге сделан на основе текста, изданного Э. Штрельке в «Собрании прусских хроник»^[384].

Текст

«Item Castrum Ysborch Ruthenorum expugnavit. Rutheni vero Plescowenses cremata civitate eorum se illi subdiderunt. Reliquit autem idem magister duos fratres cum paucis ibi pro conservacione castri ad augmentandum numerum con-versorum. Sed Nogardenses hoc intelligentes relictos fratres cum familia subito amoverunt».

Перевод

«Затем [он]^[385] приступом взял у русских замок Изборск^[386]. Русские, вернее псковичи, сожгли свой город^[387] и подчинились ему^[388]. А тот магистр оставил там двух братьев-рыцарей с небольшими силами для береженья замка^[389] и для того, чтобы увеличилось число обращаемых в католичество^[390]. Но новгородцы этих упомянутых оставленных братьев-рыцарей с их слугами внезапно изгнали»^[391].

3. Хроника Тевтонского ордена

«Хроника Тевтонского ордена» — это официальная история ордена; списки хроники хранились в замках и учреждениях ордена и служили для справок и для ознакомления рыцарей с прошлым их организации. Она

охватывает события до 1467 г. Время ее составления — вторая половина XV в. В хронику включены также разделы, излагающие историю ливонской ветви ордена. Главным источником для этих разделов до 1290 г. служила «Старшая ливонская Рифмованная хроника». Компилятор орденской хроники пересказывает, иногда очень сокращенно, ее содержание прозой. Язык дошедших до нас рукописей «Хроники Тевтонского ордена» — средненижненемецкий.

Разделы орденской хроники, касающиеся Ливонии, были выделены и отдельно изданы К.Э. Напьерским и Т. Кальмейером в первом томе собрания ливонских хроник^[392]. Текст для этого издания был взят из хранившегося в Рижской городской библиотеке списка хроники, который был сделан в 1597 г. по заказу рижского бургомистра и историка Франца Ниенштедта с рукописи второй половины XV в. Публикуемый здесь перевод отрывка «Хроники Тевтонского ордена» за 1238–1242 гг. сделан по тексту из «Scriptores rerum livonicarum», стр. 853. В примечаниях указывается на некоторые разночтения в кенигсбергской рукописи хроники под условным обозначением *K*.

Текст

Deße Mysterr Herman Valck bestalde tegen den Rußenn, de dem Orden vele Ledes deden, sunderlyck dem Byschopp Hermann von Dorpte, mith des Koninges Volcke, Vnd Meyster Herman toch mit macht In Rußlandt vor eyne Borch, geheyten Ißborch, Vnd de Rußen qwemen hyr tegen, Vnd dar warth gestreden vnnd gefochtenn sehrr. Die Chrysten behelden die auerhandt, Vnd dar bleuen doeth Achte hundert Rußenn, Vnd die anderen entschlogenn, Vnd der worth vele geuangenn. Deße Meyster mith synen Broderen, vndt Volck schlogenn er Telth vor Pleßkauwe, eyn Stadt also

geheyten, Vp dath Velth Inn Rußlandt. De Meyster dede gebeden, dath syck eyn Iderr rede makede, Vmme tho stormen beyde borch und Statt. De Russen begerden eyne frede, Vnd die Pleßkowerr boden syck vnder denn Orden, wolden geuen vnd dar wordt eyn frede gemaket mith den Rußenn. Alß dath Geerpolth oer Konnynghe beleuede, dath de Borch vnd Statt vnd Alle, dath dar by lach, die gyngen vnder denn Ordenn vnd worden Christen. De Meyster besatte die Statt vnd Borch mith twen synen Brodercnn, vnd meth Chrysten Volcke, vnd löueden Godt, vnd syne benediede Moder, van grother Victorien vnd reysedenn wedderumb.

Van Lyfflandt

By diesem Meister Conradts tyden so was eyn grothe Stadt In Rußlandt gehethenn Neugardenn, vnd dar was eyn konningk Alexander. Diese vernam, dath die Van Pleßkouwe an den Duytschenn Orden gegann wharenn, by dem Meyster Hermans tyden van Salsa alß vorgeschreuen stehett. Deße Konningk Alexander makede syck rede mith eynem grothem Heere van Volcke, vnd toech mit grother macht vor Pleßkouwe, vnd wanth sie. Sunder die Chrysten werdenn syck frommelyck, vnd die Duytschenn wordenn verschlagen vnd gefangenn, vnnd schwerlick gemartelt, vnnd dar worden verschlagen seuentich Ordens Herren, De Konningk Alexander was froe tho syner Victorien, vnnd die Broder meth ehren Volck, De dar döth bleuen, worden Merteler Gades, vor denn Chrysten gelouen.

Перевод

«Этот магистр Герман Балк^[393] воевал^[394] в союзе с людьми короля^[395] против русских, которые причиняли ордену много вреда, особенно дерптскому епископу Герману, и магистр Герман^[396] пришел с силой к замку на Руси, называемому Изборск, и здесь выступили им навстречу русские, и завязался ожесточенный бой^[397].

Христиане^[398] победили, и там было убито восемьсот русских, другие обращены в бегство,^[399] и из них многие взяты в плен^[400]. Этот магистр со своими братьями-рыцарями и войском^[401] разбили свои палатки на поле перед Псковом, так называется город на Руси. Магистр приказал,^[402] чтобы каждый приготовился к штурму замка и города. Русские попросили мира, и псковичи подчинились ордену,^[403] и тогда был заключен мир с русскими.

Князь Герпольшт^[404] согласился на то, чтобы замок и город и все прилежащие земли перешли в руки ордена и их жители стали христианами^[405]. Магистр занял город и замок христианским отрядом [во главе] с двумя своими братьями-рыцарями,^[406] и все возносили хвалу богу и его пречистой матери за большую победу и возвратились в Ливонию.

О Ливонии

Во времена этого магистра Конрада^[407] был большой город на Руси, называемый Новгородом, и там был князем Александр^[408]. Он узнал, что псковичи перешли под власть Тевтонского ордена, во времена магистра Германа фон Зальца,^[409] как выше описано. Этот князь Александр собрался с большим войском^[410] и с большой силой пришел к Пскову и взял его. Несмотря на то, что христиане храбро оборонялись, немцы были разбиты^[411] и взяты в плен и подвергнуты тяжелой пытке,^[412] и там было убито семьдесят орденских рыцарей. Князь Александр был рад своей победе, а братья-рыцари со своими людьми,^[413] которые там были убиты, стали мучениками во имя бога, прославляемыми среди христиан».

4. «История Ливонии» Иогана Реннера

Иоган Реннер родился в середине 20-х годов XVI в. в Германии, умер в 80-х годах. 1554–1561 гг. он провел в Ливонии, где служил управителем канцелярии в некоторых орденских замках; после своего возвращения в Германию был нотариусом в Бремене. Составленная им «История Ливонии» написана на средненижненемецком языке (*mittelniederdeutsch*). Источником для приведенного здесь отрывка Реннеру служила «Рифмованная хроника». Перевод выполнен на основе текста, изданного Р. Гаусманом и К. Гельбаумом^[414]. В сносках даны номера соответствующих стихов «Рифмованной хроники».

Текст

«Ock gewan de meister Isborch mit storme. Dar wurden de Russen gefangen edder geschlagen. Do de Plescouwers dit vornemen, rusteden se sich und quemen den ohren to hulpe, dar wort manlich gefochten up beiden siden. Averst der Russen worden 800 erschlagen, de schlachting geschach by Isborch in Ruszlandt, de andern nemen de flucht, den folgeden de Dudeschen na beth aver de Muddouw wente vor de Stadt Plescouw und belegerden de sulven, und als men sich tom stormen rustede, forchteden sich de Russen und begerden freden. De wort also gemaket, dat der Russen koning Gerpolt dem orden aver leth sloete und lande, dar mit dat storment under wegen bleve, wo dan ock geschach. Also leth de hermeister twe ridderbroder mit velen dusent thor besettinge im lande und toch wedder na hus, also 9000 Russen weren gebleven und umbgekamen^[415]. Also dit dem koninge van Nougarden to welende wort, sammelde he ein groth folck und quam den Plescouwern to hulpe, vorjagede de beiden ridderbroders sampt den Dudeschen und nam dat lant wedder in, kerde dar na vedder to rugge. Dar na rustede sich koning Alexander van Suszdal, welches ock eine grote

Stadt is in Ruzlandt, den schaden to wreken und quam mit groler macht in Liflandt, rovede und brande. Darjegen rustede sich de hermester. Desgeliken sande Herman bischop to Dorptc dem orden vele volckes tho hulpe und togen den Russen entjegen und oft se wol swack weren, so schlogen se doch mit den fienden, averst se worden nedder gelecht, dan der Russen weren wol 60 man up einen Dudschen. Hir bleven doth 20 ordens broder und 6 worden gefangen, der Dorptischen quemten vele wech. Do koning Alexander also den stridt beholden hadde, toch he wedder to hus, wowol he ock mannigen man vorlaren hedde».

Перевод

«Также Изборск магистр взял приступом. Русские там были взяты в плен или убиты^[416]. Когда псковичи это узнали, они вооружились и пришли своим на помощь, там храбро сражались с обеих сторон^[417]. Но 800 русских было убито, бой происходил под Изборском на Руси, другие обратились в бегство, их преследовали немцы через реку Великую до города Пскова и осадили его, а когда стали готовиться к приступу, русские испугались и попросили мира^[418]. Он был заключен на таких условиях, что князь русских Герпульт уступил ордену замки и земли, чтобы приступ не состоялся, что и было соблюдено^[419]. Итак, магистр оставил для оккупации [Псковской] земли двух братьев-рыцарей со многими тысячами [немцев] и ушел опять домой, таким образом 9000 русских осталось [на поле брани] и погибло^[420]. Когда это стало известно новгородскому князю, он собрал большое войско и пришел псковичам на помощь, прогнал обоих братьев-рыцарей вместе с немцами и вновь занял землю, после чего возвратился опять домой^[421]. Затем вооружился князь Александр из Суздаля, который также большой город на Руси, чтобы

отомстить за вред, [причиненный немцами], и пришел с большой силой в Ливонию, грабил и жег^[422]. Против этого вооружился магистр^[423]. Равным образом Герман, епископ дерптский, послал на помощь ордену много войска, и они выступили навстречу русским, и хотя они были слабы числом, но все же бились с врагами, но их одолели, так как русских было около 60 человек на одного немца^[424]. Здесь было убито 20 орденских братьев, а 6 было взято в плен, из дерптцев многие спаслись^[425]. После того как князь Александр таким образом одержал победу, он ушел опять домой, поскольку также потерял много людей»^[426].

5. «Хроника Ливонии» Бальтазара Руссова

Бальтазар Руссов (ок. 1542–1602) был лютеранским пастором в г. Ревеле. В 1578 г. им была опубликована получившая большое распространение «Хроника Ливонии». Написана она на нижненемецком языке. Излагая события 1238–1242 гг., Руссов ограничивается несколько сокращенным пересказом соответствующего места «Хроники Тевтонского ордена». Те немногие места, где Руссов дополняет свой источник, оговорены нами в примечаниях.

Текст

...de Köninck tho Dennemarcken... hefft ock eine stadtlke Krygesmacht van Volcke wedder de Vnchristen dem Orden tho hiilpe geschicket, mit welckerem Volcke de Meister Herman Valcke, sick wedder de Rüssen gerüstet hefft, de dem Orden, vnde insunderheit dem Bisschop Herman tho Dörpte, des affgedrungenen Dörptescher. huses haluen, ane vnderladt groten schaden thogeföget hebben. Derwegen de

Meister mit groter macht in Růßlandt vor Iseborg gerůcket ys, vnde hefft dar mit den Růssen gestreden, erer vele ncdder gelecht, vnde de öuerigen in de flucht geschlagen. Darna hebben sick de Meisler vnde Bisschop Herman tho Dörpte, mit dem gantzen Heer vor de Stadt Pleßkow in Růßlandt gelegert, vnde hebben de Stadt stormen willen. Auerst de Růssen in der Pleßkow, hebben einen Frede begeret, vnd sick dem Orden thoergeuende erbadet, Welckes denn mit beleuinge Gerpolts des Růssischen Forsten ock geschehen ys, do ys beyde dat Schlot vnde de Stadt Pleßkow, dem Meister auerantwortet geworden, vnd de Meister hefft dat Schlot vnde det Stadt mit Ordensbrödern vnde mit Christen Volcke wol besettet, vnde hebben samptliken Godt gelauet vnde gedancket, vor de grote auerwinninge, vnde sint darna wedderumine na Lyfflandt gereyset. Auerst Alexander de Förste van Nowgarden, hefft dem Orden de Pleßkow wedderumme affgewunnen, do men schreff 1244. De Christen hebben sick wol Ridderliken geweret, auerst thorn lesten hebben se vorlaren geuen möten. Do sint erschlagen 70. Ordensbröder, mit velem düdeschen Volcke, vnde 6. Bröder sint gefangen, vnde tho dode gemartert worden^[427].

Перевод

«...король Дании... послал также на помощь ордену против нехристей значительную воинскую силу, с каковым войском магистр Герман Балк вооружился против русских, которые ордену, а особенно дерптскому епископу Герману из-за захваченного дерптского замка^[428] беспрестанно причиняли большой вред. Поэтому магистр вторгся с большой силой в Русскую землю, к Изборску, и там сражался с русскими, многих из них перебил, а остальных обратил в бегство. Затем магистр и дерптский епископ Герман со всем войском

расположились лагерем перед городом Псковом на Руси и намеревались штурмовать город. Но русские в Пскове запросили мира и выразили готовность сдаться ордену, что и произошло с согласия русского князя Герпольта, тогда замок и город Псков были сданы магистру, и магистр крепко^[429] занял замок и город орденовыми рыцарями и христианским войском,^[430] и все возносили хвалу и благодарность богу за большую победу, а затем обратно возвратились в Ливонию. Но новгородский князь Александр обратно отвоевал от ордена Псков в 1244 году^[431]. Христиане, правда, сражались мужественно, но в конце концов они потерпели поражение. Тогда было убито семьдесят орденовых рыцарей с многими из немецкого войска, а шесть братьев-рыцарей попали в плен и были замучены до смерти».

* * *

Из приведенных текстов и из комментариев с полной очевидностью явствует, что все тексты поздних прибалтийских хроник XIV–XVI вв., описывающие немецкую агрессию против Руси 1240–1242 гг., восходят к соответствующей части «Рифмованной хроники» и являются ее сильно сокращенными пересказами. В приведенных текстах есть несколько известий, отсутствующих в «Рифмованной хронике», но, как было показано в комментариях, ни одно из этих известий не может быть возведено к какому-либо достоверному дополнительному источнику (письменному или устному); по всей видимости, все расхождения между текстами поздних хроник и текстом «Рифмованной хроники» являются просто плодами литературного творчества поздних хронистов, кое-где добавлявших от себя (и по своему разумению) отдельные детали в освещение

событий, целиком заимствуемое из «Рифмованной хроники».

Таким образом, из рассмотренных памятников только «Рифмованная хроника» может служить достоверным источником для изучения Ледового побоища и предшествовавших ему событий 1240–1242 гг.

Очевидно, в Прибалтике в XIII в. был создан только один повествовательный памятник, описывающий военные действия с Русью 1240–1242 гг. Автор этого памятника использовал сведения об этих событиях, сохранившиеся в памяти ливонских рыцарей к концу XIII в. (а может быть, частично и зафиксированные в каком-то более раннем письменном памятнике). Есть все основания считать, что автор «Рифмованной хроники» использовал все имевшиеся у него сведения, ибо в ряде случаев в ходе изложения ему явно не хватало конкретного материала и он должен был для связности рассказа дополнять и разбавлять известные ему конкретные данные литературными домыслами, описаниями сверкающих доспехов и т. п. Видимо, уже к концу XIII в. в Ливонии сохранилось немного сведений о событиях 1240–1242 гг. Тем более ценно, что эти немногие сведения были сбережены «Рифмованной хроникой» до наших дней.

Заключение геолого-археологической комиссии

Археологическое и геологическое обследование района деревень Чудская Рудница, Заходы, Пнево и Путьково, проведенное 25–28 июля с. г. группой научных работников отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа, во главе с В.Д. Белецким, с участием инженера-геолога В.С. Кузнецовой, установило следующее:

1. Старые Могилы у дер. Заходы представляют собой несколько продолговатый холм естественного происхождения, на вершине которого имеются четыре поздних захоронения, не ранее конца XVIII в.

2. Находящаяся между деревнями Пнево и Путьково небольшая песчаная возвышенность, именуемая населением Старая Застава, является не курганом, а холмом естественного происхождения.

3. Вблизи этого холма, на песчаных выдувах, обнаружены культурные остатки XIV–XV вв. (обломки сосудов, куски обожженной глины, обломки железных предметов). Близ дер. Путьково, слева от дороги из дер. Пнево, на аналогичных выдувах были обнаружены обломки глиняных сосудов XII–XV вв. Среди керамических остатков встречены обломки вылепленных вручную сосудов IX–X вв.

4. Небольшой могильник из жальников у дер. Пнево, судя по вскрытым захоронениям, должен быть отнесен к XIV–XV вв. В 100–150 м к юго-западу от могильника на выдувах песчаных всхолмлений обнаружены выходы культурных остатков (керамика, обломки железных предметов, обломки кирпичей), указывающие на существовавшее в этом месте в XIV–XV вв. небольшое поселение.

5. Береговая полоса к северу от Пнева имеет низменный характер с заболоченной поймой. Она обильно поросла тростником. Место существовавшей тут еще в конце XVIII в. дер. Черемша в настоящее время затоплено водами Теплого озера, и эта деревня перестала существовать (подобно тому, как это произошло в прошлом и с первоначальным местом дер. Чудская Рудница).

6. В обследованной местности отсутствуют сколько-нибудь значительные, с геологической точки зрения, по своей величине валуны или выходы коренных пород, которые могли бы по этой причине играть в прошлом роль ориентира для летописца или послужить населению основанием назвать по ним те или иные находившиеся поблизости участки местности (острова, урочища и т. п.).

*Руководитель группы научных работников
Государственного Эрмитажа В.Д. Белецкий.*

Инженер-геолог В.С. Кузнецова.

28 июля 1963 г.

дер. Пнево.

Список сокращений

БСЭ — Большая советская энциклопедия.

ГБЛ — Государственная Библиотека СССР им. В.И. Ленина.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова под редакцией С.Н. Валка. М.—Л., 1949.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина.

ИИ — Институт истории АН СССР.

ИЭ — Институт этнографии АН СССР.

МАР — Материалы по археологии России.

НПЛ — Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов под редакцией А.Н. Насонова. М., 1950.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

СА — Советская археология.

Ir — Livländische Reimchronik, herausgegeben von Leo Meyer. Paderborn, 1876.

f — folgende (следующие).

v — vers (стих).

Примечания

1

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950, стр. 285–296.

Н.М. Карамзин. История государства Российского, т. IV, СПб., 1830, стр. 26.

Н.И. Костомаров. История Новгорода, Пскова и Вятки,
т. 1. СПб., 1868, стр. 363.

И.И. Василев. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда. Псков, 1882, стр. 184.

Ю. Трусман. О месте Ледового побоища в 1242 г. Журн. Мин. нар. просвещения за 1884 г., январь, стр. 44-46.

А. Бунин. О месте битвы русских с немцами, бывшей 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера. Тр. десятого археол. съезда в Риге, т. 1, М., 1899, стр. 214–219.

Н.Е. Подорожный. Ледовое побоище. М., 1938, стр. 20-21.

С. Глязер. Битва на Чудском озере. М., 1938, стр. 32.

А.Я. Лурье. Александр Невский. М., 1939, стр. 27.

Е.А. Разин. История военного искусства, ч. II. М., 1940, стр. 107-109.

М.Н. Тихомиров. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII-XV вв. М., 1941, стр. 32-33.

В.В. Мавродин. Ледовое побоище. М., 1941, стр. 11-12.

В.И. Пичета. Александр Невский. Ташкент, 1942, стр. 32.

Л.Г. Бескровный. Атлас карт и схем по русской военной истории. М., 1946, лист 4.

М.Н. Тихомиров. О месте Ледового побоища. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, М., 1950, № 1, т. VII, стр. 88-91.

И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. СПб., 1912, стр. 1171.

Э.К. Паклар. Где произошло Ледовое побоище. Истор. записки, Т. 37, 1951, стр. 304–316.

Н.И. Беляев. Александр Невский. М., 1951, стр. 65-66.

А.А. *Строков*. История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общество. М., 1955, стр. 262-263.

В.Т. Пашуто. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956, стр. 186-187.

В.Т. Пашуто. Очерки истории СССР (XII–XIII вв.).
Пособие для учителей. М., 1960, стр. 155–156.

М.С. Ангарский. К вопросу о поисках места Ледового побоища, Военно-истор. журн., 1960, № 6, стр. 110-118.

О наличии в XIII в. этих путей сообщения упомянуто в работах Э.К. Паклара, Н.И. Беляева и А.Я. Лурье. Кроме того, см.: БСЭ, изд. 2-е, т. 24, стр. 435.

Г.Н. Караев. Новые данные, разъясняющие указания летописи о месте Ледового побоища. Тр. Отд. древнерусск. лит., т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 154-158.

В прошлом о. Порка (см.: Большой настольный атлас Маркса. СПб., 1905, лист 20).

Полное собрание русских летописей, т. 4. СПб., 1848,
стр. 223.

Г.Н. Караев. Новые данные о месте Ледового побоища 1242 года. Военно-истор. журн., 1959, № 3.

Наличие этого мелководья отмечено было еще в 1950 г. в упомянутой выше статье М.Н. Тихомирова.

Заключение комиссии см. в Приложении.

См. статью А.С. Потресова и Е.В. Шолоховой в настоящем сборнике.

П.А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.—Л., 1961, стр. 35.

К.Д. Трофимов. Раскопки курганов при дер. Залахтовье-Кувшиново. М., 1909 (то же в Записках Московского археологического института, т. VII); *К. Кудряшов.* Отчет о раскопках 1911 года в Гдовском уезде. Зап. Отд. русск. и славянск. археол. Русск. археол. общ., т. IX, СПб., 1913, стр. 255. — По предположению В.В. Седова, могильник этот не славянский, а чудский. См.: *В.В. Седов.* Следы восточно-балтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961, № 2, стр. 108-109.

П.А. Раппопорт, ук. соч., стр. 41.

В Псковской 2-й летописи под 6970 (1462) г. отмечено: «...псковичи поставиша новый городок и нарекоша его Кобылою» (Псковские летописи вып. 2. М., 1955, стр. 52).

О древней церкви в дер. Кобылье городище см., например: *П.П. Покрышкин*. Церкви псковского типа XV–XVI стол, по восточному побережью Чудского озера. Изв. Арх. комиссии, вып. 22, СПб., 1907, стр. 2. Более подробно об укреплениях древнего городка Кобылы см.: *П.А. Раппопорт*, ук. соч., стр. 88.

Антропологические определения сделаны Б.В. Фирштейн (Музей антропологии и этнографии АН СССР).

Ожерелья, весьма близкие по составу бус, известны из погребений в Гдовских курганах (Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова. МАР, № 29, СПб., 1903, табл. XXII, 62-67).

Определение монет сделано сотрудниками
Нумизматического отдела Государственного Эрмитажа
А.А. Быковым и А.А. Марковой.

E. Hildebrand. Anglosachsiska mynt... Stockholm, 1881,
№ 1683.

Подобные сложные подвески известны в погребениях племени Води (Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.И. Ивановского. МАР № 20, СПб., 1896, табл. I, 5 и VI, 1).

E. Hildebrand, op. cit., № 1812.

П.А. Раппопорт, ук. соч., стр. 40.

Один из этих крестов был вывезен в Псков и хранился в Псковском музее. Крест пропал во время оккупации Пскова немецко-фашистскими войсками.

См., например: *В.В. Седов*. Антропологические типы северо-западных земель Великого Новгорода. Краткие сообщения ИЭ АН СССР, XV, 1952.

В экспедиции 1959 г. участвовал отряд 544-й московской средней школы под руководством А.С. Потресова и М.А. Львова. В экспедициях 1960 и 1962 гг. участвовали отряды 46-й московской школы под руководством А.С. Потресова и Е.В. Шолоховой.

Основание монастыря Илларионом подтверждается в книге «Россия» под редакцией Семенова-Тян-Шанского (т. III, СПб., 1900, стр. 314).

Русский исторический сборник. Под ред. Погодина, М., 1837, раздел «Пути сообщения древней России».

Находки хранятся в Пярнуском межрайонном краеведческом музее (в дальнейшем: Пярну) под № 1864.

Находки хранятся в Институте истории АН ЭстССР (в дальнейшем ИИ) под №№ 2498, 2778, 3653.

ИИ 2513: 38, 2712: 107-109.

51

ИИ 4108.

Пярну 1864.

ИИ 2567: 1-4.

Картографическое заведение Ильина 1866.

Бассейн Псково-Чудского водоема. Часть Теплого озера. Составлена с планшетов военно-топографической съемки 1913 г. Зимний промер 1916 г. полковника Неелова. Береговая черта снята инструментально в 1916 г.

И.Б. Шпиндлер и А. фон Зенгбуш. Чудское озеро. Изв. Русск. геогр. общ., т. 32, вып. 4, 1896.

М.С. Эйгенсон. Очерки физико-географических проявлений солнечной активности. Львов, 1957.

П.П. Предтеченский. Климаты исторического прошлого. *Природа*, 1946, № 6, стр. 6; *А.В. Шнитников.* Изменение солнечной активности за историческую эпоху на основе ее некоторых земных проявлений. Бюлл. Комиссии по иссл. Солнца, № 7 (21), 1951; *А.В. Шнитников.* Изменчивость общей увлажненности Евразии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук. Л., 1955, стр. 5-7.

А.В. ШНИТНИКОВ. Изменчивость общей увлажненности Евразии, стр. 6, 7.

П.П. Предтеченский, ук. соч., стр. 3.

А.В. ШНИТНИКОВ. Изменчивость солнечной активности. стр. 47.

Обе диаграммы даны по работе: *А.В. Шнитников*. Общие черты циклических колебаний уровня озер и увлажненности территории Евразии в связи с солнечной активностью. Бюлл. Комиссии по иссл. Солнца, № 3-4 (17-18), 1949, стр. 75.

М.С. Эйгенсон, ук. соч., стр. 62–68.

Там же, стр. 65.

М.А. Боголепов. 1) Наступающие возмущения климата. М., 1921, стр. 20; 2) Колебания климата Европейской России в историческую эпоху. Землеведение, т. XIV, кн. 3-4, 1907, стр. 69, 81; т. XV, кн. 3-4, 1908, стр. 83; 3) Колебания климата в Западной Европе с 1000 по 1500 год. Землеведение, т. XV, кн. 2, 1908, стр. 53, 56-57.

М.А. Боголепов. Колебания климата Европейской России в историческую эпоху. Землеведение, т. XV, кн. 3-4, 1908, стр. 83.

Д.О. Святский. *Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения.* СПб., 1915, стр. 194.

Бассейн Псково-Чудского водоема. Часть Теплого озера.

Карта Петербургской губернии. Межевания сих уездов 1781.

Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941; вып. 2, М., 1955.

Г.П. Гельмерсен. Чудское озеро и верховье реки Наровы. Зап. ими. Акад. наук, т. 7, приложение 2, СПб., 1865, стр. 58-59.

П.П. Покрышкин. Церкви псковского типа XV–XVI столетия по восточному побережью Чудского озера и на р. Нарове. Изв. Имп. арх. комиссии, вып. 22, СПб., 1907, стр. 2.

Анализ причин затопления в прибрежной зоне Чудско-Псковского озера. Специальная комиссия Совета Министров ЭССР, Таллин, 1956.

А.А. Вельнер. К вопросу о регулировании стока из Чудско-Псковского озера. Изв. ГГИ, № 23, Л., 1929.

Г.П. Гельмерсен, ук. соч.

К.К. Орвику. Геология четвертичного периода Эстонской ССР. Международный геологический конгресс, XXI сессия АН СССР, М., 1960.

Материалы приводятся по «Указателю к первым восьми томам ПСРЛ» (СПб., 1907). Римские цифры обозначают тома, арабские — страницы.

Возможно, имеется в виду место современной эстонской деревни Мехикорма, которую местные жители называют Изменкой.

Исад — место высадки на берегу, пристань (*В. Даль. Толковый словарь, т. II. СПб., 1881, стр. 48*).

Интересно отметить, что в настоящее время Избушкой называется часть озера, в то время как на карте съемки 1917 г. обозначен о. Избушка, Это — одно из доказательств постепенного затопления берегов.

81

пластины.

от деревни Пнево.

корчевали

Все географические названия приводятся по карте Чудского и Псковского озер, 1956 г.

Искаженное «монастырь».

Имеется в виду церковь в дер. Кобылье Городище.

На топографической карте России съёмки 1917 г. о. Горушка обозначен как мыс. Это служит еще одним доказательством затопления берегов.

СОЛОХИ — ШТАНИНЫ.

См. статью Т.Ю. Тюлиной в настоящем сборнике.

90

пригорок.

водоворот.

Приведенные ниже материалы собраны группой московских старшеклассников, принимавших участие в раскопках и других работах комплексной экспедиции.

Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, стр. 50.

В этом месте и в дальнейшем цитаты приводятся по Новгородской 1-й летописи старшего и младшего изводов (М., 1950, стр. 78).

Так называет ливонский хронист немецких рыцарей.

А.А. Строков. История военного искусства. М., 1955, стр. 261.

Е. Разин. История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914-1918 гг., ч. II. М., 1940, стр. 107.

М.С. Ангарский. К вопросу о поисках места Ледового побоища. Военно-истор. журн., 1960, № 6, стр. 117.

Софийская 1-я летопись. Полн. собр. русских летописей, т. V, вып. 1, изд. 2-е, Л., 1925, стр. 229.

Текст введения подготовлен И.П. Шаскольским; раздел I — «Русские источники о Ледовом побоище» — написан Ю.К. Бегуновым; раздел II — «Западные источники о Ледовом побоище» — подготовлен И.Э. Клейненбергом и И.П. Шаскольским (тексты источников, их переводы и текстологический комментарий подготовлены И.Э. Клейненбергом, исторический комментарий — им же при участии И.П. Шаскольского; последнему принадлежат также вводный и заключительный тексты этого раздела).

Н.М. Карамзин. История государства Российского, кн. I, т. IV. СПб., 1842, стлб. 16-21; *И.Д. Беляев.* Великий князь Александр Ярославич Невский. Временник Моск. общ. истории и древностей, кн. 4, М., 1849, стр. 10-14; *Н.И. Костомаров.* 1) Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада, т. I. СПб., 1863, стр. 354-356, 361-365; 2) Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, вып. 1. СПб., 1873, стр. 155-158; *Е.В. Чешихин.* История Ливонии с древнейших времен, т. I. Рига, 1884, стр. 351-357; *Ю. Трусман.* О месте Ледового побоища в 1242 г. Журн. Мин. народн. проев., 1884, январь, стр. 44-46; *А.И. Бунин.* О месте битвы русских с немцами, бывшей 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера. Тр. X археол. съезда в Риге 1896 г., т. I. М., 1899, стр. 214-219.

Трудно даже приблизительно перечислить хотя бы только работы, специально посвященные Ледовому побоищу: научно-популярных работ об Александре Невском и Ледовом побоище было опубликовано несколько сот и они (если считать и газетные статьи) совершенно не поддаются учету; изданная в 1942 г. Всесоюзной книжной палатой библиография литературы об Александре Невском («Наши великие предки». Указатель литературы. М., 1942, стр. 7-14) была составлена недостаточно квалифицированно и к тому же давно устарела. В подготовленной Фундаментальной библиотекой общественных наук общей библиографии работ по истории СССР, вышедших за годы Советской власти (История СССР. Указатель советской литературы за 1917-1952 гг., т. I. М., 1956), отражены только работы исследовательского характера и не отражена научно-популярная литература; к тому же и эта библиография тоже уже устарела.

А.И. Козаченко. Ледовое побоище. М., 1938.

Здесь нет возможности разобрать все многочисленные ошибки этой брошюры, вызванные тем, что автор не счел нужным тщательно изучить источники и литературу вопроса и весьма вольно обращался с имевшимся у него материалом, достаточно указать лишь некоторые из них. Так, по словам автора (на стр. 42), во главе похода 1242 г. на Русь «выступил со всеми рыцарями ордена магистр Валк», т. е. магистр Тевтонского ордена Герман Балк; однако в действительности Балк умер в 1239 г. (*O. Rutenberg. Geschichte der Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Kurland von der ältesten Zeit bis zum Untergange ihrer Selbständigkeit, I Band. Leipzig, 1859, S. 120*) и в событиях 1240–1242 гг., естественно, участвовать не мог. Между тем вслед за А.И. Козаченко авторы ряда популярных работ считали магистра Балка предводителем «псов-рыцарей», напавших на Русь в 1242 г.; в качестве предводителя рыцарей во время Ледового побоища фигурировал магистр Балк и в известном кинофильме «Александр Невский», Еще больший резонанс имела другая ошибка (точнее — вольное обращение с фактами) Козаченко, касающаяся хода самого сражения. По словам Козаченко, при подготовке к сражению Александром Невским «часть дружины была поставлена в засаду за возвышенностями берега» (стр. 45) и в разгар боя засада ударила «с тыла..., закупорив окончательно щель, пробитую германской свиньей» (стр. 46), т. е. решила окончательно исход битвы. Эта дружина, поставленная в засаде — чистейшей воды домысел автора, не основанный ни на каких данных источников (и явно придуманный по аналогии с действиями «засадного полка» во время Куликовской битвы). С легкой руки

Козаченко эта фантастическая «засадная дружина», или «засадный полк», прочно вошла в военно-историческую литературу, в том числе — в учебные пособия, по которым изучалось Ледовое побоище в военно-учебных заведениях; см. выпущенные Воениздатом сочинения: *Е.А. Разин*. История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914–1918 гг. М., 1940, стр. 109 и схема на стр. 108; *В.Н. Бочкарев*. Александр Невский и его победы над шведами и немцами. В сб.: Героическое прошлое русского народа, М., 1946, стр. 20; *А.И. Козаченко*. Ледовое побоище. В сб.: Народ-богатырь (IX–XIII вв.), М., 1948, стр. 94; История военного искусства. Сборник материалов. Вып. 1. Военное искусство рабовладельческого и феодального общества. М., 1951, стр. 182; *Н.И. Беляев*. Александр Невский. М., 1951, стр. 63; История военно-морского искусства. Учебное пособие для академий и училищ. Т. I, М., 1953, стр. 92 и карта на стр. 91; *Е.А. Разин, И.Е. Крупченко, П.С. Синельников*. История военного искусства, т. I. Под ред. Е.А. Разина. Изд. Военной академии бронетанковых войск, Ж, 1956, стр. 58–59; *Е.А. Разин*. История военного искусства. Т. II. Военное искусство феодального периода войны. М., 1957, стр. 160–161 и схема на стр. 159; *С.В. Липицкий*. Ледовое побоище. М., 1964, стр. 46, 51, 53; Атлас офицера. М., 1947, стр. 135, карта «Ледовое побоище 5.4.1242». Домысел о «засадной дружине», кроме военных историков, был подхвачен и некоторыми «гражданскими» историками; см.: *Н.И. Сутт*. Александр Невский. Ярославль, 1940, стр. 61–62; *В.Н. Бочкарев*. Александр Невский. Истор. журн., 1942, № 3–4, стр. 119–120; БСЭ, изд. 2-е, статья «Ледовое побоище» (т. 24, стр. 435 и схема на той же стр.). Эти примеры лишней раз показывают, как важно для исследования исторической битвы на Чудском озере провести основательный источниковедческий анализ и какой вред и для

исследователей, и для популяризаторов приносит
легкомысленное отношение к источникам.

М.Н. Тихомиров. 1) Борьба русского народа с немецкой агрессией (XII–XIII вв.). Знамя, 1939, № 3, стр. 220–229; 2) Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII–XV вв. М., 1941; 3) О месте Ледового побоища. Изв. Акад. наук, сер. истории и философии, М., 1950, № 1, стр. 88–91; 4) Сражение на Неве. Военно-истор. журн., 1940, № 7, стр. 96–102.

В.Т. Пашуто. 1) Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в. М., 1951, стр. 89–100 (к сожалению, автор этой серьезной и основательной книги тоже отдал дань домыслу А.И. Козаченко о «засадной дружине»; в тексте книги этого домысла нет, но на схеме построения войск на стр. 90 засадная дружина изображена на «положенном» месте); 2) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956, стр. 181–191; 3) Очерки истории СССР. XII–XIII вв. М., 1960, стр. 152–158; Очерки истории СССР. IX–XIII вв. М., 1952, стр. 845–852; *А.А. Дризул.* Выдающееся событие в истории латышского народа. Большевик советск. Латвии, 1949, № 6, стр. 29–37; см. также работы, упоминаемые в прим. 8–11.

Несколько работ исследовательского характера о Ледовом побоище было опубликовано уже в предвоенное время и в годы Великой Отечественной войны. Кроме цитированных выше работ М.Н. Тихомирова, см. также: *Н.П. Грацианский.* Немецкая агрессия в Прибалтике в XII–XV вв. Историк-марксист, 1938, № 6, стр. 95–97; *В.Т. Пашуто.* Александр Невский. Уч. зап. Лен. гос. унив., сер. историч. наук, вып. 3, Л., 1939, стр. 70–72; *А.А. Савич.* Борьба русского народа за свою независимость на северо-западной окраине в середине XIII в. Уч. зап. Моск. гос. пед. инст. им. К. Либкнехта, № 4, сер. историч., вып. 2, М., 1939, стр. 22–26; *С.В. Бахрушин.* Александр Невский и борьба русского народа с немецкой агрессией в XIII в. Вестн. Акад. наук, 1942, № 4, стр. 62–68; *Е.А. Косминский.* Ледовое побоище. Вестн. Акад. наук, 1942, № 4, стр. 89–95; *В.И. Пичета.* Александр Невский. Ташкент, 1942, стр. 27–36.

М.Н. Тихомиров. О месте Ледового побоища; *Э.К. Паклар.* Где произошло Ледовое побоище? Истор. зап., № 37, М., 1951, стр. 304-316; *Г.Н. Караев.* 1) Новые данные, разъясняющие указания летописи о месте Ледового побоища. Тр. Отд. древнерусск. литер. Инст. русск. лит. АН СССР, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 154-158; 2) Новые материалы о поисках места Ледового побоища. К итогам работ комплексной экспедиции Академии наук СССР летом 1958 г. Военно-истор. журн., 1959, № 3, стр. 117-122; 3) Новые данные о месте Ледового побоища. (К завершению работ комплексной экспедиции Инст. археологии АН СССР). История СССР, 1963, № 6, стр. 57-75; *М. Ангарский.* К вопросу о поисках места Ледового побоища. Военно-истор. журнал, 1960, № 6, стр. 110-118.

А. А. Строков. 1) Военное искусство Александра Невского. В сб.: О начальных этапах развития русского военного искусства, М., 1951, стр. 92-100; 2) История военного искусства, т. I. М., 1955, стр. 254-267. См. также работы Г.Н. Караева, цитированные в прим. 8.

И.П. Шаскольский. Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240–1242 гг. против Руси. Истор. записки, № 37, М., 1951, стр. 169–188; *Б.Я. Рамм.* Папство и Русь в X–XV вв. М.—Л., 1959, стр. 111–134.

В.Т. Пашуто. Рифмованная хроника как источник по русской истории. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, стр. 102-108.

Э.К. Паклар. Где произошло Ледовое побоище?
Истор. зап., т. 37, М., 1951, стр. 304.

А.И. Козаченко. Ледовое побоище. М., 1938, стр. 43.
То же в кн.: *Народ-богатырь (IX–XIII вв.). М., 1948, стр. 90*
(в дальнейшем — по 1-му изданию). — Текст Софийской
1-й летописи цитируется по: ПСРЛ, т. V, 1-е изд. 1848,
стр. 180.

Там же, стр. 46.

Как, например, у клерикального историка Н.А. Клепинина (см. *Н.А. Клепинин. Святой и благоверный великий князь Александр Невский*. Париж, 1929, стр. 101-103).

М.Н. Тихомиров. Сражение на Неве. Военно-истор. журн., М., 1940, № 7 (12), стр. 99.

А.И. Яковлев. Разгром немецких псов-рыцарей в XIII веке. Александр Невский. Из цикла лекций по истории СССР. М., 1944, стр. 2.

В.Т. Пашуто. Решающие победы русского народа над шведскими и немецкими захватчиками (1240–1242 гг.). В кн.: Очерки по истории СССР. Период феодализма (XI–XV вв.), ч. I. М., 1953, гл. 5, § 2, стр. 851.

А.И. Козаченко. ук. соч., стр. 40.

Там же, стр. 41.

С.В. Липицкий. Ледовое побоище, М., 1964, стр. 43, 44.

А.А. Строчков. История военного искусства, т. I. М., 1955, стр. 261.

Е.А. Разин. История военного искусства, т. II. М., 1957, стр. 160. В таком же духе недавно высказывался и С.В. Липицкий (Ледовое побоище, стр. 46).

123

Рукопись ГПБ, F IV 233, лл. 937, об. — 938 об.

А.В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 3.

А.А. Савич. Борьба русского народа за свою независимость на северо-западной окраине в середине XIII века (1240–1242 гг.). Уч. зап. МГПИ им. К. Либкнехта, № 4, сер. истор., вып. 2, М., 1939, стр. 11.

Там же, стр. 13-14.

Там же, стр. 24-26.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А.Н. Насонова. Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1950, стр. 78 (по Синодальному списку XIII–XIV вв.).

А.А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XII–XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 128–132; *Д.С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 440–443.

Материалы для терминологического словаря древней России. Составил Г.Е. Кочин. Под ред. Б.Д. Грекова. М.—Л., 1937, стр. 295 («Розгон»).

Там же, стр. 118-119 («Зажитье»).

М.Н. Тихомиров. О месте Ледового побоища. Изв. АН СССР, сер. истор. и философии, т. VII, М., 1950, № 1, стр. 88-89.

Псковские летописи, вып. 1. Приготовил к печати
А.Н. Насонов. М.—Л., 1941, стр. 13.

Псковские летописи, вып. 2. Под. ред. А.Н. Насонова.
М., 1955, стр. 21.

Псковские летописи, вып. 2, стр. 87-88.

А.Н. Насонов. Из истории псковского летописания.
Истор. записки, т. 18, М., 1946, стр. 287.

М.Н. Тихомиров. О месте Ледового побоища, стр. 89.

Евгений, митрополит [Е. Болховитинов]. История княжества Псковского, ч. I. Киев, 1831, стр. 84-85.

ПСРЛ, т. I, изд. 2-е. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. Приложение. Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Л., 1928, стлб. 523.

М.Д. Приселков. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940, стр. 98; Д.С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 283.

М.Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, стр. 321; *А.Н. Насонов.* Летописный свод XV века (по двум спискам). В кн.: Материалы по истории СССР. Т. II. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955, стр. 294.

М.Д. Приселков. История русского летописания XI-XV вв., стр. 96-106.

ПСРЛ, Т. I, вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, Изд. 2-е. Л., 1927, стлб. 470.

М.Н. Тихомиров. О месте Ледового побоища, стр. 89.

Ю.К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, тексты, стр. 190-192. — Подобный же текст рассказа о Ледовом побоище читается в одной из редакций Жития Александра Невского третьей четверти XVI в. (см.: *Ю.К. Бегунов.* К вопросу об изучении Жития Александра Невского. Тр. Отд. древнерусск. лит. Инст. лит. АН СССР, т. XVII, М. — Д., 1961, стр. 355-356).

В. Мансикка. Житие Александра Невского. (Разбор редакций и тексты). Памятн. древн. письменности, т. CLXXX, СПб., 1913, стр. 31, 43-46; *Д.С. Лихачев.* Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского. Тр. Отд. древнерусск. лит. Инст. лит. АН СССР, т. V, М.—Л., 1947, стр. 47.

Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д.И. Абрамович. В кн.: Памятники древнерусской литературы, вып. 2. Пгр., 1916, стр. 119-120.

Н.А. Мещерский. «История иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, тексты, стр. 315.

Подробнее см.: *В. Мансикка. Житие Александра Невского*, стр. 19-26.

Ю.К. Бегунов. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей. Новгородск. истор. сб., вып. 9, Новгород, 1959, стр. 229–238.

Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов, стр. 295-297. — Разрядкой отмечен текст, идентичный тексту Новгородской 1-й летописи старшего извода.

В святцах, минеях и прологе день памяти Клавдия и Феодула — 5 апреля (см., например: Великие Минеи-Четьи. Апрель. Тетрадь 1. Дни 1-8. М., 1910, стлб. 162).

ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2-е изд. Пгр., 1915, стр. 228; т. IV, ч. 2, вып. 1. 2-е изд. Пгр, 1917, стр. 219; т. XVI. СПб., 1829, стлб. 52; т. XV, вып. 1. 2-е ИЗД. Пгр., 1922, стлб. 30; т. V, вып. 1. 2-е изд. Л., 1925, стр. 228.

ПСРЛ, т. V, вып. 1. 2-е изд. Л., 1925, стр. 226-229.
Текст без разрядки идентичен тексту Жития Александра
Невского.

В. Мансикка. Житие Александра Невского, приложение, стр. 131-133.

156

Там же, приложение, стр. 12.

ПСРЛ, Т. XXVII. М.—Л., 1962, стр. 45-46.

ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1949, стр. 80-81.

ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 134-135.

ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 150-151.

ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 64-65.

ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 79-80.

ПСРЛ, т. XX, ч. 1. СПб., 1910, стр. 160-161.

ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, стр. 55.

165

Там же, стр. 213-214.

ПСРЛ, т. XXIV. Пгр., 1921, стр. 95-96.

ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стлб. 381-384.

А.Н. Насонов. 1) Материалы и исследования по истории русского летописания. Проблемы источниковедения, т. VI. М., 1958, стр. 264-270; 2) Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись. В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961, стр. 218-222.

ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 125–128. Сокращенный и переработанный рассказ Никоновской летописи о Ледовом побоище находится в так называемом «Погодинском сборнике» (см.: *С.Н. Азбелев*. Светская обработка Жития Александра Невского. Тр. Отд. древнерусск. литературы, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 15).

В. Мансикка. Житие Александра Невского, приложение, стр. 22-24.

Там же, приложение, стр. 39-42; *Н.И. Серебрянский*. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, тексты, стр. 124-137.

Книга Степенная царского родословия. ПСРЛ, т. XXI,
ч. 1. СПб., 1908, стр. 285–286.

В.И. Мансикка. Житие Александра Невского, приложение, стр. 80-83.

Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Под ред. А.И. Пономарева. Вып. 2. СПб., 1896, стр. 56.

175

Обе редакции не изданы и известны нам в рукописях, редакция Викентия — ГБЛ, собр. В.М. Ундольского, № 275; ГПБ, QXVII.24; редакция Тита — ГПБ, собр. Общ. любит. древн. письменности, № 197 и др.

ПСРЛ, Т. XXX. М., 1965, стр. 90.

М.Н. Тихомиров. 1) Летописные памятники бывшего Синодального (патриаршего) собрания. Истор. зап., т. 13, М., 1941, стр. 257-262; 2) Из «Владимирского летописца». Истор. зап., т. 15, М, 1945, стр. 278-300; 3) Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М, 1962, стр. 13-22; ср.: Предисловие к т. XXX ПСРЛ (М., 1965, стр. 3-6).

Исследованию Жития Александра Невского как исторического источника мы предполагаем посвятить в дальнейшем специальную работу.

Западными мы эти источники называем условно, ибо почти все они создавались на современной территории нашей страны, в Восточной Прибалтике. Западными мы их называем потому, что они написаны на западноевропейских языках.

Е.В. Чешихин. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. II. Рига, 1879, стр. 89–90 (текст хроники Германа Вартберге) и стр. 196–197 (текст хроники Б. Руссова). — Е.В. Чешихин — живший в Риге русский буржуазный историк второй половины XIX в. — вместе с жившими в Риге и Ревеле несколькими другими русскими буржуазными историками (М. и Н. Харузиными, Ю. Трусманом и др.) поставил своей целью создать русскую науку по истории Прибалтики и тем самым ликвидировать монополию прибалтийско-немецкой историографии в области истории прибалтийских народов. Для достижения этой цели Чешихин решил перевести на русский язык и опубликовать все наиболее важные источники по истории Прибалтики XIII–XVI вв. (и частично — более позднего времени), чтобы создать необходимую базу для развертывания исследовательской работы русских ученых. Разумеется, подобное предприятие в общем должно расцениваться положительно, ибо оно способствовало ознакомлению русских ученых со всеми важнейшими источниками прибалтийской истории; издание Чешихина уже 80 лет помогает русским историкам изучать прошлое Прибалтики.

Для Чехихина важно было решить задачу в общем плане: выпустить в русском переводе собрание источников по истории Прибалтики; выполнение подобной задачи в небольшой срок и с соблюдением всех требований, предъявляемых к строго научному переводу, вообще было бы не под силу одному человеку.

Об этом приходилось уже однажды писать в другой связи (см.: *И.П. Шаскольский*. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани. В сб.: *Международные связи России до XVII в М., 1961, стр. 385, прим. 37*).

Так, только в русских источниках есть сведения о Невской битве, о Куликовской битве и о ряде других сражений Руси с внешними врагами.

О рукописях «Рифмованной хроники» см.: *Leo Meyer*. Zur Inländischen Reimchronik. Ztschr. für deutsche Philologie, Bd. IV, Halle, 1873, SS. 407-444.

Описание всех изданий см. у Пауля Экке, подготавливавшего новое, не состоявшееся издание хроники (*Paul Ecke. Die livländische Reimchronik. Diss. Greifswald, 1910, S. 7 f.*; ср. также библиографию по истории Ливонии: *E. Winkelmar* п. *Bibliotheka Livoniae historica. Berlin, 1878, № 1722*).

Fragment einer Urkunde der ältesten livländischen Geschichte in Versen aus der Originalhandschrift zum Drucke befördert mit einigen Erläuterungen und Glossar versehen von Dr. Lib. Bergmann. Riga, 1817.

Die livländische Reimchronik, hrsg. von Franz Pfeiffer, Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart, Bd. III. Stuttgart, 1844.

Scriptores rerum livonicarum, Bd. I. Riga und Leipzig,
1853.

Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar, herausgegeben von Leo Meyer. Paderborn, 1876 (далее цитируем: LR).

E. Winkelmann, op. cit.

R. Linder. Zur älteren livländischen Reimchronik. Diss. Leipzig, 1891; P. Ecke, op. cit; *Werner Meyer.* Stilistische Untersuchungen zur livländischen Reimchronik. Diss. Greifswald, 1912.

Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии, ч. I. Рига, 1949, стр. 18-22.

В.Т. Пашуто. 1) Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 134–139; 2) Рифмованная хроника как источник по русской истории. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, стр. 102–108.

О литературе Тевтонского ордена см.: *K. Helm und W. Ziesemer*. Die Literatur des Deutschen Ritterordens. Giessen, 1951.

Fr. Wachtsmuth. Quellen und Verfasser der livländischen Reimchronik. Programm des Gymnasiums zu Mitau. Mitau, 1878.

Об авторе «Рифмованной хроники» см.: *Я. Зутис*, ук. соч., стр. 19–20; *N. Busch*. Die Greifswalder Dissertation über die livländische Reimchronik. Sitzungsberichte der Gesellschaft zur Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Rußlands, 1911, Riga, 1912, SS. 7–14; *Z. Ivinskis*. Eletoji Livonijos kronika ir jos autentiskumas. Zidiny, Kaunas, 1936, t. 24, № 10, pp. 289–302.

В.Т. Пашуто. Рифмованная хроника как источник по русской истории, стр. 103 и 108.

F. Wachsmut, op. cit., S. 23.

Я. Зутис, ук. соч., стр. 19-20.

200

Там же.

R. Linder, op. cit., S. 48.

В предыдущей главе речь шла о разделе Северной Эстонии между датским королем и орденом при посредничестве папского легата.

dem dûtschen hûs — дословно «немецкому дому», *das dûtsche hûs* — одно из самоназваний Тевтонского ордена, объясняемое тем, что этот орден был в XII в. организован при доме призрения немецких паломников в Иерусалиме, отсюда название орденских рыцарей *die brûdere von dem dûtschen hûs* (717) — «братья из немецкого дома».

Nieflant — так систематически в «Рифмованной хронике» называется Ливония. Ее обычное название в немецких текстах того времени *Lieflant*, *Liffiant*, *Livlant*, т. е. «страна ливов». Форма *Nieflant* в «Рифмованной хронике», возможно, является реминисценцией с легендарной страной нибелунгов в немецком эпосе.

Darbete — нижненемецкое название эстонского Тарту, русск. — Дерпт (Юрьев), совр. нем. — *Dorpat*.

bischof Herman — брат рижского архиепископа Альберта; епископ эстонский, перенес в 1224 г. свою резиденцию на тартуский Вышгород, на место древнего русского Юрьева, став таким образом непосредственным соседом псковичей (см.: *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, стр. 235 и 241).

Истинными христианами автор «Рифмованной хроники» признает только христиан римско-католического вероисповедания.

in tet ir unsâlde vil wê — стих, вызвавший разные толкования. Немецкие интерпретаторы «Рифмованной хроники» прошлого века понимали этот стих так, что «безбожность русских причиняла епископу Герману страдания» (*E. Meyer. Die livländische Reimchronik von Dittlieb von Alnpeke in das Hochdeutsche übertragen und mit Anmerkungen versehen. Reval, 1848, S. 59; Scriptorum rerum livonicarum, Bd. I. Riga — Leipzig, 1853, p. 558*). Мы считаем такое понимание ошибочным. Ключом к истинному смыслу этого предложения должно служить местоимение *in*, с которого начинается стих. Синтаксически здесь требуется дательный падеж, так как местоимение зависит от глагола *tet... wê*, ср. *dem meister tet die rede wê* (v. 9612). Следовательно, *in*, также и по форме являющееся дательным падежом множественного числа от местоимения *sie* — они, заменяет собой не существительное *bischof*, а существительное *die Rûzen*. При таком, грамматически обоснованном толковании значения местоимения *in* мы считаем, что автор «Рифмованной хроники» в этом стихе вовсе не говорит о «страданиях Германа», а намекает на то, что вызванная, по его мнению, схизматиками-русскими против «истинных христиан» война была для них неудачной, привела к захвату рыцарями Изборска и Пскова.

209

Епископу Герману.

die brüdere — так в «Рифмованной хронике» называются орденские рыцари. Будучи связанными монашескими обетами, они, по аналогии с монастырским обычаем, называли себя братьями. Этот термин здесь и далее переводится «братья-рыцари».

der meister — магистр, глава ордена в Ливонии.

risch — «быстрый, смелый, дерзкий»; один из постоянных эпитетов, применяемых в средневерхненемецкой эпической поэзии для характеристики воина, рыцаря.

des kuniges man — обозначение, употребляемое в «Рифмованной хронике» для вассалов датского короля, владевшего в то время Северной Эстонией. Эти датские феодалы неоднократно были союзниками ордена в его войнах с Русью и Литвой. Они приводили с собой в орденское войско отряды, состоявшие из зависимых от них эстов.

der Rûzen lant — дословно «земля (страна) русских»,
здесь и далее переводится «Русь».

ez gienc in dâ vil wol in hant — идиоматическое выражение «их дела пошли очень хорошо»; ср. v. 2067-2068.

die — указательное местоимение, заменяющее собой *bure*; здесь это следует понимать как «люди, находящиеся в замке», «его гарнизон».

slurmes man mit in began — дословно «начали их штурмовать».

Îsburc. Русский топоним Изборск этимологизирован в «Рифмованной хронике» на немецкий лад. Такая этимологизация вызывалась звуковым сходством слова «борск» с немецким *bure* — «замок». В v. 2087 и v. 2091 Изборск назван просто *bure*, а в v. 2090 — *hûs*. Термины *burc* и *hûs* соответствуют русскому слову «город» только в одном из его значений, а именно «укрепленное место», «замок», но не «посад». Такое словоупотребление говорит о том, что автор «Рифмованной хроники» рассматривал Изборск как укрепление, посад при котором не имел большого значения. Ср. ниже, v. 2101, где речь идет о Пскове.

Die von Plezcowe — дословно «те из Пскова», т. е. псковичи. Обычная конструкция в немецком языке средних веков для обозначения жителей того или иного города.

Хронист называет Псков словом *slat*. Такое словоупотребление говорит о том, что он в первую очередь видит в нем посад с ремесленным и торговым населением. Ср. прим. 17, где речь идет об Изборске.

sûr — в основном значении — «кислый», «резкий», «едкий», «горький»; в переносном значении относительно людей — «твердый», «злой», «нехороший», «грозный», «жестокий», «кроважадный».

brunje — это доспех для защиты верхней части туловища, т. е. броня, панцирь, кольчуга. Об описании хронистом вооружения русских войск см. комментарий, раздел а.

als ein glas — часто встречающееся у хрониста сравнение при описании блеска защитного вооружения, в частности шлемов; ср. v. 2109, 2374, 3283, 5019, 10411.

manich schutze — подразумеваются русские стрелки из лука; ср. далее (v. 2216), где говорится, что войско Александра Невского имело на своем вооружении очень много луков (*bogen*). Подробнее см. комментарий, раздел а.

225

kein — здесь одна из форм предлога *gegen* — «против».

riten an — претерит от глагола *anrîten* — дословно «атаковать в конном строю», так как *rîten* — «ехать верхом». Атака в конном строю наиболее типична для рыцарских отрядов. Но хронист сообщает также о более редких случаях, когда всадники перед боем спешивались и шли на противника в пешем строю. См. v. 11728-11737.

wunden wîr — дословно «широкие раны».

grôze nôt — дословно «большую нужду».

die anderen — дословно «другие».

230

vaste — наречие, имеющее много значений: «крепко», «тесно примыкая», «до», «до близости»; «сильно», «мощно», «быстро», «очень», «довольно».

231

zû lande — соответствует русскому «домой».

die Mode — название, которым ливонские немцы обозначали реку Великую у Пскова. Этот топоним встречается у Б. Руссова в форме *Modda* (*Scriptores rerum livonicarum*, Bd. I, p. 28) и у Жильбера де Ланноа в написании *Moede*, *Moeude* (*Guillebert de Lannoy et ses voyages en 1413, 1414 et 1421 commenté en français et polonais par Joachim Lelewel, Bruxelles, 1844, pp. 36 et 49*). Жильбер пишет, что Псков расположен на двух реках, *Moede et Plesco*, и что обратно в Ливонию его везли на санях по льду реки *Moede*, а затем по льду Чудского озера. Это описание, а также то, что в ливонских источниках *Mode* называется река, которую немцы должны были форсировать по пути из Изборска в Псков, позволяет отождествить *Mode* с р. Великой.

По-видимому, речь идет о праве получить лен в захваченных псковских землях.

234

zû sturme — дословно «на штурм».

Хронист различает в Пскове *bure* — «кремль» и *slat* — «посад». Ср. прим. 17 и 19. И это не только в этом месте. При описании более позднего набега рыцарей на Псков (в 1269 г.) хронист рассказывает, что псковичи сами сожгли посад (*stat*) и укрылись в кремле (*bure*) — см. v. 7711-7728.

Глагол *sich bieten* имеет значения «предоставить себя», «отдать себя», «предложить себя». Здесь хронист сообщает и пытается объяснить беспримерный факт сдачи без боя в руки ордена Пскова, кремль которого хронист в другом месте считает неприступным при условии единодушия защитников (v. 7726–7728). Из летописи известно, что сдача была осуществлена группой псковских бояр-изменников, для которых личное благополучие оказалось дороже чести и родины (НПЛ, стр. 294).

alsô — дословно «так, таким образом».

О толковании этого имени и об изменнической роли князя, который его носил см. комментарий, раздел б.

kunic — дословно «король». Этот термин употребляется хронистом и вообще в ливонских источниках до конца XV в. для обозначения как западноевропейских королей, так и русских князей периода феодальной раздробленности. В латиноязычных памятниках русские князья соответственно называются *reges* (ср. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 455, прим. 3). Слово *kunic*, примененное к русским князьям, здесь и далее переводится словом «князь». Хронист лишь один раз называет русского князя (Юрия Андреевича, племянника Александра Невского) словом *vurste* (v. 7745–7746) и то потому, что тот не занимал княжьего стола, а вел переговоры с магистром только в качестве представителя новгородского князя: *er was an des kuniges stat* (v. 7747).

hieꝛ — дословно «назывался», здесь этот глагол употреблен в функции связки, по значению равной глаголу *sin* — «быть»; ср. аналогичное употребление: *Alexander was gênant // der bie der zît ir kunic hieꝛ* (v. 2208–2209).

die sūne — «искупление», «примирение», «мир», «покой», «суд», «приговор».

242

Речь идет об оккупации захваченных псковских земель.

eine cleine macht — дословно «малую силу».

unlange vrist — дословно «недолгий срок».

Nogarden — одна из наиболее распространенных форм передачи в немецких текстах названия Новгорода Великого.

246

Это заверение вызвано необходимостью ввести рифму к *schar*.

nicht lange sûmete er dar nâch — типичное для «Рифмованной хроники» вставное предложение, которое вовсе не хочет подчеркнуть, что действие развивалось необычно быстро, а является лишь художественным приемом. Такие предложения с глаголом *sûmen*, а также *sparn* и некоторыми другими порождены необходимостью ввести в стих ту или иную рифму. Кроме того, наличие таких предложений-заполнителей вызвано тем, что рифмованные хроники были предназначены для чтения вслух. Эти предложения разбавляли действие и облегчали восприятие содержания аудиторией. Таких предложений с глаголом *sûmen* в «Рифмованной хронике» насчитывается 20, например V. 2234, 2862, 5149, 5163 и др.

Буквально: освободив (избавив) их от фогтства, т. е. от исполнения обязанностей фогтов. Захваченные земли орден членил на административные области, во главе которых ставились орденские рыцари, называвшиеся в одних областях командорами (комтурами), в других — фогтами. Последнее название происходит от латинского слова *advocatus*. В русских источниках орденские фогты называются «судьями», например: «Судья ругодивескеи Еремеи», «кескеи судья Иване» в ГВНП, № 60. Слово *vogetîe* может обозначать как административный район, так и название должности, здесь подразумевается последнее.

249

Речь идет об отряде военных слуг — кнехтов (*knechte*).

missewende — многозначное слово: «неправильный поворот», «отклонение от лучшего к худшему», «упрек», «позор», «изъян», «преступление», «позорящее действие», «несчастье», «вред».

Хронист не называет новгородского князя, изгнавшего немцев из Пскова, по имени. Он не отождествляет его с Александром Невским, который в «Рифмованной хронике» начинает принимать участие в событиях лишь в следующей главе в качестве суздальского князя. Автор «Хроники Тевтонского ордена», пользовавшийся «Рифмованной хроникой» (XV в.) при изложении событий 1238–1242 гг., исправил этот недочет и связал освобождение Пскова с именем Александра Невского.

Хронист очень мало искажает русские топонимы. В данном случае мы видим абсолютно точную транслитерацию.

253

См. прим. 222, здесь же глагол *hieꝛ* применен в прямом значении.

volc — многозначное слово, может обозначать: «народ», «люди», «воинство», «войско», «подданные», «слуги», «отряд», «толпа».

255

den Ruzen was ir schade leit — дословно «русским был обиден вред [причиненный им немцами]».

256

См. прим. 204 и комментарий, раздел а.

rich — подразумевается «богато украшены».

ir helme die wâren liecht bekant — дословно «их шлемы, те были известны сияющими».

mâzen vil— дословно «умеренно много».

und stifle roub und brant — постоянная фраза в «Рифмованной хронике» при описании военных походов; ср. v. 1440, 1902, 2698, 2756, 8960, 9804, 11116.

Территория, находившаяся под властью ливонских епископов, называлась словом *stift* (епископство).

262

См. прим. 229.

263

См. прим. 208.

264

См. прим. 206 и комментарий, раздел а.

daz êrste spil — Дословно «первую игру». Название боя словом *spil* — «игра» — типичная метафора в рыцарской поэзии. В «Рифмованной хронике» она встречается часто, например в стихах 4201, 4652, 6079, 7410 и др.

Слово *banier* может обозначать как «знамя», «хоругвь», так и «отряд», сражающийся под данным знаменем; здесь *banier* употреблено в последнем значении и обозначает характерное для орденских рыцарей клиновидное построение, — «свинью» русских летописей.

Возможно, что слово *gras* — «трава» здесь применено метонимически для выражения понятия «земля». Ср. немецкое идиоматическое выражение *in das Gras beißen* — «пасть на поле брани», дословно — «укусить траву». В этой идиоме основной образ настолько уже ослаблен, что она может применяться без учета времени года, в котором происходит описываемое событие.

Число шестьдесят, по-видимому, служит здесь условным обозначением превосходства в числе, так как оно встречается в «Рифмованной хронике» также при описании и другого боя немцев с русскими: *ein dûtscher mûste geben strît // wol sechzic Rûen...* (v. 7634–7635).

er liez doch dar zû pfande // sumelîchen rischen man —
дословно «он, однако, оставил там в залог много
храбрых людей».

Этот стих говорит о том, что «Рифмованная хроника» была предназначена для чтения вслух.

271

См. комментарий, раздел в.

В.Т. Пашуто считает, что под язычниками хронист подразумевает карел и ижорцев, которые были в составе новгородского войска, изгнавшего орденских рыцарей из Копорья (*В.Т. Пашуто. Рифмованная хроника как источник по русской истории, стр. 104*). Но это мало вероятно, так как хронист вообще ничего не знает и не сообщает о военных действиях в Водской земле. Скорее всего язычниками здесь названы литовцы, которые действительно в это время были еще язычниками и оказывали орденской агрессии упорное сопротивление.

В предыдущей главе речь шла о разделе Северной Эстонии между датским королем и орденом при посредничестве папского легата.

bischof Herman — брат рижского архиепископа Альберта; епископ эстонский, перенес в 1224 г. свою резиденцию на тартуский Вышгород, на место древнего русского Юрьева, став таким образом непосредственным соседом псковичей (см.: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, стр. 235 и 241).

Истинными христианами автор «Рифмованной хроники» признает только христиан римско-католического вероисповедания.

in tet ir unsâlde vil wê — стих, вызвавший разные толкования. Немецкие интерпретаторы «Рифмованной хроники» прошлого века понимали этот стих так, что «безбожность русских причиняла епископу Герману страдания» (*E. Meyer. Die livländische Reimchronik von Dittlieb von Alnpeke in das Hochdeutsche übertragen und mit Anmerkungen versehen. Reval, 1848, S. 59; Scriptorum rerum livonicarum, Bd. I. Riga — Leipzig, 1853, p. 558*). Мы считаем такое понимание ошибочным. Ключом к истинному смыслу этого предложения должно служить местоимение *in*, с которого начинается стих. Синтаксически здесь требуется дательный падеж, так как местоимение зависит от глагола *tet... wê*, ср. *dem meister tet die rede wê* (v. 9612). Следовательно, *in*, также и по форме являющееся дательным падежом множественного числа от местоимения *sie* — они, заменяет собой не существительное *bischof*, а существительное *die Rûzen*. При таком, грамматически обоснованном толковании значения местоимения *in* мы считаем, что автор «Рифмованной хроники» в этом стихе вовсе не говорит о «страданиях Германа», а намекает на то, что вызванная, по его мнению, схизматиками-русскими против «истинных христиан» война была для них неудачной, привела к захвату рыцарями Изборска и Пскова.

277

Епископу Герману.

die brüdere — так в «Рифмованной хронике» называются орденские рыцари. Будучи связанными монашескими обетами, они, по аналогии с монастырским обычаем, называли себя братьями. Этот термин здесь и далее переводится «братья-рыцари».

der meister — магистр, глава ордена в Ливонии.

des kuniges man — обозначение, употребляемое в «Рифмованной хронике» для вассалов датского короля, владевшего в то время Северной Эстонией. Эти датские феодалы неоднократно были союзниками ордена в его войнах с Русью и Литвой. Они приводили с собой в орденское войско отряды, состоявшие из зависимых от них эстов.

281

Подразумеваются епископ и магистр.

manich schutze — подразумеваются русские стрелки из лука; ср. далее (v. 2216), где говорится, что войско Александра Невского имело на своем вооружении очень много луков (*bogen*). Подробнее см. комментарий, раздел а.

die Mode — название, которым ливонские немцы обозначали реку Великую у Пскова. Этот топоним встречается у Б. Руссова в форме *Modda* (*Scriptores rerum livonicarum*, Bd. I, p. 28) и у Жильбера де Ланноа в написании *Moede*, *Moeude* (*Guillebert de Lannoy et ses voyages en 1413, 1414 et 1421 commenté en français et polonais par Joachim Lelewel, Bruxelles, 1844, pp. 36 et 49*). Жильбер пишет, что Псков расположен на двух реках, *Moede* et *Plesco*, и что обратно в Ливонию его везли на санях по льду реки *Moede*, а затем по льду Чудского озера. Это описание, а также то, что в ливонских источниках *Mode* называется река, которую немцы должны были форсировать по пути из Изборска в Псков, позволяет отождествить *Mode* с р. Великой.

По-видимому, речь идет о праве получить лен в захваченных псковских землях.

Хронист различает в Пскове *bure* — «кремль» и *slat* — «посад». Ср. прим. 17 и 19. И это не только в этом месте. При описании более позднего набега рыцарей на Псков (в 1269 г.) хронист рассказывает, что псковичи сами сожгли посад (*stat*) и укрылись в кремле (*bure*) — см. v. 7711-7728.

Глагол *sich bieten* имеет значения «предоставить себя», «отдать себя», «предложить себя». Здесь хронист сообщает и пытается объяснить беспримерный факт сдачи без боя в руки ордена Пскова, кремль которого хронист в другом месте считает неприступным при условии единодушия защитников (v. 7726–7728). Из летописи известно, что сдача была осуществлена группой псковских бояр-изменников, для которых личное благополучие оказалось дороже чести и родины (НПЛ, стр. 294).

О толковании этого имени и об изменнической роли князя, который его носил см. комментарий, раздел б.

kunic — дословно «король». Этот термин употребляется хронистом и вообще в ливонских источниках до конца XV в. для обозначения как западноевропейских королей, так и русских князей периода феодальной раздробленности. В латиноязычных памятниках русские князья соответственно называются *reges* (ср. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 455, прим. 3). Слово *kunic*, примененное к русским князьям, здесь и далее переводится словом «князь». Хронист лишь один раз называет русского князя (Юрия Андреевича, племянника Александра Невского) словом *vurste* (v. 7745–7746) и то потому, что тот не занимал княжьего стола, а вел переговоры с магистром только в качестве представителя новгородского князя: *er was an des kuniges stat* (v. 7747).

Речь идет об оккупации захваченных псковских земель.

eine cleine macht — дословно «малую силу».

291

Это заверение вызвано необходимостью ввести рифму к *schar*.

nicht lange sûmete er dar nâch — типичное для «Рифмованной хроники» вставное предложение, которое вовсе не хочет подчеркнуть, что действие развивалось необычно быстро, а является лишь художественным приемом. Такие предложения с глаголом *sûmen*, а также *sparn* и некоторыми другими порождены необходимостью ввести в стих ту или иную рифму. Кроме того, наличие таких предложений-заполнителей вызвано тем, что рифмованные хроники были предназначены для чтения вслух. Эти предложения разбавляли действие и облегчали восприятие содержания аудиторией. Таких предложений с глаголом *sûmen* в «Рифмованной хронике» насчитывается 20, например V. 2234, 2862, 5149, 5163 и др.

Буквально: освободив (избавив) их от фогтства, т. е. от исполнения обязанностей фогтов. Захваченные земли орден членил на административные области, во главе которых ставились орденские рыцари, называвшиеся в одних областях командорами (комтурами), в других — фогтами. Последнее название происходит от латинского слова *advocatus*. В русских источниках орденские фогты называются «судьями», например: «Судья ругодивескеи Еремеи», «кескеи судья Иване» в ГВНП, № 60. Слово *vogetîe* может обозначать как административный район, так и название должности, здесь подразумевается последнее.

Речь идет об отряде военных слуг — кнехтов (*knechte*).

Хронист не называет новгородского князя, изгнавшего немцев из Пскова, по имени. Он не отождествляет его с Александром Невским, который в «Рифмованной хронике» начинает принимать участие в событиях лишь в следующей главе в качестве суздальского князя. Автор «Хроники Тевтонского ордена», пользовавшийся «Рифмованной хроникой» (XV в.) при изложении событий 1238–1242 гг., исправил этот недочет и связал освобождение Пскова с именем Александра Невского.

Хронист очень мало искажает русские топонимы. В данном случае мы видим абсолютно точную транслитерацию.

volc — многозначное слово, может обозначать: «народ», «люди», «воинство», «войско», «подданные», «слуги», «отряд», «толпа».

298

См. прим. 204 и комментарий, раздел а.

Территория, находившаяся под властью ливонских епископов, называлась словом *stift* (епископство).

300

См. прим. 229.

301

См. прим. 206 и комментарий, раздел а.

daz êrste spil — Дословно «первую игру». Название боя словом *spil* — «игра» — типичная метафора в рыцарской поэзии. В «Рифмованной хронике» она встречается часто, например в стихах 4201, 4652, 6079, 7410 и др.

Слово *banier* может обозначать как «знамя», «хоругвь», так и «отряд», сражающийся под данным знаменем; здесь *banier* употреблено в последнем значении и обозначает характерное для орденских рыцарей клиновидное построение, — «свинью» русских летописей.

Возможен также перевод: «оттеснил», «врезался», «прорвался сквозь [ряды]...».

ûf daz gras — о трактовке этого выражения см. стр. 163–164. Возможно, что слово *gras* — «трава» здесь применено метонимически для выражения понятия «земля». Ср. немецкое идиоматическое выражение *in das Gras beißen* — «пасть на поле брани», дословно — «укусить траву». В этой идиоме основной образ настолько уже ослаблен, что она может применяться без учета времени года, в котором происходит описываемое событие.

Число шестьдесят, по-видимому, служит здесь условным обозначением превосходства в числе, так как оно встречается в «Рифмованной хронике» также при описании и другого боя немцев с русскими: *ein dûtscher mûste geben strît // wol sechzic Rûen...* (v. 7634–7635).

er liez doch dar zû pfande // sumelîchen rischen man —
дословно «он, однако, оставил там в залог много
храбрых людей».

Этот стих говорит о том, что «Рифмованная хроника» была предназначена для чтения вслух.

309

См. комментарий, раздел в.

В.Т. Пашуто считает, что под язычниками хронист подразумевает карел и ижорцев, которые были в составе новгородского войска, изгнавшего орденских рыцарей из Копорья (*В.Т. Пашуто. Рифмованная хроника как источник по русской истории, стр. 104*). Но это мало вероятно, так как хронист вообще ничего не знает и не сообщает о военных действиях в Водской земле. Скорее всего язычниками здесь названы литовцы, которые действительно в это время были еще язычниками и оказывали орденской агрессии упорное сопротивление.

Стилистические особенности «Рифмованной хроники» детально разобраны в работе Вернера Мейера (*W. Meyer. Stilistische Untersuchungen zur livländischen Reimchronik*, Diss. Greifswald, 1912).

312

*sie vûrten schilt und sper // vil brunjen und manchen
helm // den sach man lûchten durch den melm (v. 1084-
1086).*

313

*mancher brunjen wunneclîch. // Ir helme waren von
golde rîch, // ez lûchte alsam ein spîgelglas (v. 5017-5019).*

314

mit mancher brunjen liechtevar. // Ir helme wâren rîche
(v. 7178-7179).

315

См. V. 1590, 7579, 9224.

В.Т. Пашуто. Рифмованная хроника как источник по русской истории. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, стр. 105.

Rûzen schutzen waren komen // kunige Thoreiden zû vromen. // Sie wunten manchen mit ir bogen (v. 8217-8219). — «Русские стрелки прибыли на помощь князю // Торейде. Они ранили многих своими луками».

die Rûzen sêre des verdoz // daz man sô vaste ûf sie schôz // ir schutzen schuzzen vaste wider (v. 6643-6645), — «русским очень не нравилось, // что по ним так сильно стреляли из тартуского вышгорода, // их стрелки открыли сильную ответную стрельбу».

319

Ср. в. 5425, 6224, 8195, 8640-8646, 10007, и др.

Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. I.
М., 1937, стр. 160 и 369.

321

Encyclopaedia Britannica, v. IV. London, 1963, p. 30.

322

v. 8631-8707.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938,
стр. 236, 238, 191.

М.Г. Рабинович. Из истории русского оружия IX–XV вв. Тр. Инст. этнографии им. Н.Н. Миклухи-Маклая, новая серия, т. I, 1947, стр. 91. — Е.А. Разин, наоборот, считает, что все новгородские воины имели луки, но зато он категорически отрицает наличие в новгородской рати специальных отрядов лучников (*Е.А. Разин.* История военного искусства, Т. 2. М., 1957, стр. 147–148).

А.Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. Раздел «Лук и стрелы». Мат. и исслед. по археологии СССР, № 65, Тр. Новгородск. археол. экспедиции, т. II, стр. 138 и далее.

326

Там же, стр. 149.

Ср., например: *deh Gemmegrotschen* — ямгородцы (Akten und Rezesse der livländischen Ständetage, Bd. III. Riga, 1910, № 136); *Timofee Geroske* — Тимофей Ярошка (Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch, Bd. IV. Reval, 1859, № 1796); *Gerithslavus, Gerzellavus, Gersleff* — Ярослав (Scriptores rerum danicarum medii aevi, t. IX, Havniae, 1878, p. 353); *Gerceslavs* — Ярослав (Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, стр. 192 и 384).

Это было имя одного из сыновей императора Священной Римской империи Арнульфа (895–900 гг.). Этот франкский королевич был назван славянским именем в честь своего деда с материнской стороны, моравского князя (G. Schlimpert. *Slawische Personennamen in mittelalterlichen Quellen Deutschlands*. Berlin 1964, S. 47, Anm. 2).

C. Kelch. Liefländische Historia. Reval, 1865, S. 35; *J.G. Arndt.* Der Liefländischen Chronik anderer Theil. Halle, 1753, S. 45; *Scriptores rerum livonicarum*, Bd. I. Riga — Leipzig, 1853, p. 744.

В.Т. Пашуто. Рифмованная хроника как источник по русской истории. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, стр. 104.

P. v. d. Osten-Sacken. Der erste Kampf des Deutschen Ordens gegen die Russen. Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, Bd. XX, Riga, 1907, S. 105.

С.М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. III. 3-е изд. М., 1960, стр. 835, прим. 1.

P. Goetze. Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Ehstland. St.-Petersburg, 1854, S. 140; A.M. Ammann. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newskis. Rom, 1936, S. 222.

См.: Указатель к первым восьми томам ПСРЛ. Отдел первый. Указатель лиц, т. II, СПб., 1898, стр. 368; специальный очерк об этом князе — см.: *P. Goetze*, op. cit., SS. 137-143.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под ред. А.Н. Насонова. М., 1950 (далее — НПЛ), стр. 77, 294.

Подобная передача слога «Яр» в прибалтийско-немецкой письменности XIII в. зафиксирована и конкретно для данного лица: Генрих Латвийский в своей хронике называет Ярослава Владимировича *Gerceslawe* (Хроника Ливонии, стр. 384).

Этот элемент мы встречаем, например, в таких именах, как *Leopold, Humbold*; он имеет в германских языках значение «быстрый», «смелый», «сияющий» и происходит от равнозначного прилагательного *balt* (см.: *J. Grimm und W. Grimm. Deutsches Wörterbuch, Bd. I. Leipzig, 1854, S. 1081*).

Ср. сохранившийся как на русском, так и на немецком языке текст новгородско-ливонского договора 1421 г., где в русском документе один из ливонских послов Госвин (*Goswin*) назван Гостела, а другой Герман (*Herman*) — Еремей (ГВНП, № 60); немецкий текст этого договора см.: Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским. СПб., 1868, № 213. Имя *Gerpolt* в устной речи немцев должно было звучать как Ерпольт или Ярпольт. Такая адаптация имени Ярослав облегчалась еще тем, что в те времена существовало немецкое имя *Gerbold*. См. указатель личных имен к XVI т. «*Monumenta Germaniae Historica*», где указаны два носителя этого имени из Северной Германии.

Генрих Латвийский, ук. соч., стр. 151, 160; НПЛ, стр. 52, 250. О кн. Владимире Мстиславиче см.: *M. Taube*. Russische und litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands (XII und XIII Jahrh.). Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven, Bd. XI, H. III-IV, Breslau, 1935, SS. 456-458.

Генрих Латвийский, ук. соч., стр. 160-163.

Там же, стр. 163, 181, 183-185, 191; НПЛ, стр. 57, 258; см. также: *M. Taube*, op. cit., SS. 457-458.

342

НПЛ, стр. 64, 268.

343

Псковские летописи, вып. 2, М., 1955, стр. 79; НПЛ,
стр. 77, 282.

344

НПЛ, стр. 77, 294.

L.A. Gebhardi. Geschichte von Liefland, Esthland, Kurland und Semgallen. Halle, 1785, SS. 375-377.

Н.М. Карамзин. История государства Российского, т. III. СПб., 1842, стр. 122, прим. 341.

Б.Я. Рамм. Папство и Русь в X–XV веках. М.—Л., 1959, стр. 125, прим. 128.

Этот документ является копией договора 1248 г. дерптского епископа с орденом о разделе между ними в случае завоевания «Псковского княжества, переданного князем Ярославом, наследником этого княжества, дерптской церкви» («regni, quod Plescekowe nominatur, a rege Ghereslawo, eiusdem regni herede, supradictae ecclesiae Tharbatensi collati...» — Liv- est und kurländisches Urkundenbuch, Bd. III. Reval, 1857, № 200a).

A.M. Ammann, op. cit., SS. 274-275.

M. Tumler. Der Deutsche Orden. Wien, 1955, SS. 265–266, 618; *А. Энгельман.* Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях. СПб., 1858, стр. 112–115, 131–132.

351

А. Энгельман, ук. соч., стр. 131-134.

M. Turnier, op. cit., S. 618.

Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, Именной указатель, стр. 309 и 312.

354

Там же, стр. 11.

НПЛ, стр. 296. «Божии рыторѣ» — дословный перевод одного из самоназваний орденских рыцарей «gotes ritter», употребляемое также неоднократно автором «Рифмованной хроники» (v. 599, 2010, 4732, 6481 и мн. др.).

356

E. Bonnell. Russisch-livländische Chronographie. St.-Pbg., 1862, Chronologie, S. 56.

Хотя эпизод с Андреяшем является сравнительно поздним добавлением в литературный памятник и поэтому не может претендовать на большую долю достоверности, он все же основывается на каких-то реальных фактах новгородско-ливонских отношений. Ср.: *И.П. Шаскольский*. Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240–42 гг. против Руси. Истор. записки, 1951, № 37, стр. 187, прим. 2.

Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch, Bd. III, № 169a; cp.: *P. v. d. Osten-Sacken*. Der erste Kampf des Deutschen Ordens gegen die Russen. Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Bd. XX, Riga. 1907, SS. 102-103, 107.

359

НПЛ, стр. 294.

360

НПЛ, стр. 296.

Интересно, что даже этот ватиканский историк-иезуит вынужден признать, что Ледовое побоище было «точкой, поставленной в конце целого периода развития и что русские летописцы это поняли» (А. М. Ammann. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newskis. Rom. 1936, SS. 226-227).

В.Т. Пашуто. Рифмованная хроника как источник по русской истории. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, стр. 105.

363

«achte und vierzik der dâ bliben» (LR, v. 1946).

В.Т. Пашуто. Образование Литовского государства.
М., 1959, стр. 371.

365

НПЛ, стр. 74.

366

«vier und vumfzik helde wert» (LR, v. 2001).

У М. Тумлера собран материал о числе орденских рыцарей в разные столетия. До 1410 г. источники содержат только случайные цифровые данные. Так, для 1279 г. известно, что в замке Терветен (Курляндия) числилось братьев-рыцарей. В 1451 г. во всей ливонской ветви Тевтонского ордена было только 195 братьев-рыцарей, из них в Риге 14, в Венденском замке 12, а в Нарве всего 6. Тумлер предполагает, что в лучшие годы ордена число рыцарей в Пруссии и Ливонии не превышало 2000 человек, что дает вместе с оруженосцами и другими военными слугами ордена для каждой из обеих территорий конное войско, силой от 5000 до 8000 всадников (*M. Turnier. Der Deutsche Orden. Wien, 1955, S. 389 f., S. 493 f.*).

Интересно сообщение хрониста в другом месте о том, что орденским управителям (фогтам) к месту сбора войска удавалось привести только часть ополчения из подневольного сельского населения, значительная часть его, услышав о призыве, предпочитала скрыться в леса, забирая с собой и своих лошадей (LR, v. 10579-10586).

369

LR, V. 9507-9542, 9219-9221, 9123-9124.

370

LR, v. 4187-4228.

371

LR, v. 7599-7600.

LR, v. 7687-7693.

M. Turnier, op. cit., S. 266.

А.А. Строков. История военного искусства, т. I. М., 1955, стр. 262 и 266.

Е.А. Разин. История военного искусства, т. 2. М., 1957, стр. 160.

Fr. Wachsmuth. Quellen und Verfasser der livländischen Reimchronik. Programm des Gymnasiums zu Mitau. Mitau, 1878, S. 23; *В.Т. Пашуто.* Рифмованная хроника как источник по русской истории. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, стр. 104.

377

P. Ecke. Die livländische Reimchronik. Diss. Greifswald, 1910, S. 13 f.

«als ûch daz bûch tût bekant» (LR, v. 2424); «diz bûch ûch alle sagen wil» (LR, v. 3432). Ср. также стих 2291 в этой статье; встречаются и другие варианты, но цель и смысл у них одни и те же.

379

LR, v. 1320, 1970-1974.

P. Ecke, op. cit., SS. 14, 15.

nû wil ich machen ûch bekant, // wie der cristentûm ist komen // zû Nieflant als ich hân vernomen // von allen wîsen lûten — «теперь я хочу вас ознакомить с тем, как христианство распространилось в Ливонии, как я это узнал от всех мудрых людей» (LR, v. 120-123).

382

LR, v. 431-432, 8499, 11635.

383

НПЛ, стр. 296.

Herman de Wartberge. *Chronicon Livoniae*, hrsg. von Ernst Strehlke. *Scriptores rerum Prussicarum*, Bd. II. Leipzig, 1863, p. 29.

Под действующим лицом Вартберге подразумевает здесь магистра Ордена меченосцев Вольквина (*Volquinus*).

386

Ср. в. 2089–2091 «Рифмованной хроники».

«Рифмованная хроника» не упоминает о сожжении псковичами посада в 1240 г., но она сообщает, что псковичи сожгли свой посад и укрылись в Кремле во время другого набега рыцарей на Псков (в 1269 г.); см. стихи 7711-7728.

Ср. в. 2154 «Рифмованной хроники».

Ср. в. 2173–2175 «Рифмованной хроники».

В «Рифмованной хронике» этого нет. Ее автора более интересует захват псковских городов и плодородных земель (см. v. 2160: «burge und gute lant»), но для капеллана Вартберге представляет интерес и число обращаемых в «истинную веру».

391

Ср. в. 2189–2192 «Рифмованной хроники».

Auszug des Deutsch-Ordens Chronik. In: *Scriptores rerum livonicarum*, Bd. I. Riga — Leipzig, 1853, pp. 829–906.

Herman Valck. К. Valck — первый магистр ордена в Ливонии после слияния ордена меченосцев с Тевтонским. В тексте «Рифмованной хроники», послужившей источником для данной хроники, тоже упоминается магистр (v. 2078), но он не назван по имени; в данном же случае составитель орденовой Хроники решил дополнить текст и точно указать имя магистра, дабы теснее связать описываемые события с историей Тевтонского ордена. Однако, не имея достаточно точных данных о датах описываемых событий, хронист ошибочно отнес эти события к деятельности магистра Балка, который в действительности умер за год до данных событий, в 1239 г.

394

bestalde — значение глагола неясно; К. — *zoch wider die Reussen*, т. е. «выступил против русских».

mith des Koninges Volcke — подразумеваются вассалы датского короля. Слово *Volck* употребляется в «Хронике Тевтонского ордена» в двух значениях: 1) народ, люди и 2) войско, отряд.

Здесь и далее вновь неоднократно упоминается «магистр Герман» или просто «магистр» в качестве предводителя рыцарского войска, совершающего поход на Русь и взявшего Изборск и Псков. В «Рифмованной хронике», напротив, указано лишь, что магистр (не названный по имени) привел свои войска на помощь дерптскому епископу, видимо — куда-то в пределы Дерптской области; в дальнейшем описании похода 1240 г. в «Рифмованной хронике» ни разу не сказано, что во главе рыцарского войска, пришедшего на Русь, стоял магистр; видимо, хронист просто не знал, кто возглавлял это войско во время похода. Введение автором хроники Тевтонского ордена в описание похода неоднократных упоминаний магистра в качестве предводителя рыцарского войска (при том, что самый рассказ данной хроники явно является лишь сокращенной передачей текста «Рифмованной хроники», без использования каких-либо иных источников), по всей видимости, является авторским домыслом, вызвано стремлением дополнить текст и ближе связать описываемые события с историей Тевтонского ордена.

vnd dar warth gestreden vnnd gefochtenn sehrr. K. — die Reussen begegneten vnuerschrocken, do wartt ein harte schlacht — «русские бесстрашно выступили навстречу, там произошел жестокий бой».

die Chrysten — христианами хроника называет лишь католиков.

entschlogenn; ср. совр. нем. *in die Flucht schlagen* — «обращать в бегство». К. — *gobenn die flucht* — «обратились в бегство».

Здесь в сокращенной форме изложено несколько событий, значительно более подробно освещаемых в «Рифмованной хронике»: нападение рыцарей на Изборск и взятие города вместе с остатками гарнизона, приход русского войска из Пскова и бой под Изборском, кончившийся победой рыцарей. «Рифмованная хроника» говорит о захвате пленных во время взятия Изборска, а не во время последующего сражения с псковским войском у Изборска, как можно было бы заключить из цитируемого текста.

401

Volck.

В «Рифмованной хронике» говорится в безличной форме: «дали приказ», без указания, кем именно дан войску этот приказ.

Vnd die Pleßkowerr boden syck vnder denn Orden, wolden geuen — последние два слова не связаны с предложением и не имеют здесь смысла, но они использованы в К. — *vnnd die Pleßkauer woltenn sich vnter dem Ordenn geben* — «и псковичи хотели подчиниться ордену».

Geerpolth, K. — Carpolth.

Известие орденской хроники о том, что после захвата немцами-рыцарями Пскова и Псковской земли «их жители стали христианами», буквально должно означать, что население Пскова и Псковской земли было принуждено рыцарями к принятию католической религии (напомним еще раз, что «христианами» западноевропейский феодальный мир считал только католиков; русские же, исповедовавшие в то время православную религию, считались язычниками, подлежащими обращению в «христианскую», т. е. католическую религию). Сам по себе подобный факт мог иметь место — ведь Орден был духовно-рыцарской организацией, официально поставившей своей задачей распространение католической религии и проводившей свои захватнические походы с официальной целью обращения язычников в христианскую католическую веру. Однако в «Рифмованной хронике» подобное известие отсутствовало, оно внесено в «Хронику Тевтонского ордена» спустя два с лишним столетия после описываемых событий. Поскольку все повествование орденской хроники явно восходит только к одному источнику — к «Рифмованной хронике», данное известие скорее всего является авторским домыслом составителя орденской хроники, на протяжении всего цитируемого текста явно стремившегося подчеркнуть, что военные действия 1240–1242 гг. были предприняты с богоугодными целями, и всюду подчеркивавшего, что эти действия вели «христиане», «христианский отряд», возносившие «хвалу богу и его пречистой матери за победу», а павшие в боях рыцари «стали мучениками во имя бога». В плане этой общей концепции автору было важно показать, что главным результатом

завоевательных действий рыцарей был не просто захват чужой территории, а обращение населения этой территории в католическую веру.

406

meth Chrysten Volcke.

By diesem Meister Conradts tyden — Конрад ландграф тюрингенский был великим магистром Тевтонского ордена в 1239-1241 гг.

«Хроника Тевтонского ордена», называя Александра Невского новгородским князем, исправляет версию «Рифмованной хроники», где Александр был назван князем суздальским.

by dem Meyster Hermans tydenn van Salsa — Герман фон Зальца, великий магистр Тевтонского ордена в 1210–1239 гг. В действительности, Псков был захвачен немецкими рыцарями через год после смерти магистра Германа фон Зальца, умершего в 1239 г.

410

mith eynem grothem Heere van Volcke.

411

Хронист здесь соединил два события в одно: освобождение Пскова Александром Невским и Ледовое побоище.

О пытках, которым были подвергнуты пленные рыцари, говорится только в данной хронике; в «Рифмованной хронике», являющейся источником всего цитируемого здесь текста, подобных сведений нет, и эти сведения — единственное существенное добавление в данном тексте по сравнению с соответствующим текстом «Рифмованной хроники».

Следует ли считать эти сведения достоверными? Поскольку «Хроника Тевтонского ордена» была составлена через два с лишним столетия после излагаемых в данном тексте событий и притом — не в Ливонии (где у потомков уцелевших рыцарей и других участников похода 1240–1242 гг. еще могли некоторое время сохраняться какие-то остатки воспоминаний об этом походе), а на значительном расстоянии от Ливонии, в Пруссии, поддерживавшей с Ливонией лишь чисто административные связи, трудно предположить, чтобы в данном случае в хронике нашли отражение какие-то достоверные письменные сведения или устные предания. Скорее всего, упоминание о пытках — позднейший домысел составителя орденовой хроники; таким образом хронист стремился ярче показать благочестивые подвиги рыцарей-крестоносцев, боровшихся с «коварным» и «жестоким» врагом во имя торжества веры; этот домысел прямо связан с концовкой цитируемого текста, где говорится, что погибшие в описанной борьбе рыцари «стали мучениками во имя бога». Из данной хроники это добавление заимствовал Б. Руссов.

413

meth ehren Volck.

Joh. Renners Livländische Historien, hrsg. von R. Hausmann und Konst. Höhlbaum. Göttingen, 1876, SS. 32-33.

Разрядкой издатели выделили те места текста, где И. Реннер отклоняется от «Рифмованной хроники».

416

LR, v. 2089-2095.

417

LR, v. 2099-2100, 2105-2107, 2113-2118.

LR, v. 2120-2125, 2133-2135, 2139-2142, 2145-2148,
2152-2156.

LR, v. 2157-2164.

LR, v. 2173-2175, 2171-2172. — Если автор «Рифмованной хроники» говорит о «небольшом» отряде немцев, оставленном в распоряжении двух братьев-рыцарей, и в этом видит причину их недолгого пребывания в Пскове, то Реннер по неизвестной нам причине определяет количественный состав отряда в «много тысяч». Также итог русских потерь за время этого похода в 9000 человек не содержится в «Рифмованной хронике». Издатель труда Рейнера К. Гельбаум считает цифру 9000 опiskeй (вместо 900); ср. число русских, павших в бою под Изборском, определяемое «Рифмованной хроникой» в 800 человек (v. 2120).

421

LR, v. 2180-2185, 2189-2193, 2203.

422

LR, v. 2205-2221.

LR, v. 2222. — В соответствующем месте «Рифмованной хроники» магистр не упомянут, говорится лишь, что вооружились «братья-рыцари».

LR, v. 2229-2232, 2236-2241, 2252-2256.

425

LR, v. 2260-2261, 2257-2258.

426

LR, v. 2263-2267.

B. Russow. Chronica der Prouintz Lyfflandt. In: *Scriptores rerum livonicarum*, Bd. II. Riga — Leipzig, 1848, S. 17.

Здесь Б. Руссов дает собственное объяснение причины вражды русских с епископом Германом, признавая, что тартуский (дерптский) вышгород (замок) в момент захвата его немецкими крестоносцами представлял собой русский г. Юрьев.

429

wol — дословно «хорошо».

Автор «Рифмованной хроники» чувствовал необходимость подчеркнуть, что магистр оставил в Пскове лишь двух рыцарей с небольшим отрядом, двух рыцарей называет также и «Хроника Тевтонского ордена». В противоположность своим предшественникам Б. Руссов пишет, что магистр «хорошо» (*wol*) занял Псков рыцарями и войском.

Буквально «когда писался 1244 год» (или «когда значился 1244 год» — *do men schreff 1244*). Попытка установить год описываемого события принадлежит Б. Руссову.